

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно ли, кажется, въ Петербургскихъ и Московскихъ гостинныхъ (было время, когда таковыя существовали и въ первопрестольной столицѣ) встрѣчались бодрые старики, живо помнившіе славные дни Екатерины. Старики эти какъ-то особенно выдавались впередъ; въ нихъ были отмѣнная сановитость, умѣнье держать себя, и сановитость эту они невыразимо пріятно соединяли съ утонченною учтивостью и крайнею благосклонностію къ молодому поколѣнію. На нихъ словно еще свѣтился отблескъ Екатеринина величія. Они знавали великую нашу Царицу въ послѣднюю, самую темную, пору ея жизни, и тѣмъ не менѣе съ какимъ восторгомъ вспоминали они про эту пору! Они любили рассказывать, и было имъ что рассказывать. Екатерининскіе орлы съ великими качествами своими и крупными пороками представлялись въ рассказахъ этихъ такими исполинами, что совѣстно становилось глядѣть на измельчавшее новое поколѣніе, съ его незначительными достоинствами и мелочными побужденіями. Какъ сонъ промчалось какихъ-нибудь 20 лѣтъ, и не только уже нѣтъ современниковъ Екатерины, но и самыя гостинныя, гдѣ догорала вечерняя заря ихъ, затворились на вѣки.

Однимъ изъ послѣднихъ живыхъ памятниковъ Екатерининской эпохи былъ оберъ-камергеръ графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, скончавшійся 24 Мая 1865 года. Всякій, кто бывалъ лѣтъ 14 тому назадъ въ Петербургскомъ обществѣ, помнитъ этого сановитаго, изящнаго и любезнаго старца, бодро одолѣвавшаго свое осьмидесятилѣтіе и внезапно, почти безъ болѣзни, угасшаго. Какъ забыть его живыя рѣчи, острые анекдоты, восторженную хвалу великой Царицѣ? Графъ Рибопьеръ былъ въ полномъ смыслѣ то, что въ блестящую эпоху Парижскихъ салоновъ называлось *un causeur*. И въ самомъ дѣлѣ, бывало не наслушаешься рассказовъ его, и по мѣрѣ того, какъ передъ воображеніемъ проходили послѣдніе годы прошлаго столѣтія, не чувствовалось, какъ летѣло время. Графъ Рибопьеръ былъ типомъ изящнаго маркиза; въ немъ живы были всѣ старинныя преданія учтивости и утонченности, и странное дѣло, подъ этою Французскою наружностью сильно билось чисто-Русское сердце, чутко относившееся ко всему родному; съ этихъ устъ, такъ красиво закруглявшихъ Французскія фразы, потокомъ струилась живая Русская рѣчь, искрившаяся всею красотою родныхъ пословицъ и поговорокъ. Этотъ щеголеватый типъ Версальскаго царедворца горячо любилъ родину; его постоянно тянуло изъ-за границы и съ роскошныхъ придворныхъ праздниковъ въ созданное и украшенное имъ Новое Село (Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда), гдѣ онъ не только бывалъ почти каждое лѣто, но нерѣд-

ко проводилъ и зиму. Графъ Рибопьеръ былъ вполне придворнымъ челоѣкомъ, но въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ его преданности государямъ слышалось то врожденное каждому Русскому чувство, котораго не пошатнуть никакія чуждыя намъ ученія и идеи; но преданность его была вполне трезвая: онъ глубоко почиталъ начало власти, но не ослѣплялся въ отношеніи къ орудіямъ ея. Преданность его не имѣла ничего рабскаго, лакейскаго; онъ чтилъ Царя и любилъ его, какъ любить Русскій, т. е. не забывая никогда собственнаго достоинства. Онъ не лѣстилъ въ глаза, но и не поносилъ за глазами. Среди блеска дипломатическихъ пріемовъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ, среди свѣтской разсѣянности и придворной болтовни, онъ оставался вполне чуждъ тому политическому нигилизму, который такъ распространился въ позднѣйшее время въ высшихъ сферахъ нашего общества. Онъ вѣрилъ въ призваніе Россіи, и для него благо Россіи, честь ея не были пустыми словами.

Съ графомъ А. И. Рибопьеромъ связаны лучшія воспоминанія моего дѣтства. Онъ былъ искреннимъ другомъ отца моего; ни одно облако не отуманило ихъ 58 лѣтнихъ близкихъ отношеній. Они познакомились въ Петербургскомъ свѣтѣ, а сошлись и подружились въ Вѣнѣ, гдѣ вмѣстѣ жили у посла графа Разумовскаго, служа въ его канцеляріи и вмѣстѣ вращаясь въ блестящемъ Вѣнскомъ обществѣ. Въ то время въ Вѣнѣ была мода на прозвища. Отецъ мой былъ высокъ ростомъ; Рибопьеръ, въ то время, подлѣ отца казался мальчикомъ; ихъ сейчасъ же прозвали m-r Legrand и chevalier Lepetit или же le petit chevalier. Legrand и Lepetit знала вся Вѣна. Извѣстная въ ту пору умомъ своимъ, Наталья Кириловна Загряжская, дочь гетмана Разумовскаго и тетка моего отца, говаривала про Рибопьера: «розовый мальчикъ, вѣтеръ причесалъ». Когда, въ сороковыхъ годахъ, отецъ мой переѣхалъ на житѣ въ Москву, гр. Рибопьеръ почти ежегодно посѣщалъ его проездомъ въ свое Новое Село. Онъ по недѣлямъ гостилъ у насъ и часто вечерами рассказывалъ мнѣ про славные дни Екатерины. Кое-что я записалъ со словъ его, къ сожалѣнію весьма немногое. Его часто уговаривали, чтобы онъ велъ Записки. «Меня преслѣдуютъ просьбами писать Мемуары», говоритъ онъ въ записной своей книжкѣ. «Множество причинъ препятствуетъ этому. Главное то, что мнѣ постоянно приходилось бы говорить о себѣ. Правда, я всю жизнь провелъ при дворѣ, на своемъ вѣку занималъ не одну должность, но никогда не игралъ я первенствующей роли, никогда не рѣшалъ и даже не руководилъ дѣлами первой важности. На каждомъ шагѣ въ моихъ Запискахъ встрѣчались бы выраженія: «я видѣлъ, я слышалъ, я былъ, я сказалъ». Спрашивается: кого можетъ это интересовать?» Не смотря на это, несомнѣнно, что графъ Рибопьеръ не разъ принимался за дѣло, но каждый разъ, или вѣрнѣе почти каждый разъ, уничтожалъ написанное, будучи имъ недоволенъ. «У меня была толстая тетрадь», говоритъ онъ въ другой замѣткѣ, «полная біографій, мною составленныхъ. Составлялъ я ихъ съ безпристрастіемъ. Писалъ я только то, что мнѣ подсказывали сущая правда и свѣжая еще память. Года четыре тому назадъ, тетрадь эта попалась мнѣ подъ руку, я ее сталъ перелистывать и бросилъ въ огонь; а то она, пожалуй, попалась бы кому либо въ руки, и стали бы говорить: «какой этотъ Рибопьеръ злющій». Впрочемъ кое-что изъ Записокъ его сохранилось. Когда дворъ, въ первый разъ по восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, прибылъ въ Москву, графъ Рибопьеръ поспѣшилъ туда изъ Новаго Села и безпрестанно бывалъ у Ихъ Величествъ. «Однажды, въ Александріи,

имѣлъ я неосторожность разсказать Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и сестрѣ ея принцессѣ Луизѣ Нидерландской, что послѣ неоднократныхъ попытокъ писать Мемуары и частаго уничтоженія мною написаннаго, у меня все таки остались необдѣланныя замѣтки, которыхъ никто, ниже жена моя, не видала и не увидитъ» ¹⁾. Государыня долго просила Рибопьера прочесть ей что нибудь изъ этихъ замѣтокъ; онъ отнѣкивался. Наконецъ, нашлась у него старая тетрадь, привезенная изъ деревни для записыванія счетовъ, въ ней записаны были кое-какіе анекдоты; онъ прочелъ ихъ Государынѣ, и чтеніе имѣло полный успѣхъ. Находившаяся въ ту пору въ Москвѣ великая княгиня Елена Павловна, слѣдившая за каждою умственною новинкою, потребовала повторенія у себя этого чтенія. Куда дѣвались эти наброски, мнѣ неизвѣстно. Говорятъ, что въ Новомъ Селѣ хранится или вѣрнѣе хранилось (такъ какъ съ кончиною графа это помѣстье опустѣло) много интересныхъ бумагъ. У старшей дочери его граф. Софьи Александровны Голенищевой-Кутузовой сбережены двѣ переплетенныя тетради въ четвертку. Въ одной изъ нихъ встрѣчаемъ мы сперва анекдоты про Екатерину, характеристику ея и Павла I; потомъ мало по малу Записки, если ихъ такъ назвать можно, переходятъ въ автобіографію. Во второй тетради необдѣланные наброски и замѣтки, въ которыхъ прошлое спутано съ настоящимъ и факты интересные внесены среди всякихъ мелкихъ и незанимательныхъ, да къ тому же совершенно новѣйшихъ придворныхъ сплетенъ. Вообще, какъ видно, тетради эти велись въ послѣднее десятилѣтіе жизни графа. Хронологическая нить часто прерывается: то онъ забываетъ впередъ, то снова вспоминаетъ кое-что старое и возвращается назадъ. Графиня Кутузова, цѣня глубокоую мою привязанность къ памяти отца ея, довѣрила мнѣ драгоцѣнныя для нея тетради. Онѣ писаны пофранцузски, прекраснымъ и простымъ слогомъ. Читая ихъ, такъ и слышишь голосъ и рѣчь графа Рибопьера. Издавать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они написаны, пѣтъ возможности; со всѣмъ тѣмъ въ Запискахъ этихъ много интереснаго, и жаль было бы оставлять ихъ въ неизвѣстности. Мы начали съ того, что перевели ихъ на Русскій языкъ, строго придерживаясь духу подлинника, ничего не измѣняя, но кое-что выпуская. Потомъ мы возстановили историческій порядокъ, дополняя при этомъ содержаніе первой тетради выписками изъ второй; относительно историческаго интереса все вошло въ составъ настоящей автобіографіи. Сдѣлать это было нетрудно: съ одной стороны я уже и прежде коротко знакомъ былъ съ жизнію графа, къ тому же у меня на подмогу была подъ рукою 50 лѣтняя переписка его съ отцемъ моимъ (1804—1854); съ другой стороны Александръ Ивановичъ писалъ, какъ Французы говорятъ, à bâtons rompus, отдѣльными параграфами, которые легко было переставлять. Но мы ни единого слова не измѣнили, ни единого не добавили. Только при сравненіи Записокъ съ старою моею записною книжкою, оказалось, что у меня, со словъ графа записаны два или три имъ забытыхъ анекдота: я позволилъ себѣ внести ихъ въ текстъ. Занимаясь въ настоящее время второю частью Исторіи семейства Разумовскихъ ²⁾, которую надѣюсь скорѣ представить на судъ читателей, я разбиралъ недавно огромный и крайне-интересный архивъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, и между многими письмами,

¹⁾ Изъ приведенной выше записной книжки.

²⁾ Первая часть помѣщена въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“, книга 2-я.

которые составляют приложение къ труду моему, нашелъ два письма отъ графа А. И. Рибоьера; они тоже присоединены мною къ его автобіографіи.

*

Касательно происхожденія графа Рибоьера составила у насъ басня, получившая почти право гражданства. Страшная вещь: у насъ мало чѣмъ дорожать, все забываютъ, не сохраняютъ преданій, и вдругъ ни съ того ни съ сего пустая сплетня расходится по всей Россіи, и всѣ ей даютъ вѣру. Рассказываютъ, будто отцомъ графа Александра Ивановича былъ Французъ-нарикмахеръ, Пьеръ Рибо, очень красивый собою; будто онъ пригласился фрейлинѣ Бибиковой, что будто когда о томъ догадалась мать ея, вдова знаменитаго Александра Ильича Бибикова, то оставалось только скорѣе обвинять молодыхъ любовниковъ, перемѣнившихъ, при совершеніи брака, плебейскую фамилію Ribeau на болѣе звучную Ribeaupierre: стоило только перемѣстить буквы!

Все это пошлая выдумка. Отца Александра Ивановича звали *Иваномъ*, а не Петромъ, писался онъ не Ribeaupierre, а Ribaupierre, былъ не Французъ, а Швейцарецъ, и на родинѣ оставилъ многочисленныхъ родственниковъ, которые занимали почетное положеніе и потомки которыхъ существуютъ и теперь ³⁾. Наконецъ, младшая вѣтвь Рибоьеровъ понынѣ процвѣтаетъ въ Швейцаріи и вполне признаетъ родство свое съ Русскими однофамильцами ⁴⁾.

³⁾ Многие изъ нихъ мнѣ лично знакомы.

⁴⁾ Семейство Рибоьеровъ принадлежитъ къ древнѣйшему дворянству. Въ Эльзасѣ, между Кольмаромъ и Шельстадомъ, въ бывшемъ департаментѣ верхняго Рейна, находится хорошенькій и промышленный городокъ Рибовилье (Ribauvillé, пофѣмски Rappoltsweiler). Надъ городомъ, на горахъ, видны развалины трехъ феодальныхъ замковъ: Гирсбергъ, Сантъ-Ульрихъ или Большой Рибоьеръ (Grande Ribaupierre, пофѣмски Gross-Rappoltstein) и Высокій Рибоьеръ (Haute Ribaupierre). Извѣстный ученый Шенфлинъ говоритъ, что въ XII вѣкѣ ленное владѣніе Рибоьеръ перешло въ руки Швабскаго уроженца Эгельгольфа фонъ-Урселингенъ, который сталъ называться Рибоьеромъ или Раппольтштейномъ. Таково историческое начало рода Рибоьеровъ; но они имъ не довольствовались, и преданіе, существовавшее въ родѣ этомъ во времена его могущества, производило Урселингена отъ древнихъ владѣтелей города Сподеты въ Италіи. Въ Лотарингіи существовалъ древній законъ, въ силу котораго иностранцы не допускались въ число феодальныхъ бароновъ. Но баронскіе роды стали вымирать и, опасаясь усиленія герцогской власти, Лотарингскіе феодалы, подъ именемъ ленныхъ перовъ (pairs fiefés или fiebvés) открыли ряды свои иностранцамъ, могущимъ доказать древность своего дворянства и владѣющимъ уже землями въ Лотарингіи. Такими стали Бассомпьеры (Bassompierre), Стенвили (Stainville), Сальмы (Salm), Людры (Ludres) и многіе другіе, въ числѣ которыхъ и Рибоьеры. Имена послѣднихъ часто встрѣчаются въ исторіи. Рибоьеры владѣли землями въ Лотарингіи и породнились съ ландграфами Эльзаскими и съ герцогами Лотарингскими. Лудовикъ XIV упочилъ все наслѣдіе дома Рибоьеровъ за дочерью графа Іоганна Рибоьера Екатериною Агатою (†1683), бывшей въ замужествѣ за Христіаномъ III, графомъ-палатиномъ Рейнскимъ и Биркенфельдскимъ, изъ Бишвейлерской отрасли Баварскаго дома. Она была прабабкою по прямой линіи перваго Баварскаго короля Максимиліана, внесшаго въ иолный королевскій Баварскій титулъ названіе Herr zu Rappolstein (нофранцузски sire de Ribaupierre). Новѣйшія изслѣдованія г. Мома (Les seigneurs de Ribaupierre, famille de la chevalerie Lorraine, en Alsace et en Suisse par M. E. Meaume. Nancy 1873. Extrait des Mémoires de la Société d'Archéologie Lorraine) доказываютъ несомнѣнно, что Швейцарскіе Рибоьеры составляютъ младшую отрасль знаменитой Эльзаской фамиліи. Отрасль эта, оставшаяся вѣрною герцогу Бургундскому Карлу Смѣлому, переселилась вслѣдствіе разныхъ невзгодъ въ Швейцарію и мало помалу прервала всякія сношенія съ своими однофамильцами. Первый Рибоьеръ, о коемъ упоминаютъ Швейцарскіе акты, — Антонъ, въ концѣ XVI вѣка, завѣдывалъ огромными маетностями семейства де Вержи (Vergi), находившагося въ близкомъ родствѣ съ Эльзаскими Рибоьерами. У этого Антона былъ внукъ Тимофей, который жилъ въ Грансонѣ (въ Ваатландѣ) и принялъ

Маркъ-Степанъ Рибопьеръ, дѣдъ графа Александра Ивановича, жилъ недалеко отъ городка Ролля, на берегу Женевского озера, въ имѣніи своемъ Ла-Лигьеръ, La Liguière⁵⁾. Онъ былъ очень друженъ съ Вольтеромъ, который собирался переѣхать на житье къ Рибопьерамъ; часть Вольтеровой библіотеки была даже перевезена въ Ла-Лигьеръ и размѣщена въ одномъ изъ павильоновъ этого помѣстья, который съ этихъ поръ сталъ называться Вольтеровымъ павильономъ.

У Марка Степана Рибопьера были двѣ дочери и три сына. Одна изъ дочерей вышла за Швейцарца де Ровереа (de Rovereat); она была замѣчательнаго ума и славилась любезностью. Другая была женою Женевского патриція Де-Сожи (de Saugy), изъ очень извѣстной въ Швейцаріи фамиліи, и сынъ ея Юлій Де-Сожи служилъ въ Россіи въ лейбъ-уланахъ. Старшіе сыновья Марка-Степана поступили на Испанскую службу и поселились въ Кадиксъ⁶⁾. Почти всѣ предки графа Рибопьера были военные и, по обычаю Швейцарскаго дворянства, служили кто во Франціи, кто въ Голландіи, кто въ Италіи и Испаніи. Младшій сынъ того же Марка-Степана, Иванъ Рибопьеръ получилъ отличное образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ сблизился съ двумя молодыми Русскими, отправленными за границу для образованія. Оба принадлежали къ знатымъ родамъ нашимъ: то были князь Николай Борисовичъ Юсуповъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Въ то время какъ молодой Рибопьеръ учился въ Тюбингенѣ, отецъ добылъ ему патентъ на чинъ лейтенанта въ Швейцарскій полкъ, который находился на службѣ у Голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ и которымъ командовалъ близкій родственникъ Рибопьеровъ баронъ Роль (Rolle). Въ то время всѣ взоры обращены были на Россію; ими Екатерины гремѣло на стогнахъ Европы; но нигдѣ столько про нее не говорили какъ въ Фернеѣ у Вольтера, гдѣ часто бывалъ молодой Рибопьеръ. Слова Вольтера, рассказы Русскихъ товарищей, газетныя извѣстія, все это вскружило голову молодому Швейцарцу: онъ бросилъ свой патентъ и съ письмомъ отъ Вольтера отправился въ Петербургъ. «Я испрашиваю вашихъ милостей подателю письма сего, писалъ Императрицѣ Вольтеръ, и мнѣ кажется, что теперь я отчасти исправляю многочисленные мои промахи, неоднократно рекомендовавъ вашему величеству людей далеко не оправдавшихъ добрые мои о нихъ отзывы»⁷⁾. Императрица милостиво приняла письмо, Рибопьеръ удостоенъ былъ лестнаго приѣма, назначенъ офицеромъ, а вслѣдъ за

Швейцарское гражданство. У Тимофея были сыновья Авраамъ и Іоаннъ-Францискъ. Отъ втораго пошли Рибопьеры, живущіе понынѣ въ Швейцаріи. Швейцарскіе Рибопьеры сохранили правильное правописаніе своего имени (Ribaupierre, а не Ribeaupierre), и гербъ ихъ совершенно почти сходенъ съ гербомъ Эльзасскихъ Рибопьеровъ. У Авраама Рибопьера былъ сынъ Яковъ-Францискъ, поселившійся въ 1689 г. въ Ролль (Rolle), гдѣ онъ былъ совѣтникомъ и секретаремъ городского управленія, внукъ Даніилъ, куріальный совѣтникъ и правнукъ Маркъ-Степанъ, родившійся въ 1723 году.

⁵⁾ Помѣстье это досталось по наслѣдству графу Александру Ивановичу. Во время его малолѣтства и въ самый разгаръ Французской революціи, имѣніе было продано опекунами за бездѣнокъ. Много лѣтъ спустя, графъ Рибопьеръ посѣтилъ его. Въликолѣпные дубы украшали старинный садъ; домъ, въ которомъ жилъ дѣдъ Александра Ивановича, былъ обращенъ въ службѣ, а Вольтеровъ павильонъ сталъ господскимъ домомъ, château (изъ записной книжки графа Рибопьера).

⁶⁾ Они, сколько намъ извѣстно, гами и умерли, не оставивъ потомства.

⁷⁾ Изъ записной книжки графа Рибопьера.

тѣмъ взять въ адъютанты къ князю Потемкину, что открывало ему блестящую карьеру. У бывшихъ своихъ товарищей по университету, Юсупова и Апраксина, Рибопьеръ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Тогда же онъ сблизился съ семействомъ покойнаго А. И. Бибикова.

Екатерина осыпала это семейство своими щедротами. Вдова Бибикова, Анастасья Семеновна, получила 2500 душъ въ Бѣлоруссіи; старшій сынъ Павелъ произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государынѣ; второй сынъ, десятилѣтній Александръ, пожалованъ офицеромъ въ гвардію, а дочь Аграфена Александровна во фрейлины. Въ то время комплектъ фрейлинь состоялъ изъ двѣнадцати дѣвицъ, и то почти всегда были ваканціи. Фрейлины должны были жить во дворцѣ и поочередно дежурить при Императрицѣ. Анастасья Семеновна, убитая горемъ по кончинѣ супруга, объявила Государынѣ, что хотя крайне благодарна за всѣ ея милости и почитаетъ пожалованіе дочери величайшею честью для всего своего рода, однако никакъ не можетъ рѣшиться на разлуку съ нею. Екатерина дозволила новопожалованной фрейлинѣ жить при матери. Это былъ первый примѣръ такого рода. Молодая Бибикова являлась на дежурство во дворецъ съ такою аккуратностью, что даже во время страшнаго наводненія 1777 года, затопившаго почти весь Петербургъ, не смотря на погоду и опасность, отправилась въ лодкѣ во дворецъ. И на умъ не приходило въ то время, говорилъ графъ Рибопьеръ, рассказывая эти подробности, «извиниться отъ дежурства». На придворныхъ балахъ Бибикова увидала красиваго и статнаго адъютанта Потемкина, котораго въ Россіи стали величать Иваномъ Степановичемъ. Онъ ей приглянулся, и они сочтались бракомъ. Несомнѣнно, что бракъ этотъ всей роднѣ, а особенно старухѣ Бибиковой (урожд. княжнѣ Козловской) не очень пришелся по сердцу. Родниться съ чужеземцами не очень въ то время любили, и недовольство это вѣроятно породило въ городѣ тѣ нелѣпые толки, о которыхъ упомянуто выше.

Между тѣмъ служба И. С. Рибопьера шла очень успѣшно. Всемогушій князь Тавриды благоволилъ къ своему адъютанту. Его приглашали ко двору, всюду радушно принимали, всячески ласкали. Рибопьеръ особенно сблизился съ товарищемъ своимъ, красавцемъ-гвардейцемъ, А. М. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, тоже адъютантомъ князя Потемкина. Между ними завязалась тѣсная дружба, и Рибопьеръ вскорѣ приобрѣлъ большое вліяніе на Мамонова. Когда послѣ Ермолова фаворитомъ сдѣлался Мамоновъ, близкія отношенія сего послѣдняго къ товарищу по адъютантству не измѣнились. «Рибопьеръ», доносилъ В. С. Попову Петербургскій соглядатай Потемкина Гарновскій, «находится въ прежнемъ положеніи и прослживается у его превосходительства (Мамонова) часто до 3-хъ часовъ ночи»⁸⁾. Какъ видно, и Потемкинъ, и всѣ сторонники его вполне полагались на Ивана Степановича и считали его пребываніе въ Петербургѣ для себя необходимымъ. Въ то время онъ уже былъ бригадиромъ. Мамоновъ желалъ, чтобы Рибопьеръ переведенъ былъ въ Казанскій кирасирскій полкъ, опасаясь, какъ-бы онъ не уѣхалъ на войну. Онъ просилъ Потемкина донести о томъ Государынѣ и объяснять, «что по иностранству его къ нашей службѣ непривыкшему», приличнѣе ему быть въ полку, находящемся внутри Россіи, чѣмъ въ такомъ, который находится въ походѣ. «Признаться вамъ»,

⁸⁾ Русская Старина XV, 242.

говорилъ Мамоновъ С. А. Львову, «что почти жить не могу безъ Ивана Степановича; да и для князя, можетъ быть, лучше бы было, еслибъ Иванъ Степановичъ былъ здѣсь. Я ни съ кѣмъ не могу такъ откровенно говорить какъ съ нимъ». «Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ», добавляетъ уже отъ себя Гарновскій, «непремѣнно нужно Ивану Степановичу быть здѣсь».

Сторонники князя Потемкина опасались вліянія враговъ его на Мамонова; болѣе всѣхъ боялись они Завадовскаго, Безбородки и А. Р. Воронцова.

Рибопьеръ, съ тѣхъ поръ какъ начался случай Мамонова, принять былъ и въ число приближенныхъ къ Государынѣ. Онъ часто бывалъ на эрмитажныхъ собраніяхъ; попасть туда было въ то время завѣтною мечтою каждого придворнаго, но не многіе удостоивались подобной чести. Государыня любила бесѣдовать съ умнымъ и образованнымъ Швейцарцемъ. Когда Екатерина стала думать о воспитателѣ для своего внука, Рибопьеръ рекомендовалъ ей друга своей молодости, Лагарпа ⁹⁾.—Отъ брака съ Аграфеною Александровною Бибиковою родились у Ивана Степановича три дочери: Анастасія, Елисавета и Екатерина и сынъ Александръ. Онъ родился 20 Апрѣля 1781 года; воспреемникомъ его былъ малолѣтній тогда великій князь Александръ Павловичъ. Ребенокъ былъ необыкновенно красивъ; всѣ его любили и ласкали. Рибопьеръ часто водилъ съ собою къ Мамонову своего малолѣтняго сына.

Но уступимъ мѣсто разсказу самого графа Александра Ивановича.

*

Изъ всѣхъ любимцевъ Екатерины, исключая кн. Потемкина, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ самымъ замѣчательнымъ по уму, воспитанію и по отмѣнной щеголеватости манеръ. Одинъ онъ изъ всѣхъ любимцевъ добровольно покинулъ положеніе свое при дворѣ. Частію отъ скуки, частію по любовной вспышкѣ, онъ женился на княжнѣ Щербатовой и удалился отъ двора ¹⁰⁾.

Княжна Дарья Ѳеодоровна Щербатова была фрейлиною. Фрейлины въ то время жили во дворцѣ и никуда не выѣзжали безъ особеннаго разрѣшенія, и то только, чтобы навѣстить самыхъ близкихъ родныхъ. Бабушка Анастасія Семеновна Бибикова приходилась какъ-то теткою княжнѣ Щербатовой, которая почти ежедневно насъ посѣщала. Графъ Мамоновъ былъ искреннимъ другомъ отца моего. Дружба ихъ началась въ то время, когда они были вмѣстѣ адъютантами у князя

⁹⁾ Изъ записной книжки графа Рибопьера.

¹⁰⁾ Г-жа Бирхпфейферъ, сочинительница довольно удачныхъ Нѣмецкихъ комедій, воспользовалась этимъ сюжетомъ; но, не имѣя никакихъ вѣрныхъ историческихъ данныхъ и вовсе незнакома съ дворомъ Екатерины, она попала въ просакъ, и пьеса ея, названная *die Günstlinge*, была пошла до неприличія. Я былъ въ то время посланникомъ въ Берлинь и протестовалъ противъ повторенія этой пьесы, на представленіи которой храбро присутствовали Прусскія принцессы, правнучки той великой Монархини, которую сочинительница пьесы поднимала на смѣхъ. Мнѣ удалось добиться ея запрещенія, и при мнѣ ея уже не давали, къ крайнему отчаянію г-жъ Крейлингеръ и Гагенъ, извѣстныхъ въ то время Берлинскихъ актрисъ, воображавшихъ, что одна несравненно представляла Екатерину, а другая княжну Щербатову. Въ сущности же онѣ играли такъ, что ихъ бы слѣдовало прогнать со сцены.

Замѣчаніе графа Рибопьера.

Потемкина. Мамоновъ часто бывалъ у насъ и встрѣчался съ княжною. Они полюбили другъ друга и объяснились, но такъ, что никто въ домѣ этого не подозрѣвалъ. Однако, ничто не ускользаетъ отъ придворныхъ взоровъ, и скоро стали добиваться причины частыхъ къ намъ поѣздокъ Мамонова. Причину эту вскорѣ открыли, и немедленно о томъ донесено было Государынѣ. Она долго не вѣрила. Прекрасной душѣ ея противна была клевета. Враговъ Мамонова однако это не остановило и, благодаря частымъ повтореніямъ, имъ удалось вселить безпокойство въ довѣрчивое сердце Екатерины. Она рѣшилась сама убѣдиться въ вѣрности доноса. Призвать къ себѣ Мамонова и приступая немедли къ дѣлу, она сказала ему: «Я старѣю, другъ мой; будущность твоя крайне меня безпокоитъ. Хотя великій князь къ тебѣ благосклоненъ ¹¹⁾, однако я крайне опасуюсь, чтобы завистники (а у кого ихъ нѣтъ при дворѣ?) не имѣли вліянія на перемѣнивый его нравъ. Отецъ твой богатъ, и тебя тоже обогатила; но послѣ меня, чтѣ будетъ съ тобою, если я заранѣе не подумаю о судбѣ твоей? Ты знаешь, что покойная графиня Брюсъ ¹²⁾ была лучшимъ другомъ моей юности. Умирая она мнѣ поручила свою единственную дочь. Ей теперь 16 лѣтъ, и я имѣю право располагать ея будущностію. Женись на ней, ты изъ нея образуйшь себѣ жену по вкусу и будешь однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Женившись ты здѣсь поселишься, за тобою останутся всѣ занимаемыя тобою должности; ты будешь мнѣ помогать по прежнему свѣдѣніями и умомъ, которыми, какъ самъ знаешь, я высоко цѣню. Отвѣчай мнѣ откровенно. Твое счастье—мое счастье». Мамоновъ слушалъ, ничего не отвѣчая. Онъ не подозрѣвалъ, что нѣжныя слова эти были ловушкою и, увлеченный страстью, которую онъ питалъ или вѣрнѣе которую ему казалось, что онъ питалъ къ княжнѣ Щербатовой, бросился къ ногамъ Государыни и воскликнулъ съ увлеченіемъ: «Такъ какъ Ваше Величество желаете моего счастья и рѣшаетесь женить меня и удалитъ отъ себя, то дозвольте мнѣ жениться на той, которую люблю». Нѣжная и страстная, но въ тоже время всегда владѣвшая собою, Екатерина промолвила только: «И такъ это правда?» Мамоновъ понялъ, что себя предалъ, что окончательно упалъ въ глазахъ Государыни и что не можетъ болѣе при ней оставаться и долженъ покинуть дворецъ. Быть можетъ, онъ почувствовалъ уже тогда раскаяніе ¹³⁾. Смущенный, уничтоженный, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Вскорѣ

¹¹⁾ Мамоновъ былъ единственный изъ любимцевъ Екатерины, который сумѣлъ тактомъ своимъ снискать благоволеніе Павла Петровича. *Замѣчаніе графа Рибопьера.*

¹²⁾ Графиня Прасковья Александровна Брюсъ (р. 1729 + 1786), сестра Задунайскаго, супруга генераль-аншефа Якова Александровича Брюса (р. 1732 + 1791). Дочь ихъ Екатерина Яковлевна (р. 1776, значить ей было всего 12 лѣтъ, а не 16, во время удаленія Мамонова отъ двора) была потомъ за графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который присоединилъ ея фамилію къ своему имени.

¹³⁾ Екатерина сама передавала Храповицкому это объясненіе съ Мамоновымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ пришелъ въ Понедѣльникъ (18 Іюня 1789), сталъ жаловаться на холодность мою и начиналъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ знаетъ, каково мнѣ съ Сентября мѣсяца и сколько я терѣла. Просилъ совѣта чтѣ дѣлать. «Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь, а какъ отойти, подумаю. Потомъ послала къ нему записку pour une retraite

послѣ жестокаго этого признанія, Государыня призвала княжну Щербатову и сказала ей: «Я васъ взяла къ себѣ по смерти вашихъ родителей¹⁴⁾. Я старалась всячески замѣнить ихъ. Кромѣ благосклонности вы отъ меня ничего не видали; теперь исполняю окончательно долгъ свой. Я знаю, что вы любите графа Мамонова; онъ сейчасъ признался мнѣ въ своей любви къ вамъ. Я рѣшила вашу сватьбу и дамъ приказаніе для безотлагательнаго совершенія оной». И въ самомъ дѣлѣ, по приказанію Государыни, купленъ былъ великолѣпный домъ въ Москвѣ, который заново отдѣляли и снабдили всѣмъ необходимымъ для комфорта, даже провизіею. Сватьбу отпраздновали въ придворной церкви Царскосельскаго дворца, въ присутствіи Государыни, при чемъ строго наблюденъ былъ придворный этикетъ, и Императрица по обыкновенію собственноручно убрала голову невѣсты¹⁵⁾. Хотя я тогда былъ еще совершеннымъ ребенкомъ, однако присутствовалъ при этой сватьбѣ вмѣстѣ съ матушкою и бабушкою, единственными родственницами княжны; кромѣ насъ не было другихъ приглашенныхъ. На другой день молодые уѣхали въ Москву. Медовый ихъ мѣсяцъ недолго продолжался. Скука, одиночество, раскаяніе отравили жизнь ихъ. Екатерина была отомщена. Гнѣвъ и досада должны были однако на комъ нибудь излиться. Коль скоро къ ней явился ея камердинеръ Зотовъ, она разразилась упреками и жалобами. «Я знаю, сказала она, кто предатели: Рибопьеръ и жена его устроили эту сватьбу. Они безсовѣстно надо мною подшутили». Зотовъ замѣтилъ, что этимъ бракомъ отецъ мой не только ничего не выигрывалъ, но напротивъ рисковалъ навсегда потерять благоволеніе Государыни, которое приобрѣлъ единственно черезъ дружбу свою съ Мамоновымъ и что навѣрное онъ не захотѣлъ бы жертвовать милостями Ея Величества изъ-за удовольствія выдать замужъ одну изъ многочисленныхъ родственницъ своей жены.— «Ты правъ», отвѣчала Государыня: «горе мое меня ослѣпило. Отъ чего нѣтъ постоянно при царяхъ честнаго человека подобнаго тебѣ, мой милый Зотовъ, чтобы останавливать первые порывы гнѣва! Я знаю Рибопьера: подобный поступокъ не со-

brillante: il m'est venue l'idée du mariage avec la fille du comte de Bruce. Анна Никитична (Нарышкина) здѣсь. Брюсъ будетъ дежурный. Я дозволила ему привезти дочь. Ей 13 лѣтъ, mais elle est déjà formée: je sais cela. Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукою, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щ. и полгода какъ далъ слово жениться. Jugez du moment! Послала за Анной Никитичной. Онъ пришелъ. Дозволила, досадуя, за чѣмъ ранѣе не рѣшился. Il m'aurait épargné bien des désagréments. Но Анна Никитична его разругала. Онъ заведенъ. Права ли я?» (Дневникъ Храповицкаго, изданіе 1874 года, стр. 293).

¹⁴⁾ Родители ея умерли въ Москвѣ отъ чумы (*замѣчаніе гр. Рибопьера*). Это не совсѣмъ вѣрно. Княжна въ дѣтствѣ лишилась матери, родомъ княжны Беконичъ-Черкасской; но отецъ ея, князь Теодоръ Теодоровичъ, женился вторично на княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ Мещерской, имѣлъ отъ нея дѣтей и умеръ гораздо позднѣе чумы.

¹⁵⁾ Екатерина, въ самый день признанія Мамонова, 18 Іюня 1789, саморучно обручила его съ кн. Щербатовой пребогатымъ перстнемъ; но сватьба ихъ, по причинѣ поста, отложена была до слѣдующаго 1-го Іюля (Дневн. Храповицкаго). Преданіе увѣряетъ, что, убирая невѣсту брилліантами и припиливая головной нарядъ, Государыня уколола се.

гласенъ съ прямымъ его характеромъ»¹⁶⁾. Захаръ Константиновичъ Зотовъ, родомъ Грекъ, помѣщенъ былъ при Государынѣ княземъ Потемкинымъ. Зотовъ искорѣ сдѣлался довѣреннымъ ея человѣкомъ. Другимъ довѣреннымъ камердинеромъ Государыни былъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ. Они поочередно дежурили при Императрицѣ. Онъ мнѣ самъ передавалъ вышесказанное, равно какъ и многое другое, въ продолженіи долгаго съ нимъ разговора, уже въ царствованіе Александра Павловича. Онъ восхищался въ покойной Государынѣ сердечною добротою и быстротою соображенія (*promptitude du jugement*).

Екатерина не перемѣнилась послѣ сватъбы Мамонова ни ко мнѣ, продолжавшему ежедневно бывать у нея, ни къ моему отцу, который по прежнему остался въ числѣ приближенныхъ особъ. Положеніе это онъ сохранилъ до отъѣзда своего въ армію, въ слѣдующемъ году. Назадъ онъ уже не возвращался, ибо былъ убитъ на штурмѣ Измаила. Дружба отца съ Мамоновымъ открыла ему внутренніе покои дворца; онъ проводилъ тамъ всѣ вечера и такимъ образомъ ежедневно находился въ томъ отборномъ кружкѣ, который собирала вокругъ себя Государыня. Обычная сдержанность отца подала поводъ Государынѣ дать ему прозваніе: *dieu du silence*. Она охотно давала прозвища всѣмъ лицамъ, составлявшимъ ежедневное ея общество: такъ дядю моего Вибикова, который былъ малъ ростомъ, она прозвала *grand d'Espagne*. Въ прозвищахъ этихъ никогда не было ничего обиднаго: они были только выраженіемъ веселости всегда благосклонной.

Государыня много про меня слышала и пожелала меня видѣть. Меня къ ней привели обманомъ. Мнѣ было всего четыре года, и я страшно ея боялся. Мамоновъ, постоянно меня ласкавшій, не разъ предлагалъ свести меня къ Государынѣ. Я этого страхъ боялся. Не знаю почему, мнѣ представлялось, что какъ только меня приведутъ къ Государынѣ, она сейчасъ же велитъ мнѣ отрубить голову. Мамоновъ рѣшился употребить хитрость; онъ подозвалъ Зотова и сказалъ ему: «Сведи его туда и скажи: вотъ вамъ игрушка отъ меня». Я сейчасъ же догадался, въ чемъ дѣло и когда Зотовъ понесъ меня по витой внутренней лѣстницѣ, соединявшей комнаты Мамонова съ покоями Императрицы, то я сталъ дѣлать ему страшныя гримасы въ надеждѣ его напугать и вырваться изъ рукъ его. Меня внесли въ уборную Государыни; она сидѣла въ большомъ бѣломъ пенуарѣ, передъ зеркаломъ. Увидавъ меня, она подозвала меня, но я ни за что не захотѣлъ подойти. Государыня встала и засыпала меня ласками¹⁷⁾. Она вскорѣ такъ ко мнѣ привыкла, что безпрестанно за мною посылала. Я былъ у нея совершенно какъ дома, потому что полюбилъ

¹⁶⁾ Судя по современнымъ указаніямъ, Екатерина не такъ скоро простила Ивану Степановичу и даже имѣла съ нимъ личное объясненіе. Она завела съ нимъ рѣчь о долгахъ новой графини Мамоновой. «Рибопьеръ про то зналъ», говорила она Храповицкому «и, бывъ позванъ ко мнѣ, сдѣлался блѣденъ какъ платокъ. Князь (Потемкинъ) мнѣ прежде говорилъ, чтобъ его спросить, но я не хотѣла» (Дневн. Храповицкаго, стр. 297). — «Рибопьеръ обо всемъ зналъ, писала Екатерина къ князю Потемкину, «онъ и братъ его жены (Александръ Александровичъ) совѣтовали. Говорилъ ли онъ или нѣтъ о семъ чистосердечно, не вѣдаю; но помню, что ты мнѣ единойжды говорилъ, что Рибопьеръ тебѣ сказалъ, что другъ его достоинъ быть выгнанъ отъ меня, чему и дивилась» (Русскій Архивъ 1864, 594).

¹⁷⁾ Разсказъ мною записанный.

ее всею душею. Она тоже ко мнѣ привязалась, игрывала со мною, вырѣзывала для меня изъ бумаги разныя фигуры. Такъ, помню, что разъ она мнѣ вырѣзала сани съ лошадьми и кучеромъ; подъ рукою у нея не было веревочки для возжей, и она оторвала тесемку отъ своего воротника. Я долго хранилъ вырѣзку эту какъ святыню. Государыня даривала мнѣ богатыя игрушки, между прочимъ помню охоту за оленями. Это была механическая игрушка; когда ее заводили, то олень бѣгалъ, собаки лаяли и гнались за нимъ, егери скакали на лошадяхъ, а одинъ трубилъ въ рогъ. Помню также великолѣпную качающуюся большую лошадь; сѣдло и сбруя были малиновыя, бархатныя, шитыя золотомъ ¹⁸⁾. Государыня по долгу со мною разговаривала; никто лучше ея не умѣлъ заняться ребенкомъ. Приходилъ ли кто съ докладомъ, она меня отправляла играть къ великимъ княжнамъ, а потомъ опять за мною посылала. Мнѣ пошелъ пятый годъ, когда она меня пожаловала офицеромъ въ конную гвардію, что мнѣ по арміи давало чинъ ротмистра. Эту милость осуждали, хотя во все славное ея царствованіе только десять мальчиковъ ею воспользовались. Какое зло могло произойти отъ того, что нѣсколько молодыхъ людей хорошихъ фамилій надѣвали мундиръ и вступали на службу офицерами, вмѣсто того, чтобы быть записанными въ спискахъ полка унтеръ-офицерами, какъ это обыкновенно дѣлалось до тѣхъ поръ, пока ихъ не производили въ корнеты или прапорщики? Къ тому же время сглаживало это преимущество, и если мы кого и перегнали въ началѣ, то были другіе, въ свою очередь насъ обогнавшіе по службѣ. Назову тѣхъ, кто былъ въ дѣтствѣ произведенъ въ офицеры; никто изъ нихъ никому этимъ не повредилъ. Двоюродные братья мои Голицыны и Браницкій—все четверо внуки князя Потемкина, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, два сына фельдмаршала князя Салтыкова, графъ Шуваловъ (тотъ, который сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу), графъ Валентинъ Эстергази. Государыня не только меня любила и забавлялась моими наивными отвѣтами, но даже слѣдила съ материнскимъ попеченіемъ за моимъ воспитаніемъ. Мнѣ минуло 9 лѣтъ; стали думать о гувернерѣ. Выборъ матушки остановился на нѣкоемъ Лѣбо, старомъ Французѣ, котораго ей очень рекомендовали. Императрица объ этомъ узнала и черезъ дядю Бибикова велѣла сказать матушкѣ, что она не одобряетъ выбора Француза. Это было въ полный разгаръ революціи. Матушка поспѣшила отвѣчать, что Лѣбо уже давно живетъ въ Россіи, что онъ только что окончилъ съ успѣхомъ чье-то воспитаніе и что онъ вовсе не раздѣляетъ убѣжденій революціонеровъ. «Все это прекрасно», отвѣчала Государыня, «но я не хочу, чтобы Саша (такъ она меня всегда называла) былъ воспитанъ Французомъ. Пускай Аграфена Александровна обратится къ другу покойнаго ея мужа Лагарпу: онъ ей выпишетъ хорошаго Швейцарца, которому она можетъ вполнѣ безопасно поручить сына своего». Лагарпа изъ Швейцарин, по желанію Екатерины, выписалъ отецъ мой, и онъ навсегда остался намъ преданъ.

Какъ-то осенью, возвращаясь изъ деревни въ каретѣ, я растрывилъ себѣ високъ. Государыня была очень гадлива, и матушка не рѣшалась посылать меня во дворецъ съ болячкою на лбу. Императрица настоятельно того потребовала, и меня отправили, перевязавъ

¹⁸⁾ Записано со словъ графа А. И. Рибоньера.

голову розовою лентою. Увидавъ перевязку и узнавъ въ чемъ дѣло, Государыня посовѣтовала мнѣ потереть лобъ Французскою водкою (eau de vie de France). Въ то время одесколонъ не былъ еще изобрѣтенъ; вмѣсто его употребляли Французскую водку и eau de la reine de Hongrie (воду Венгерской королевы). Пріѣхавъ домой, я передалъ матушкѣ совѣтъ Государыни; мнѣ потеряли лобъ, который до того этимъ растравили, что я долгое время былъ боленъ ¹⁹⁾.

Однажды, передъ отъѣздомъ въ деревню, я отправленъ былъ проститься съ Государынею; она мнѣ приказала писать ей. Мнѣ было тогда лѣтъ 10 или 11. Легко вообразить, въ какомъ я былъ затрудненіи, когда пришлось взяться за перо. Матушка однако настаивала на томъ, чтобы я писалъ, отказываясь при этомъ помогать мнѣ. Я много намаралъ бумаги прежде чѣмъ удалось начертить нѣсколько плохихъ фразъ; къ счастью, мнѣ пришла въ голову мысль, которая спасла меня: я написалъ, что я желаю быть достойнъ милостей ко мнѣ Государыни, и что мнѣ бы очень хотѣлось служить ей, но что матушка находитъ, что я еще слишкомъ молодъ. Письмо мое имѣло большой успѣхъ. Государыня соблаговолила собственноручно мнѣ отвѣчать, но приказала Попову списать отвѣтъ этотъ.

Государыня, ничего не дѣлавшая необдуманно, разсудила, что собственноручное письмо будетъ слишкомъ большою честью для мальчишки. Много лѣтъ послѣ, В. С. Поповъ подарилъ мнѣ черновую этого письма; она писана рукою Императрицы и со многими помарками и поправками: до того заботлива была Екатерина касательно всего, что отъ нея исходило. Отвѣчая на выраженіе моего сожалѣнія касательно того, что не могу еще служить, Государыня привела стихи Вольтера: Dans les âmes bien nées la valeur n'attend pas le nombre des années! Я нѣжно привязался къ Государынѣ. Чтобы дать понятіе о томъ почтеніи, которое она всѣмъ внушала и которое сзумѣла она внушить мнѣ, 8 или 9 лѣтнему мальчишкѣ, приведу слѣдующій случай. «Есть ли у тебя мой портретъ?» спросила она однажды у меня. «Нѣтъ, Государыня», отвѣчалъ я. «А ты еще увѣришь, что меня любишь», замѣтила Императрица. «Маменька мнѣ не дала», продолжалъ я, и потомъ, подумавъ немного: «въ большой гостиной у насъ есть вашъ портретъ». «Портретъ этотъ принадлежитъ твоей матери, я его знаю, я сама заказывала его для герцога Виртембергскаго ²⁰⁾; но у тебя портрета нѣтъ». Государыня

¹⁹⁾ Записано со словъ графа А. И. Рибоьера.

²⁰⁾ При отъѣздѣ этого принца родители мои купили домъ его (*замѣчаніе г. Рибоьера*). Домъ этотъ на Моховой, одинъ изъ немногихъ Петербургскихъ домовъ, сохранившихъ свою старинную архитектуру, еще недавно принадлежалъ г. Мальцеву. Нынѣ онъ купленъ Е. И. В. Прищемъ П. Г. Ольденбургскимъ. — Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ Фридрихъ Виртембергскій — впоследствии первый король Виртембергскій, подъ именемъ Фридриха I. Онъ сопутствовалъ сестрѣ своей В. Кнѣгинѣ Маріѣ Теодоровнѣ въ Италію во время путешествія ея и супруга ея по Европѣ и съ ними пріѣхалъ въ Россію, принять былъ на службу генералъ-лейтенантомъ и назначенъ генералъ-губернаторомъ Выборгскимъ. Жестокое поведеніе его съ 1-ою женою Августою-Каролиною-Фредерикою-Луизою, родомъ принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбютельскою, возбудило противъ него гнѣвъ Екатерины. Принцесса умоляла о разводѣ и поселилась въ Ревель, гдѣ ей назначенъ былъ придворный штатъ и гдѣ она 16 Сент. 1788 г.

позвонила; вошелъ Зотовъ. «Пойди въ Эрмитажъ и принеси одинъ изъ моихъ портретовъ: я хочу подарить его Сашѣ». Зотовъ вернулся и доложилъ, что онъ нашелъ въ Эрмитажѣ одни только огромные масляные портреты во весь ростъ, которые очень трудно передвигать. «Ну такъ пойди къ Маріѣ Савишнѣ, попроси ее, чтобы она мнѣ одинъ изъ портретовъ моихъ уступила». Зотовъ вскорѣ явился съ портретомъ, писаннымъ во время Крымскаго путешествія, подъ которымъ Сегюръ подписалъ прелестные стихи. Стихи эти для всякаго другаго были бы лестью. Подъ портретомъ же Екатерины она была сущю правдою:—*Reconnais vers le Nord* и проч. ²¹⁾. Я съ восторгомъ принялъ подарокъ и передъ отъѣздомъ осыпалъ руки Государыни поцѣлуями.

трагически скончалась. Герцогу вѣрно было выѣхать изъ Россіи. Онъ продалъ Петербургскій домъ свой Рибоцьерамъ. Въ 1797 герцогъ вторично женился на принцессѣ Англійскай, дочери короля Георга III, въ томъ же году наследовалъ отцу своему, какъ владѣтельный герцогъ, въ 1803 признанъ былъ курфюрстомъ, а въ 1806, по милости Наполеона, королемъ. Онъ приходится роднымъ дѣдомъ теперешнему королю.

²¹⁾ Гравюра въ листъ черною манерою. Портретъ грудной. Государыня представлена въ мѣховой шанкѣ съ откиднымъ верхомъ и въ кафтанѣ съ петлицами, съ Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою звѣздами. Внизу съ одной стороны надпись: *peint par Schebauoff*, а съ другой стороны, *gravé par J. Walker* и пр. Вотъ стихи графа Сегюра подъ этимъ портретомъ:

*Reconnais vers le Nord l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond législateur,
Femme aimable, graudhomme et que l'euvi admire,
Qui parcourt ses états, y verse le bonheur.
Maitre en l'art de régner, savante en l'art d'écrire,
Répandant la lumière, écartant les erreurs.
Si le sort n'aurait pu lui donner un empire,
Elle aurait eu toujours un trône dans nos coeurs.*

Самый портретъ писанъ былъ въ Кіевѣ въ 1787 году Шебановымъ, крѣпостнымъ живописцемъ князя Потемкина (см. сочиненіе наше *Liste alphabétique de portraits russes*, I. 179—180). Стихи Сегюра были переведены Павломъ Ивановичемъ Сумароковымъ:

Чудесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ сѣверной странѣ,
Героя, мужа именита,
Познай въ премудрой сей женѣ.
Даетъ уставы, чиститъ правы,
Искусна царствовать, писать.
Полна вселенна ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлила
Ей быть безъ скинетра въ рукахъ,
Умомъ бы, кротостью плѣнила,
Свой тронъ воздвигла бы въ сердцахъ.

Стихи эти помѣщены подъ гравюрою знаменитаго нашего гравера Уткина, съ портрета Левицкаго; гравюра находится при книгѣ: *Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія*, П. Сумарокова (см. тамъ-же, I. 170—171)

На этотъ разъ Государыня меня у себя задержала гораздо долѣе обыкновеннаго. Садясь въ карету, я поставилъ портретъ на заднее мѣсто, а самъ сѣлъ на передкѣ: до того проникнуть я былъ почтеніемъ къ изображенію возлюбленной Монархини. Матушка очень безпокоилась долгимъ моимъ отсутствіемъ и, поджидая меня, ходила по балкону. Вотъ она видитъ, подъѣзжаетъ карета, но напрасно ищетъ меня глазами на заднемъ мѣстѣ. Она заботливо выбѣгаетъ на лѣстницу, разузнать у лакея, чтò со мною стало. «Да я здѣсь», отвѣчалъ я на распросы матушки: «зачѣмъ вышли вы меня встрѣчать?» «А ты зачѣмъ не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ?» «Потому что я ѣхалъ не одинъ», отвѣчалъ я, указывая на портретъ Государыни, который несъ за мною лакей. Отвѣтъ, этотъ, довольно удачный для ребенка, понравился матушкѣ; она рассказала его друзьямъ нашимъ, тѣ передали его Государынѣ, которая была имъ очень довольна и сама мнѣ о томъ говорила ²²⁾.

Быть приглашеннымъ въ эрмитажъ считалось въ тѣ времена великою честью. Это было преимущество, которымъ пользовались самые приближенные изъ придворныхъ; но Государыня допускала иногда на эрмитажныя собранія, въ видѣ рѣдкаго исключенія, и постороннихъ. Бывали большіе эрмитажи, средніе эрмитажи и малые эрмитажи. На первыхъ бывалъ обыкновенно балъ съ ужиномъ, и число приглашенныхъ доходило отъ 150 до 200 человекъ. Иногда приказывалось экспромптомъ быть маскараду; однородные костюмы для всего общества были всегда наготовѣ, и разомъ наряжались дамы и кавалеры. Я живо помню одно изъ подобныхъ переодѣваній: всѣ вдругъ явились въ костюмахъ Римскихъ жрецовъ. На среднихъ эрмитажахъ бывало не болѣе 50 или 60 приглашенныхъ. Играли въ разныя игры, въ которыхъ принимала иногда участіе сама Государыня, окончивъ партію въ карты. Почти всегда вечеръ начинался театральнымъ представленіемъ, иногда играли любители. Такъ я видѣлъ княгиню Дитрихштейнъ ²³⁾, въ роли Люцинды въ Оракулѣ съ графиней Ростопчиной, въ роли Chagman. Другой разъ представляли Ифигенію въ Авлидѣ: графъ Віельгорскій представлялъ Агамемнона, жена его Клитемнестру, графъ Петръ Шуваловъ Ахилла, Тутолминъ Улисса, П. И. Мятлева Ифигенію, а княгиня Дитрихштейнъ Эрифалу. Вѣроятно, трудно было хуже сыграть трагедію, но я былъ тогда плохимъ судьей. Ужинали всегда по картамъ съ номерами, которыя раздавалъ гофмаршалъ или камеръ-фуріеръ. Съ одного блюда брали номера дамы, а съ другаго кавалеры. Когда всѣ номера были разобраны, ихъ громко выкликали; равные номера выходили и подавали другъ другу руки. Однажды и вынулъ тотъ же номеръ, какъ и великая княжна Марія Павловна и повелъ ее ужинать. За великою княжною при-

Покойный графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ дорожилъ, какъ святынею, портретомъ, подареннымъ ему Екатериною. Какъ часто онъ намъ его показывалъ, передавая, какимъ образомъ онъ его получилъ! Портретъ этотъ въ золотой рамкѣ висѣлъ въ его кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ.

²²⁾ Приведемъ здѣсь кстати выдержку изъ Записокъ Храповицкаго (29 Марта 1791): «Похваленъ маленький Рибопьеръ, который приходилъ благодарить за аренду и хотѣлъ такъ служить, чтобы получить орденъ Св. Георгія».

²³⁾ Княгиня Александра Андреевна Дитрихштейнъ, родомъ графиня Шувалова (р. 1775 + 1847), въ описываемое время была еще дѣвицею, замужъ вышла въ 1799, одновременно съ великою княжною Александрой Павловной.

смаatrивала Моно (m-elle Monaud), но за мною никто не наблюдалъ, и я вдоволь наѣлся пироговъ и конфектъ. Когда я возвращался на балъ, мнѣ вдругъ стало тошно. Я присѣлъ въ уголкѣ около стола. Ко мнѣ подбѣжали великіе князья и спросили, что со мною. «Мнѣ тошно», отвѣчалъ я. «Подъ столъ его, подъ столъ», закричалъ Константинъ Павловичъ, хватая меня за плеча; Александръ же Павловичъ съ трудомъ вырвалъ меня изъ рукъ своего брата и велѣлъ подать мнѣ воды. Это характеризуетъ обоихъ братьевъ. На малыхъ эрмитажахъ бывали только самые приближенные. Я помню, что разъ насъ было всего 12 или 13. По неисчерпаемой ко мнѣ милости, Государыня однажды спросила, какую пьесу я хочу, чтобы съиграли вечеромъ. Мнѣ было тогда 7 или 8 лѣтъ. Я не имѣлъ, разумѣется, ни малѣйшаго понятія о Русскомъ репертуарѣ, но слышалъ о кое-какихъ комедіяхъ, и совершенно случайно сказалъ: «Мельника». Случай помогъ мнѣ: это была опера, сочиненная самою Императрицею. Самъ того не предполагая, я выказался ловкимъ придворнымъ. Въ другой разъ Государыня, приглашая меня на малый эрмитажъ, поручила мнѣ пригласить и матушку. Я исполнилъ порученіе, не зная его важности. Матушка не повѣрила такой милости и поручила дядѣ Бибикову, который былъ въ числѣ приближенныхъ Государыни, узнать, въ самомъ ли дѣлѣ она была такъ неожиданно приглашена въ тѣсный кругъ Императрицы. Мы поѣхали вмѣстѣ въ назначенный день, а въ слѣдующее Воскресенье она отправилась ко двору благодарить Государыню, какъ то было принято послѣ получения высочайшей милости. Матушка была однако фрейлиною, а ихъ было тогда всего 12; мужъ ея игралъ большую роль, но знаки милости въ тѣ времена до того высоко цѣнились, что каждый считалъ долгомъ лично выразить свою благодарность. Тогда принято было за всякую награду благодарить не только Государыню, но и Великаго Князя и Великую Княгиню, и благодарило не только лицо получившее награду, но и ближайшіе его родственники.

При Екатеринѣ существовалъ странный придворный обычай: дамы, представляясь Государынѣ, присѣдали (какъ то дѣлается во Франціи и Германіи), а представляясь Наслѣднику, кланялись по Русскому обычаю, нагибая голову и не разгибая колѣнъ.

Я помню, разъ, обѣдъ Андреевскихъ кавалеровъ. Оберъ-гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, встрѣтя меня въ залѣ, грубо сталъ изъ нея выталкивать. Государыня это увидала и послала за мною князя Александра Николаевича Голицына, бывшаго въ то время дежурнымъ камеръ-пажемъ. Она осыпала меня ласками и наполнила шляпу ласкомствами. Это было урокомъ Орлову.

Государыня меня особенно любила за мою откровенность и за мое непринужденное съ нею обхожденіе. Матушка, когда меня провожала ко двору, твердила мнѣ: «ничего не трогай и ничего не проси». Валентинъ Эстергази, котораго князь Зубовъ желалъ видѣть на моемъ мѣстѣ, напротивъ того, говорилъ Государынѣ только то, чему научали его родители. У него не доставало то того, то другаго: по-лотно рубашекъ его было до того грубо, что драло ему кожу, за обѣдомъ дома у нихъ бывало всего два блюда и т. п. Государыня скоро подмѣтила, что ребенокъ повторялъ только заранѣе выученное. Какъ-то разъ онъ поѣлъ слишкомъ много рѣпы или гороху и ненарокомъ испустилъ вздохъ, который ошибся выходомъ. «Ну», замѣтила Императрица, «наконецъ услышала я кое-что его собственное».

Ахъ, славное то было время, и какъ глупо старались время это въ послѣдствіи унижить (*décrier*)! Каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Высшее общество далеко было не то, какимъ оно сдѣлалось въ послѣдствіи. Всѣ крѣпко держались другъ за друга. Нелегко было въ общество попасть: нужна была для этого особенная милость Государыни, или особенныя личныя качества. Я помню, какого шума надѣлало назначеніе, въ угоду фельдмаршалу Суворову, племянниковъ его, Хвостова и Олешева, въ камеръ-юнкеры. Правда, лицомъ они не взяли и родомъ не были имениты. Теперь еще говорятъ: дворъ, но уже двора нѣтъ или, вѣрнѣе, онъ вовсе перемѣнилъ свой видъ и свое значеніе. Конечно, при молодыхъ и воинственныхъ Монархахъ, онъ не могъ уже оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ при Екатеринѣ II. Но дворъ не только измѣнили, его совершенно исказили.... Въ былыя времена, чтобы принадлежать ко двору, нужно было быть именитаго рода, нужно было быть хорошо воспитану и, наконецъ, имѣть состояніе. Отъ этого число придворныхъ было крайне ограничено. Кромѣ первыхъ и вторыхъ чиновъ, было всего 12 дѣйствительныхъ камергеровъ въ чинѣ генералъ-майоровъ и 12 камеръ-юнкеровъ въ чинѣ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ. Они постоянно дежурили при Государынѣ и Наслѣдникѣ, составляя ихъ ежедневное общество. Благодаря этому, ихъ хорошо узнавали, оцѣнивали и могли каждого назначить именно на то, на что онъ былъ годенъ. Это былъ благородный разсадникъ, изъ котораго, по справедливому выбору или же по особой монаршей милости, выходили министры, гражданскіе сановники, военачальники: ибо, чтобы быть въ числѣ придворныхъ (а они-то и составляютъ и должны составлять обыкновенное общество Монарха), никто не покидалъ того поприща, къ которому готовился. Принадлежать ко двору, носить красныя каблуки и имѣть свободный доступъ къ Государынѣ считалось выше всего. Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, былъ крайне польщенъ, получивъ камергерскій ключъ. Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, министръ и Андреевскій кавалеръ, принялъ званіе гофмейстера (а это только второй чинъ двора) какъ величайшую милость. Фрейлинь было тоже всего 12. Получить шифръ Екатерины было блаженствомъ цѣлой семьи. Сравнишь все это съ тѣмъ, что видишь нынѣ, и по неволѣ скажешь, что двора уже не существуетъ, или что значеніе слова этого вовсе измѣнилось. Что значать 324 человекъ малоизвѣстныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, пожалованныхъ по представленію министра или же еще губернатора? Что такое 180 фрейлинь? Спрашивается, что же значить *оверъ*, когда онъ подчиненъ другому, равному себѣ по чину, а иногда и младшему? ²⁴⁾....

²⁴⁾ Я однажды предложилъ Государю Императору снова возстановить *дѣй-*

Милость Екатерины вела къ успѣхамъ, богатству, чинамъ, однимъ словомъ, къ Фортунѣ. Сколько блестящихъ положеній въ свѣтѣ она создала! Завоеваніями своими она обогатила тѣхъ, кто вѣрно служилъ ей; въ завоеваніяхъ этихъ она черпала средства для награжденія усердія и талантовъ и не могла сдѣлать изъ нихъ болѣе благороднаго употребленія. Новая Россія, отторгнутая у Турокъ, была голою степью; Императрица, раздавъ земли въ этомъ краю, обратила его въ одну изъ самыхъ прекрасныхъ областей Имперіи.

Лицо, облеченное милостью Государыни, выводило изъ ничтожества всю свою родню, которой уже тогда принадлежали по праву и богатства, и мѣста, и знаки отличія, и общее уваженіе. Обожаніе Монархини было до того сильно развито въ то время, что милость ея давала лицамъ, ею облеченнымъ, неоспоримыя права на вниманіе и почетъ общества. Разумѣется, бывали злоупотребленія; но гдѣ же ихъ не бываетъ? Екатерина имѣла рѣдкую способность выбирать людей, и исторія оправдала почти всѣ ея выборы. Бывали и при ней болѣе или менѣе храбрые фронтеры; но тѣмъ не менѣе чловѣкъ, облеченный ея милостью, былъ полновластенъ. Кто не жилъ въ это время, не можетъ составить понятія о томъ, каково было положеніе князя Потемкина, или даже князя Зубова. Передъ ними преклонялись не изъ подлости, а по уваженію къ выбору Государыни, по той религіозной привязанности, которую всѣ къ ней ощущали.

Екатерина, столь могущественная, столь любимая, столь восхваляемая при жизни, была непростительно поругана по смерти. Дерзкія сочиненія, ядовитые памфлеты распространяли на ея счетъ ложь и клевету... Вскорѣ вошло въ моду позорить ту, которую принцъ Де-Линъ такъ мѣтко прозвалъ Екатериной Великимъ. Долгъ каждого Русскаго, даже каждого чловѣка любящаго правду—не только защитить память ея противъ ругательствъ, на нее направленныхъ, но еще громко воздать хвалу, подобающую ея высокимъ качествамъ. Если даже она не вполне свободна отъ упрековъ, все же, какъ женщина и какъ Монархиня, она вполне достойна удивленія. Славу прекраснаго ея царствованія не могъ затмить ни одинъ изъ новѣйшихъ Монарховъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить чѣмъ была Россія въ ту минуту, когда она вступила на престолъ, съ тѣмъ чѣмъ стала она, когда верховная власть пере-

ствительныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ съ прежними ихъ правами. Избранные самимъ Государемъ, они дежурили бы ежедневно, составляли бы его общество и снова бы стали разсадникомъ государственныхъ людей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Государь Николай Павловичъ мысль мою одобрилъ, но ходу ей не было дано (Замѣчаніе графа Рибопьера).

шла въ руки Павла I. Предводительствуя воинственнымъ народомъ, она была побѣдительницею всегда и вездѣ, на морѣ и на сушѣ. Она присоединила къ Имперіи богатѣйшія области на Югѣ и Западѣ. Какъ законодательница, она начертала мудрые и справедливые законы, очистивъ наше древнее уложеніе отъ всего устарѣлаго. Она почитала, охраняла и утверждала права всѣхъ народовъ, подчиненныхъ ея власти. Она смирчала нравы и всюду распространяла просвѣщеніе. Вполнѣ православная, она однако признала первымъ догматомъ полнѣйшую вѣротерпимость: всѣ вѣроисповѣданія были ею чтимы, и законы, по этому случаю изданные ею, до сихъ поръ въ силѣ. Однимъ словомъ, она кротко и спокойно закончила то, что Петръ Великій принужденъ былъ учреждать насильственно. Живописцу Лампи поручено было написать портретъ Екатерины для залы капитула ордена Св. Георгія, не задолго передъ тѣмъ ею учрежденнаго. Онъ представилъ ее въ полномъ придворномъ одѣяніи, а зади изобразилъ бюстъ Петра Великаго съ краткою надписью: «*Начатое совершаетъ*». Сколько правды и сколько похвалы въ этихъ двухъ словахъ ²⁵⁾! Красивѣйшія зданія Петербурга ею построены. Эрмитажъ съ богатѣйшими его коллекціями, Академія Художествъ, Банкъ, гранитныя набережныя, гранитная облицовка Петропавловской крѣпости, памятникъ Петру Великому, рѣшетка Лѣтняго Сада и пр.,—все это дѣла рукъ ея. Если судить о Екатеринѣ какъ о женщинѣ, то и тутъ надо признаться, что ни одна женщина не соединяла въ себѣ столько превосходныхъ качествъ. Возвышенный умъ, чувствительное и сострадательное сердце, мужественная твердость характера, увлекательная прелесть, тихій и ровный нравъ, благородство, изящное обращеніе, внушающая и въ тоже время чарующая наружность. Меня не ослѣпляютъ ни мое къ ней уваженіе, ни глубокое чувство признательности, и не только я не отвергаю огуломъ все то, въ чемъ ее упрекаютъ, но даже въ иныхъ случаяхъ и самъ нахожу, что она была неправа.

...Что касается до окончательнаго раздѣла Польши, Екатерина въ немъ гораздо менѣе виновна, чѣмъ Пруссія и Австрія, которыя не имѣли ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ, тогда какъ Императрица, не упоминая уже о старинныхъ спорахъ между Польшею и Россіею, должна была требовать удовлетворенія за Варшавскія убійства. Ссылаюсь на безпристрастное мнѣніе графа Алексѣя де Сень-При ²⁶⁾, ко-

²⁵⁾ Портретъ этотъ находится теперь въ танцевальной залѣ Эрмитажа. Его гравировали Валькеръ и Сиденъе.

²⁶⁾ Графъ Алексѣй де Сень-При (Alexis Guignard c-te de Saint-Priest), членъ Французской Академіи, Французскій дипломатъ и авторъ. Дѣдъ его былъ министромъ при Лудовикѣ XVI, а потомъ посланникомъ Лудовика XVIII въ Петербургѣ. Отецъ его графъ Арманъ де Сень-При (порусски Карлъ Францовичъ)

торый въ блестящемъ сочиненіи своемъ подтвердилъ все мною сказанное съ такою ясностью, что сомнѣнія уже быть не можетъ.... Покинутая мужемъ, подвергаемая кровнымъ обидамъ, Екатерина знала, что ее ожидаетъ заключеніе въ монастырь, куда хотѣлъ удалить ее Петръ III, дабы жениться на графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Екатерина не захотѣла сдаться безъ боя и возстала противъ деспотической воли человѣка, заслужившаго ненависть Русскихъ за презрѣніе свое къ Россіи и приверженность ко всему Нѣмецкому. Екатерина согласилась стать во главѣ недовольныхъ, но она не ожидала развязки этой драмы... Смерть Петра Третьяго ее глубоко опечалила, но дѣло шло не о слезахъ и сожалѣніи. Надо было съ первой же минуты взять въ руки бразды правленія и доказать, что она въ состояннн снести все его бремя. Она это сдѣлала съ рѣдкою энергіею и умѣньемъ. Ее упрекаютъ и въ томъ, что она лишила сына престола и всю жизнь содержала въ опеку. Но Павлу не было и 7-ми лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Регентство повлекло бы за собою смуты, которыхъ слѣдовало всячески избѣгнуть. Екатерина мудро поступила, принявъ вѣнецъ, который ей предлагали, и вся Россія заликовала, узнавъ объ этомъ. Сѣвъ на престолъ, она уже не могла его покинуть. Быть можетъ, ей слѣдовало отречься отъ престола при совершеннолѣтіи сына; но кто изъ Русскихъ посмѣетъ ее въ этомъ упрекнуть? Краткое царствованіе Павла слишкомъ оправдало опасенія Екатерины въ этомъ отношеніи. Любимою мечтою ея было передать верховную власть внуку своему Александру Павловичу, воспитаніемъ котораго она сама занималась. Государственная польза, которая всегда руководила всѣми дѣйствіями Екатерины, на этотъ разъ не вполнѣ ее оправдываетъ...

Хотя любимцевъ Екатерины зналъ всякій, однако ничего въ обращеніи ея съ ними не могло оскорбить общественное мнѣніе. Она себя держала, даже во внутреннихъ покояхъ, необыкновенно прилично и достойно. Никто въ присутствіи ея не осмѣливался сдѣлать какой нибудь намекъ или сказать двусмысленное слово. Тѣмъ менѣе была она на это способна сама. Дворъ ея былъ не только величавъ и великолѣпенъ, онъ былъ еще образцомъ хорошаго вкуса и самаго изысканнаго тона. Всякій старался угодить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Угодливость эту она вполнѣ заслуживала, ибо постоянно была занята тѣмъ, какъ бы угодить другимъ. Это было безпрестанное изліяніе съ ея стороны царскаго величія, не терявшаго никогда своего достоинства и безпредѣльной благодати, а со стороны подданныхъ такой же безпредѣльной любви. Къ многочисленнымъ качествамъ Екатерины надо присоеди-

былъ д. с. с. и гражданскимъ губернаторомъ Одессы, женатъ былъ на княжнѣ Софѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Графъ Алексѣй де Сенъ-При воспитывался въ Одессѣ и умеръ отъ холеры въ Москвѣ въ 1851 году.

нить рѣдкій, и едва ли не самый полезный для подданныхъ, въ государствѣ самодержавномъ, талантъ избирать и находить достойныхъ сотрудниковъ. Никакое царствованіе не представляло такъ много замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности. Перечестъ всѣхъ нѣтъ возможности.

Изъ любимцевъ Екатерины я знавалъ пятерыхъ.

Полу-образованный и полу-дикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славою... Онъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, чѣмъ нынѣ военный министръ, былъ фельдмаршалъ, былъ самымъ вліятельнымъ членомъ *тайнаго* совѣта, велъ переговоры съ иностранными министрами, которые всѣ безъ исключенія за нимъ ухаживали; былъ генераль-адъютантомъ, адмираломъ, камергеромъ, кавалеромъ всѣхъ Русскихъ орденовъ и пр. Онъ постоянно оставался во дворцѣ, входилъ безъ доклада къ Государынѣ... Онъ командовалъ всѣмъ, и никто не смѣлъ ему прекословить. Онъ выбиралъ любимцевъ, поддерживалъ или ронялъ, всегда съ согласія Государыни, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Подобно Екатеринѣ, онъ былъ Эпикурейцомъ. Чувственныя удовольствія занимали важное мѣсто въ его жизни; онъ страстно любилъ женщинъ и страстямъ своимъ не зналъ преграды. Онъ вызвалъ ко двору пятерыхъ дочерей сестры своей Марѣ Александровнѣ Ангельгардтъ и по смерти ея объявилъ себя ихъ отцемъ и покровителемъ. Съ ними обращались почти какъ съ великими княжнами. Изъ нихъ теща моя княгиня Татьяна Васильевна Юсупова ²⁷⁾ держала себя очень строго; а Надежда Васильевна Шепелева была очень дурна собою. О другихъ умалчиваю. Состояніе князя Потемкина было огромно; онъ никогда не думалъ о женитьбѣ, чѣмъ подтверждаетъ слухъ о его тайномъ бракѣ, никогда не имѣлъ дѣтей и оставилъ огромныя свои богатства многочисленнымъ племянникамъ и племянницамъ, которые всѣ безъ исключенія разбогатѣли послѣ его смерти. Онъ одно время думалъ пойти въ монахи, чтобы сдѣлаться архіереемъ: это былъ единственный санъ, недостававшій его честолюбію. Потемкинъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи, крайне снисходителенъ и добръ къ подчиненнымъ. Онъ любилъ моего отца, который былъ его адъютантомъ и, вызвавъ меня однажды къ себѣ, принялъ съ откровенною добротою. Я его одинъ этотъ разъ видѣлъ вблизи. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, и я очень испугался, когда онъ вдругъ поднялъ меня могу-

²⁷⁾ Княгиня Т. В. Юсупова (р. 1767 + 1841) была въ первомъ бракѣ за ген. поруч. Михайломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, троюроднымъ братомъ князя Таврическаго. Отъ этого брака родились сынъ и дочь: Александръ Михайловичъ Потемкинъ (+ 1873), женатый на княжнѣ Татіанѣ Борисовнѣ Голицыной (+ 1869) и Екатерина Михайловна (+ 1872), супруга графа Александра Ивановича Рибопьера.

чими своими руками. Онъ былъ огромнаго роста. Какъ теперь его вижу одѣтаго въ широкій плафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами. Сегюръ и принцъ Де-Линь мастерски изобразили его въ своихъ сочиненіяхъ.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, Малороссъ, былъ высокъ ростомъ и красивъ лицомъ. Онъ былъ дѣловымъ человѣкомъ и, оставивъ дворъ, занималъ съ успѣхомъ разныя должности. Онъ умеръ при Александрѣ I, бывъ первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Семенъ Григорьевичъ Зоричъ былъ писанный красавецъ, но весьма ограниченъ и безъ всякаго воспитанія. Впрочемъ онъ былъ добрейшій изъ смертныхъ и жилъ, по окончаніи своего случая, въ Шкловѣ, великолѣпномъ имѣніи, подаренномъ ему Екатериною при отставкѣ. Онъ основалъ тамъ кадетскій корпусъ, переведенный теперь въ Кострому, и жилъ истымъ вельможею. Въ дѣтствѣ я часто бывалъ у него въ Шкловѣ. Бѣлорусское имѣніе наше находилось всего въ 40 верстахъ оттуда. О Мамоновѣ я уже говорилъ...

Ударъ былъ причиною ея смерти. Она упала, выходя изъ гардеробной и, не смотря на всѣ медицинскія пособія, не могла быть спасена. За часъ до этой катастрофы, она велѣла сказать князю Зубову, присылавшему, какъ онъ это дѣлалъ каждое утро, узнать о ея здоровьи: «что она никогда себя такъ хорошо не чувствовала».

Царствованіе Павла I-го походитъ на бурю, которая все сноситъ, все вырываетъ, все уничтожаетъ, все обезображиваетъ, ничего не преобразуя.—Сдѣлавшись Императоромъ, онъ разомъ захотѣлъ все измѣнить... Онъ нарядилъ въ форменное платье не однихъ военныхъ, но и всѣхъ придворныхъ, которые до тѣхъ поръ облекались въ самое изящное и богатое платье по своему усмотрѣнію. Виндзорскій покрій, за исключеніемъ цвѣта, послужилъ образцемъ для малаго мундира; что же касается до полной формы, то шитье онъ снялъ со стараго Вироновскаго кафтана; кафтанъ этотъ увидѣлъ онъ на *Ненчини*, пѣвцѣ-буфѣ Итальянской оперы. Родившись съ необузданными, но долгое время подавленными страстями, Павелъ I захотѣлъ, чтобы все разомъ подчинилось его волѣ ²⁸⁾.

Павелъ Петровичъ имѣлъ однако доброе сердце; онъ былъ уменъ и получилъ очень хорошее образованіе. Онъ принялъ Лудовика XVIII въ свои владѣнія, захотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ Митавѣ, съ великолѣпіемъ пристойнымъ монарху, и подписалъ свадебный контрактъ герцога Ангулемскаго съ дочерью Лудовика XVI. Съ такимъ же почетомъ и такою же щедростію былъ принятъ принцъ Конде, пріѣзжавшій на короткое время въ Петербургъ; ему назначенъ былъ для жи-

²⁸⁾ Будучи недоволенъ лажемъ, который установился на рублѣ серебромъ, онъ указомъ предписалъ, чтобы его цѣнили по вѣсу. Нечего и говорить, что никто этому приказанію не подчинился. (*Зимъчаніе графа Рибопьера*).

тельства домъ графа Чернышева ²⁹⁾, и по утонченной любезности вся прислуга была одѣта въ ливрею принцевъ Конде.

Любя вообще простоту, Павелъ допускалъ пышность въ однихъ лишь церемоніяхъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Я былъ свидѣтелемъ его вступленія въ должность гротъ-мейстера державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ слишкомъ серьезно взиралъ на это дѣло и слишкомъ поспѣшно принялъ новый санъ этотъ. Онъ роздалъ огромное число баилльскихъ (bailli), командорскихъ и кавалерскихъ крестовъ. Онъ заставилъ императрицу и всѣхъ великихъ княгинь и княженъ носить Мальтійскіе кресты. Онъ разрѣшилъ основаніе командорствъ и кавалерствъ во всѣхъ семействахъ, которыя того просили. Онъ составилъ себѣ Мальтійскій дворъ и заказалъ для лакеевъ Мальтійскую ливрею. Ему привезли частицу мощей Св. Іоанна, которая многія столѣтія хранилась на островѣ Мальтѣ; онъ ее положилъ въ Гатчинѣ и учредилъ праздникъ въ честь этого перенесенія. Не обращая вниманія на обѣты безбрачія, онъ, самъ супругъ и отецъ, окружалъ себя женатыми Мальтійцами. По обычаю гротъ-мейстеровъ, ему понадобились оруженосцы. Онъ ихъ назначилъ изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ: Нефедьева изъ Преображенскаго, Неклюдова изъ Семеновскаго, Опочинина изъ Измайловскаго и меня изъ Конной Гвардіи. Насъ нарядили въ Мальтійскіе мундиры, и съ обнаженными палашиами мы окружали Государя, когда онъ шелъ церемониально или въ придворную церковь или въ аудіенцъ-залу, гдѣ между прочимъ онъ принималъ такъ называемое Мальтійское посольство. Во главѣ онаго находился графъ Литта, съ котораго папа только что снялъ обѣтъ безбрачія и котораго братъ его кардиналъ Литта, въ то время папскій нунцій въ Россіи, обвѣнчалъ съ моею теткою ³⁰⁾.

²⁹⁾ Дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны. Павелъ Петровичъ помнилъ блестящіе праздники, данные въ честь его принцемъ Конде, въ помѣстьяхъ его Шантильи, близъ Парижа.

³⁰⁾ Графъ Юлій-Ренатъ (по-русски Юлій Помпеевичъ) Литта, р. 1763 г. младшій сынъ маркиза Помпея Литты отъ брака съ Елисаветою Висконти. По отцу и матери онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему Итальянскому дворянству. Фамиліи Литта и Висконти считались первыми по знатности въ Миланѣ. Весьма молодымъ онъ вступилъ въ Мальтійскій орденъ и совершилъ нѣсколько каравановъ (морскихъ походовъ) на галерахъ ордена. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу сперва капитаномъ, а потомъ контръ-адмираломъ. Въ 1795 назначенъ былъ посланникомъ ордена въ Петербургъ. Въ 1797 Павелъ I пожаловалъ его вице-адмираломъ, Александровскимъ кавалеромъ и графомъ Русской Имперіи. Въ слѣдующемъ году, по случаю принятія Павломъ I Мальтійскаго гротмейстерства, графъ Литта назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ ордена. Онъ, уже около 10 лѣтъ жившій въ Петербургѣ, выѣхалъ въ Четыре Руки, здѣсь пересѣлъ въ дорожный экипажъ и доѣхалъ вмѣстѣ съ кавалеромъ Рачинскимъ (Петербургскимъ полицмейстеромъ и дѣдомъ современныхъ намъ профессоровъ Московскаго университета) до заставы города, гдѣ его ожидали золотыя придворныя кареты (Записано со словъ графа Рибопьера). Торжественный въѣздъ пословъ происходилъ 27, а торжественная аудіенція 29 Ноября 1798 года. Въ томъ же году графъ Литта доставилъ брату своему должность папскаго нунція при Русскомъ дворѣ (впослѣдствіи онъ былъ кардиналомъ), и папа освободилъ его отъ обѣтовъ безбрачія, требуемыхъ орденомъ. Онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Сковронской, родомъ Ангельгардтъ, сестрѣ тещи графа Рибопьера. Въ 1799 году, по вліянію Ростопчина,

Ничего не было страннѣе этого переряживанія двора Русскаго въ Мальтійцевъ. Самъ Государь, поверхъ носимаго имъ постоянно Преображенскаго мундира, надѣвалъ далматикъ изъ пунцоваго бархата, шитый жемчугомъ, а поверхъ широкое одѣяніе изъ чернаго бархата; съ праваго плеча спускался широкій шелковый позументъ, называемый «страстями», потому что на немъ разными шелками подробно изображены были страданія Спасителя. Слагая императорскую корону, онъ надѣвалъ въ этихъ случаяхъ вѣнецъ гротескныхъ и выступалъ расчитаннымъ, но въ тоже время отрывистымъ, шагомъ. Тончи изобразилъ его въ этомъ одѣяніи ³¹⁾. Что касается до насъ, гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ сажали въ тюрьму или выключали изъ службы за малѣйшее отступленіе отъ формы, за цвѣтъ сукна или подкладки, за не такъ пришитую пуговицу, или буклю выбившуюся изъ форменной прически, мы принуждены были снять свои мундиры, одѣться въ пунцовое одѣяніе съ черными бархатными отворотами, вмѣсто цвѣтовъ Имперіи носить Мальтійскую кокарду и опоясаться мечемъ, вовсе не походившимъ на наши сабли. Однако рѣшеніе сдѣлаться Мальтійскимъ гротеск-мейстеромъ скрывало въ себѣ честолюбивую, но высокую цѣль, которая могла бы оказаться весьма плодотворною, если бы она могла быть достигнута. Цѣль эта была доставить Русскому флоту надежную стоянку въ Средиземномъ морѣ и кромѣ того пріобрѣсти для Россіи нравственную поддержку всего Европейскаго дворянства, сильно заинтересованнаго сохраненіемъ цѣлости Мальтійскаго ордена....

Передъ отъѣздомъ своимъ на коронацію, Павелъ I приказалъ сломать старый деревянный лѣтній дворецъ и на мѣстѣ его строить новый, который онъ назвалъ Михайловскимъ. Постройка эта поручена была архитектору Бреннѣ, подъ главнымъ начальствомъ графа Тизенгаузена ³²⁾, только что назначеннаго оберъ-гофмейстеромъ. Окруженный каналами, надъ которыми устроены были подъемные мосты, дворецъ этотъ сталъ походить на замокъ. Толщина стѣнъ напоминала крѣпость. — Императоръ всячески торопилъ строителей. Не смотря на сырость, отъ которой жить въ новомъ дворцѣ было крайне вредно для здоровья, онъ поспѣшно туда переѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ и, объявивъ новый дворецъ загороднымъ, учредилъ почту на Нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты. Въ новомъ помѣщеніи Государь далъ большой праздникъ, который не удался, по причинѣ крайней сырости. Зажгли великое множество свѣчей, но тѣмъ не менѣе было темно, такъ какъ въ комнатахъ образовался густой туманъ. Когда дворецъ былъ окончательно готовъ, надо было выбрать цвѣтъ для внѣшнихъ стѣнъ. Не рѣшаясь на выборъ, Государь попросилъ совѣта у княгини Гагариной, которая тоже не знала, какой цвѣтъ назначить. Тогда Павелъ взял одну изъ ея перчатокъ и сейчасъ же отправилъ ее къ архитектору Бреннѣ съ приказомъ немедленно окра-

Литта былъ сосланъ въ женино имѣніе. Графъ Литта былъ впоследствии оберъ-шенкомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ и наконецъ оберъ-камергеромъ. Умеръ въ 1836 году.

³¹⁾ Портретъ этотъ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

³²⁾ Оберъ-гофмейстеръ графъ Иванъ Андреевичъ Тизенгаузенъ, Александровскій кавалеръ (род. 1745 + 1815), сынъ котораго былъ женатъ на дочери князя Кутузова.

силь дворецъ подъ цвѣтъ перчатки. Цвѣтъ этотъ былъ ярко-розовый, и на стѣнахъ дворца онъ принялъ кровавой оттѣнокъ. Станный во всемъ, Императоръ любилъ изъясняться загадочно. Слово, поразившее его въ какой нибудь фразѣ, побуждало его часто повторять всю фразу. Такъ на фронтонѣ Михайловскаго замка онъ велѣлъ начертать мистическую фразу:

«Дому Твоему подобаетъ святиня Господни въ долготу дней». Изъ этой фразы составлена была потомъ анаграмма...

Въ одной изъ дворцовыхъ кладовыхъ валялась въ полномъ забвеніи тяжелая статуя Петра Великаго ³³⁾. Павелъ Петровичъ велѣлъ ее поставить передъ новымъ своимъ дворцомъ и, пародируя чудную надпись: *Petro Primo Catarina Secunda*, приказалъ на пьедесталѣ написать золотыми буквами: «*Ирадѣду правнукѣ*». Кстати о зданіяхъ: здѣсь мѣсто упомянуть о томъ, какъ оконченъ былъ Исаіевскій соборъ. Унижая все содѣянное или начатое матерью, Павелъ захотѣлъ разомъ окончить эту постройку. Соборъ былъ весь изъ мрамора; но, чтобы скорѣе привести его къ концу, верхнюю часть достроили кирпичемъ. Церковь освятили, и она оставалась до послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича въ обезображенномъ своемъ видѣ. Мраморныя глыбы и колонны заготовлены были при Екатеринѣ для окончанія храма; но Павелъ Петровичъ, вѣчно спѣшившій и нуждавшійся въ мраморахъ для Михайловскаго замка, приказалъ перевезти ихъ къ новому дворцу ночью, дабы не возмутить народъ, которому подобное обираіе храма Божія могло показаться святотатствомъ. При видѣ обезображенной церкви, какой-то сорви голова приклеилъ къ дверямъ нижеслѣдующее двустишіе:

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный.

Въ то время говорили, что несчастный сочинитель горько испылъ свой стихотворческій порывъ. Павелъ I зачалъ стройку Казанскаго собора; планъ составилъ Русскій архитекторъ Воронихинъ; онъ же и строилъ его подъ руководствомъ оберъ-камергера графа А. С. Строгонова. Павелъ и тутъ спѣшилъ, понукая рабочихъ; однако ему не пришлось достроить собора: онъ былъ оконченъ при Александрѣ Павловичѣ. Послѣдній однажды говорилъ отцу про строящійся храмъ. Павелъ, какъ бы предчувствуя, что ему не долго жить, замѣтилъ въ отвѣтъ: «Позвольте мнѣ, Ваше Высочество, окончить эту постройку». Онъ не любилъ старшаго сына и не одинъ разъ обращался къ нему съ двусмысленными словами, въ которыхъ чувствовалось недоверіе. Онъ употреблялъ охотно тѣ самыя выраженія, которыхъ иногда никто не могъ понять. Генералъ Левашевъ, бывшій впоследствии оберъ-егермейстеромъ ³⁴⁾, единственный человѣкъ, ко-

³³⁾ Статуя эта работы, графа Растрелли-сына, заказана была императрицею Елисаветою Петровною, но не поправилась ей и до Павла I оставалась забытою въ дворцовыхъ сараяхъ.

³⁴⁾ Д. т. сов. Василій Ивановичъ Левашевъ, внукъ генералъ-аншефа и Московскаго главнокомандующаго Василя Яковлевича (р. 1740, ум. 1803), оберъ-егермейстеръ, женатъ не былъ. Онъ передалъ свое имѣніе воспитаннику сво-

торый во все царствованіе Павла Петровича ни разу не подвергался немилости, самъ мнѣ рассказывалъ, что когда Государь, который любилъ къ нему обращаться, говаривалъ непонятными намеками, подкрѣпляя слова свои столь же мало понятными жестами, Левашевъ отвѣчалъ или знакомъ или гримасой, какъ будто все вполне постигъ, чѣмъ Павелъ всегда оставался доволенъ... Съ Нелидовой онъ былъ друженъ, еще будучи великимъ княземъ. Она была фрейлиной великой княгини, была мала ростомъ, дурна и черна, но очень умна. Она имѣла на Павла большое вліяніе, была лучшимъ другомъ великой княгини и, говорятъ, никогда не забывала чувства долга. По восшествіи Павла на престолъ, она пользовалась большимъ вліяніемъ до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе ссоры съ Императоромъ, не покинула двора и подобно, герцогинѣ Ла-Вальеръ, не удалилась въ монастырь. Нелидова однако скоро возвратилась ко двору и снова стала пользоваться прежнимъ вліяніемъ, стараясь всячески умѣрить пылкій нравъ Императора и останавливая послѣдствія его гнѣва. Вообще она давала ему отличные совѣты, которымъ онъ однако не всегда слѣдовалъ. По слѣпому недоброжелательству къ памяти матери, онъ рѣшилъ уничтожить Георгіевскій орденъ. Нелидова написала ему по этому случаю необыкновенно умное и благородное письмо, вслѣдствіе котораго Императоръ измѣнилъ свое намѣреніе. Во время коронаціи, въ Москвѣ, было множество всякихъ торжествъ, праздниковъ и баловъ. На одномъ изъ баловъ, молодая дѣвушка, быть можетъ по ошибкѣ, а быть можетъ съ намѣреніемъ, подошла къ Государю и просила его протанцовать съ нею Польскій. Павелъ былъ этимъ крайне польщенъ³³⁾. Отецъ ея, Петръ Васильевичъ Лопухинъ и мачиха ея Екатерина Николаевна, рожденная Шетнева, сейчасъ же попали

ему, имъ усыновленному, Василю Васильевичу Левашеву, пожалованному въ 1833 въ графы Россійской имперіи.

³³⁾ Еще при жизни Екатерины одна фрейлина, именемъ Шкурина, влюбилась въ Цесаревича. Она оставила дворъ и постриглась въ монахини подъ именемъ Павлы. Говорили, что эта Шкурина была дочерью придворнаго истопника, которому благоволила Екатерина, еще будучи великою княгиней (*Замѣчаніе графа А. И. Рибопьера*). Марья Васильевна Шкурина была дочерью гардеробмейстера Екатерины, а впослѣдствіи ея камергера, Василя Григорьевича Шкурина, который былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ событіи, возведшемъ ея на престолъ, за что онъ получилъ дворянское достоинство, камергерскій ключъ и тысячу душъ крестьянъ. Въ біографическихъ статьяхъ Карабанова исторія Шкуриной рассказана нѣсколько иначе. Она оставила дворъ, говоритъ Карабановъ, потому что вмѣшалась въ свадьбу Мамонова (Рус. Старина IV, 386). Это едва ли такъ: графу Рибопьеру, какъ мы видѣли, слишкомъ знакомы были всѣ подробности Мамоновской свадьбы. Екатерина предложила ей, нѣсколько времени послѣ удаленія отъ двора, комнаты во дворцѣ, а потомъ хотѣла кунить ей домъ. Шкурина отказалась отъ того и другаго. Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удвоилъ ея фрейлинское содержаніе, но не позволялъ ей постричься (въ это время она уже жила въ монастырѣ). Она постриглась уже при Александрѣ въ 1801, получивъ разрѣшеніе носить фрейлинскій знакъ на монашескомъ одѣяніи. Она была игуменьей Свѣжскаго монастыря и умерла на покой въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ въ 1824 году. Нѣкоторыя подробности въ рассказѣ Карабанова подтверждаютъ собою слова графа Рибопьера.

въ милость. Все семейство получило приглашеніе переѣхать въ Петербургъ, гдѣ Государь осыпалъ ихъ отличіями и почестями. Петръ Васильевичъ получилъ княжеское достоинство, супруга его пожалована въ статсъ-дамы, а старшая дочь получила шифръ. Государь навѣщалъ ее каждое утро и часто бывалъ у нея и по вечерамъ. Чтобы отвлечь общее вниманіе, онъ заказалъ себѣ карету, напоминавшую своимъ цвѣтомъ гербъ князя Лопухина, а для лакеевъ придумалъ какую-то малиновую ливрею. Разумѣется, посѣщенія эти не были ни для кого тайною; но всѣ совершенно вѣрно предполагали, что въ сношеніяхъ, столь быстро начавшихся съ дѣвушкою всегда себя отмѣнно державшею, не могло быть ничего предосудительнаго.

Князь Лопухинъ долгое время жилъ въ Москвѣ и тамъ имѣлъ много связей. Между прочимъ онъ былъ очень близокъ съ князьями Гаврииломъ Петровичемъ Гагаринымъ и Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. Онъ безъ труда уговорилъ ихъ переѣхать въ Петербургъ, гдѣ они были отмѣнно приняты Государемъ и получили видныя мѣста. Семейство Долгоруковыхъ занимало домъ на дворцовой набережной ³⁶⁾, бокъ обѣ бокъ съ домомъ, который занимали Лопухины. Въ стѣнѣ пробили дверь, чтобы имѣть между обоими домами внутреннее сообщеніе, и такимъ образомъ оба дома соединились въ одинъ. Я уже давно былъ знакомъ съ княземъ и княгинею Долгоруковыми, которые радушно меня принимали, и я у нихъ довольно часто бывалъ. Въ это время я уже служилъ въ полку ³⁷⁾ и только что былъ назначенъ оруженосцемъ. Разъ вечеромъ, и сидѣлъ у Долгоруковыхъ въ обществѣ товарищей по полку. Стали смѣяться надъ чиномъ корнета, въ которомъ всѣ мы тутъ бывшіе состояли. Болѣе всѣхъ потѣшалась надъ этимъ чиномъ Анна Петровна Лопухина, находя самое названіе корнета смѣшнымъ. «Вы насъ всѣхъ задѣваете», замѣтилъ я: «мы всѣ здѣсь корнеты, и мы этимъ гордимся». «Какъ, и вы также?» сказала она, «къ чему же послужило вамъ ваше офицерство со временъ Екатерины?»—«Я былъ тогда ребенкомъ, не находился на дѣйствительной службѣ и поэтому не подвигался впередъ».—«Мнѣ очень жаль, что я такъ глупо пошутила», сказала она, «извините меня. Я вовсе не желала васъ обидѣть». Нѣсколько минутъ спустя, я замѣтилъ, что она взяла карандашъ, написала нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги, передала свою записку нѣкоей г-жѣ Гербертъ, которая при ней состояла компаньонкой, и сказала ей что-то на ухо. Г-жа Гербертъ скрылась, послѣ нѣкотораго времени вернулась, сказала что-то княжнѣ на ухо и сѣла на свое мѣсто. Я не обратилъ на все это вниманія, и только уже послѣ вспомнилъ обо всемъ этомъ. Между тѣмъ мы стали разыгрывать лоттерей; было пять выигравшей. Это были бездѣлушки, не имѣвшія цѣнности. Роздали билеты, и я выигралъ, разъ за разомъ, три вещи изъ пяти. Княжна Анна, очень внимательная ко мнѣ, болѣе меня радовалась моему успѣху и сказала мнѣ дружелюбно: «я желаю вамъ счастья во всемъ». Мнѣ было

³⁶⁾ Домъ тетки моей Литты, которая въ это время была въ изгнаніи вмѣстѣ съ дочерью (впослѣдствіи княгинею Багратионъ) и мужемъ (*Замѣчаніе графа Рибоьера*). Домъ Сковронскихъ, а позднѣе Литты, близъ Константиновскаго дворца, принадлежитъ нынѣ, ели не ошибаемся, г. Лохвицкому.

³⁷⁾ 15 Августа 1798 года графъ Рибоьеръ явился въ дѣйствительную службу.

15 лѣтъ ³⁸⁾), и я былъ еще вполнѣ ребенкомъ. Я нравился ей немного наружностью, но главное простотою и откровенностью моего обращенія, тогда какъ другіе, зная, что она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ грознаго нашего Императора, передъ нею стѣснялись и бывали натянуты. Мачиха ея, женщина нестрогихъ правилъ, приставала къ падчерицѣ съ тѣмъ, чтобы она выпросила Аннинскую ленту для Федора Петровича Уварова, къ которому особенно благоволила. Княжна, всегда совѣтливая, не спѣшила исполнить это требованіе мачихи, которое возобновлялось ежедневно, и каждый разъ съ большею настойчивостью. Изъ-за этого онѣ довольно крупно поспорили, и Лопухина рѣшилась отомстить падчерицѣ.

На другой день послѣ вечера, проведеннаго мною у Долгоруковыхъ, я поѣхалъ съ порученіемъ матушки къ князю Касаткину, бывшему тогда Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ. Онѣ передъ этимъ служилъ въ конной гвардіи и былъ мнѣ хорошо знакомъ. Я его не засталъ дома и рѣшился его дожидаться. Я грѣлся у камина, когда въ комнату вошелъ Толбухинъ, плацъ-майоръ, исполнявшій должность флигель-адъютанта Государя. Онѣ мнѣ объявилъ, что онѣ пріѣхалъ за мною по высочайшему повелѣнію и что матушка ему сказала, что онѣ меня найдетъ у Касаткина. Я долго не рѣшался ѣхать съ нимъ, не потому, чтобы испугался (хотя такой неожиданный призывъ въ тѣ времена невольнo пугалъ всякаго), а потому, что неоднократно молодые люди выдумывали подобныя штуки, чтобы попугать товарищей. Но Толбухинъ былъ такъ настойчивъ и серіозенъ, что я сѣлъ къ нему въ сани, и по 30 градусному морозу мы доскакали до дворца. Видя, что меня ведутъ прямо въ дежурную, которая находилась тамъ же, гдѣ и теперь, я понялъ, что меня ожидаетъ, и сейчасъ же послалъ домой за полною формою. Едва успѣлъ я надѣть ее, какъ меня призвали въ кабинетъ Государя. «Я тебя беру къ себѣ въ адъютанты», сказалъ онѣ мнѣ, «и ты начнешь свое дежурство съ сегодняшняго дня». По тогдашнему обыкновенію я сталъ на одно коѣно, а Императоръ протянулъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ ³⁹⁾. Я былъ дежурнымъ трое сутокъ сряду, такъ какъ некому было меня смѣнить. Насъ было всего шестеро, и въ томъ числѣ былъ старикъ Дибичъ (отецъ фельдмаршала), который уже почти не могъ выходить изъ комнаты. Павелъ видѣлъ его въ Берлинѣ ординарцемъ у Фридриха Великаго и единственно ради этого назначилъ его къ себѣ во флигель-адъютанты.

Я былъ крайне счастливъ моимъ назначеніемъ; для молодаго офицера это было самою блестящею карьерою, и Государь, очень благоволившій къ отцу моему, знавшій меня еще ребенкомъ, былъ ко мнѣ откровенно милостивъ. Я былъ дежурнымъ въ тотъ день, когда Суворонъ вернулся изъ ссылки ⁴⁰⁾, былъ свидѣтелемъ странныхъ изліяній его преданности и послушанія. Я видѣлъ, какъ онѣ бросился къ ногамъ Императора, котораго пріемы эти видимо выводили изъ терпѣнія. Отъ Государя фельдмаршалъ побѣждалъ въ большую придворную церковь и долгое время лежалъ передъ алтаремъ.

³⁸⁾ Графъ Рибопьеръ здѣсь ошибается: ему въ то время уже минуло 17 лѣтъ.

³⁹⁾ Графъ А. И. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Государю 14 Февраля 1799.

⁴⁰⁾ 18 Февраля 1799 года.

Между тѣмъ княгиня Лопухина не забывала о своей мести. Она ухватилась для этого за первый представившійся ей случай. Императоръ спрашивалъ ее иногда о поведеніи княжны Анны. Однажды онъ спросилъ у нея, какъ княжна проводитъ время. «Покуда она на моихъ глазахъ, Государь, я могу за нее отвѣчать; но она проводитъ всѣ вечера у Долгоруковыхъ, и я уже не могу за нею слѣдить». — «Что же она тамъ дѣлаетъ и кого тамъ видитъ?» спросилъ Императоръ. «Много молодежи тамъ болтается; танцуютъ и, кажется, очень веселятся». — «Кто изъ молодыхъ людей тамъ чаще всѣхъ бываетъ?» — «Рибопьеръ и другіе», отвѣчала княгиня. «Если Вашему Величеству угодно будетъ самимъ удостовѣриться, стоить только на минуту стать у двери, которая ведетъ въ квартиру Долгоруковыхъ». Павелъ принялъ предложеніе и увидалъ меня вальсирующимъ съ княжною при звукахъ бандуры, на которой игралъ какой-то Малороссійнинъ. Къ несчастію моему, я держалъ свою танцовщицу при этомъ обѣими руками, что было тогда въ модѣ, но что Императоръ находилъ крайне неприличнымъ; онъ даже запретилъ такъ вальсировать. Забывая, что онъ самъ приказывалъ мнѣ на всѣхъ балахъ вальсировать съ княжною (которая находила, что я ловко танцую), забывая, что онъ же самъ былъ причиною сближенія, которое невольно установилось между мною и постоянною моею танцовщицею, онъ былъ теперь внѣ себя отъ гнѣва. Но, будучи рыцаремъ въ душѣ и къ тому же крайне великодушнымъ, онъ возымѣлъ мысль, которую на другой же день привелъ въ исполненіе: чѣмъ свѣтъ онъ подписалъ указъ, въ силу котораго я пожалованъ былъ камергеромъ, что давало мнѣ чинъ генералъ-майора. Объ этомъ узналъ я только явившись во дворецъ на дежурство. Въ обычный часъ онъ отправился къ княжнѣ... и наконецъ объявилъ, что явился къ ней съ тѣмъ, чтобы просить руки ея для своего *камерьера* Рибопьера. Княжна, постоянно дрожавшая при появленіи Государя, не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Напрасно она указывала на то, что мнѣ было всего 15 лѣтъ, что я еще сущее дитя, что я стою же мало о ней думаю, сколько и она обо мнѣ, что обѣ наши семьи никогда бы на такую неравную свадьбу не согласились: Павелъ настоялъ на своемъ и рѣшительно объявилъ, что или она должна за меня выйти за мужъ, или же онъ меня немедленно вышлетъ изъ Петербурга. Возраженія, молюбы, слезы, ничего не подѣйствовало. Въ тотъ же самый день я получилъ записку отъ опекуна моего, графа Федора Васильевича Ростопчина, который звалъ меня къ себѣ, чтобы сообщить повелѣніе Государя Императора. Уже въ статской формѣ, съ ключемъ назади и въ шляпѣ съ плюмажемъ (это были знаки новаго моего званія; въ то время все дѣлалось крайне быстро), поспѣшилъ я къ графу Ростопчину, въ полной увѣренности, что онъ мнѣ объявитъ о пожалованіи меня въ Мальтійскіе коммандоры, о чемъ мнѣ говорила княжна Анна. Каково же было мое удивленіе, когда, вмѣсто Мальтійскаго креста, я получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Вѣну ⁴¹⁾, куда меня только что назначили кавалеромъ посольства. Мысль назначать при главныхъ посольствахъ придворныхъ юношей съ тѣмъ, чтобы они привыкали къ дипломатической дѣятельности, была весьма хороша. Въ обществѣ насъ въ насмѣшку называли *министерскими подмастерьями* (*garçons-mi-*

⁴¹⁾ 13 Іюня 1799 г. графъ Рибопьеръ пожалованъ въ дѣйств. камергеры и отправленъ къ миссіи въ Вѣну сверхъ штата.

nistres). Вскорѣ послѣ меня на ту же должность отправлены были графъ Нессельроде въ Берлинъ и графъ Кутайсовъ въ Лондонъ. Къ сожалѣнію, на этомъ дѣло и остановилось, и отъ этого часто съ дипломатическими порученіями отправлялись люди вовсе непривыкшіе къ дѣламъ.

Матушка и бабушка были въ отчаяніи отъ моего отъѣзда, который совершенно походилъ на ссылку, тѣмъ болѣе, что Государь отпавилъ со мною фельдъегери....

* *
*

Въ Вѣнѣ удивились, увидавъ мальчика, при которомъ состоялъ дядька, должность котораго я старался скрыть, называя его *mon fils d'ami*. На самомъ дѣлѣ старый кавалерійскій офицеръ Дитрихъ былъ со мною отправленъ скорѣе въ качествѣ спутника, чѣмъ гувернёра. Онъ скоро замѣтилъ, что я слишкомъ дорожу свободою, чтобы подчиниться его вліянію, и наконецъ, убѣдившись въ примѣрной на ту пору скромности моего поведенія, вернулся въ Россію, чтобы о томъ донести матушкѣ. Я окружилъ себя учителями и сталъ заниматься усердно и усидчиво. Тѣмъ немногимъ, что я знаю, обязанъ я графу Поццо-ди-Борго ⁴²⁾, а позднѣе г. Анстету ⁴³⁾; оба меня полюбили и благосклонно взяли въ руководить моими занятіями. Я сталъ много писать, правда болѣе переписывать, чѣмъ сочинять; но на службѣ нужны и переписчики. Въ графѣ Разумовскомъ нашелъ я доброжелательнаго начальника, а въ женѣ его вторую мать ⁴⁴⁾. Вѣнское об-

⁴²⁾ Графъ Поццо-ди-Борго подружился съ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ, гр. Разумовскимъ, извѣстнымъ нелюбовью къ Наполеону. Онъ часто бывалъ въ домѣ графа, и здѣсь А. И. Рибоньеръ съ нимъ познакомился. Въ 1803 черезъ Разумовскаго Поццо-ди-Борго принятъ былъ въ Русскую службу и перѣхалъ въ Петербургъ.

⁴³⁾ Иванъ Осиповичъ Анстеть, сынъ Стразбургскаго совѣтника и судьи. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу офицеромъ и скорѣе назначенъ былъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена. Принявъ участіе въ войнѣ съ Шведами, онъ въ 1791 перешелъ на статскую службу и перемѣщенъ былъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ при принцѣ Нассау. Ему поручали секретныя негодіаціи въ Берлинѣ и Польшѣ. Въ 1801 онъ былъ переведенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну, гдѣ неоднократно бывалъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Въ Вѣнѣ онъ сблизился съ графомъ А. И. Рибоньеромъ, который много рассказывалъ интересныхъ анекдотовъ объ этомъ даровитомъ дипломатѣ. Во время похода 1812 — 1814 годовъ Анстеть сопровождалъ сперва Государя, потомъ князя Кутузова, а наконецъ находился при главной квартирѣ. Въ 1815 году онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ и принялъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Къ прежней должности въ 1825 присоединено было представительство при дворѣ Виртембергскомъ, а въ 1829 — при дворѣ Гессенъ-Кассельскомъ. Анстеть умеръ въ 1835, имѣя брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

⁴⁴⁾ Графъ, а послѣ Вѣнскаго конгресса, свѣтлѣйшій князь А. К. Разумовскій былъ посломъ въ Вѣнѣ съ 1792 по 1806. Оставивъ должность, онъ продолжалъ жить въ Вѣнѣ въ великолѣпномъ домѣ своемъ на Ландштрассе, разыгрывая въ Вѣнѣ важную роль. Первая жена его, графиня Елисавета Осиповна, была дочь графа Туизъ-Гогенштейнъ-Клестерле, а по матери внучка рейхсъ-канцлера

щество, вообще косо смотрѣвшее на иностранцевъ, крайне любезно меня приняло. Я этимъ обязанъ былъ графинѣ Разумовской, которая, находясь въ родствѣ съ первыми домами Вѣнскими, меня сама всюду представляла. Принцъ Де-Линь, у котораго ежедневно собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, между прочими всѣ Вѣнскія красавицы, принялъ меня какъ сына стараго своего друга и какъ бывшаго любимца боготворимой имъ Екатерины Великой. Вѣна въ тѣ времена была не то что теперь. Это былъ аристократическій городъ роскоши и веселья, столица вкуса и утонченности. Жизнь протекала какъ упоительный сонъ.

Такого общества, каково было въ тѣ времена Вѣнское, теперь не сыщешь. Жена нашего посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и леди Кленвильямъ, на нее походили. Гдѣ искать теперь чего либо подобнаго несравненной Софѣ Замойской, рожденной княжнѣ Чарторыжекой, или сестрѣ ея принцессѣ Виртембергской? Какъ не помянуть и другую Замойскую, невѣстку первой, быть можетъ, еще красивѣйшую? А три дочери принца Де-Линя: княгиня Клара, графиня Феф-Пальфи и Флора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за барона Шпигеля? А другая Флора, графиня Врбна, истая богиня цвѣтовъ, похвалившая на императора Александра, какъ сестра можетъ только походить на брата? А княгиня Лихтенштейнъ, а Ланскоронская, а Красинская и столько другихъ вѣчно-живыхъ въ памяти моей? Въ то время всѣ дни въ недѣлѣ были разобраны. Послы и представители первыхъ семействъ давали безпрестанно пышные обѣды, за которыми слѣдовали вечерніе приемы. За обѣдами этими было много непринужденности, но тѣмъ не менѣе старые обычаи и этикетъ строго соблюдались. Явиться иначе какъ во фракѣ и при шпагѣ было невозможно. Отобѣдавъ въ знатномъ домѣ, необходимо было, черезъ недѣлю, явиться туда на вечерній приемъ, чтобы отблагодарить за обѣдъ, за который приходилось впрочемъ платить довольно дорого: на другой же день послѣ перваго обѣденнаго приглашенія въ любой изъ Вѣнскихъ домовъ, являлись оттуда съ поздравленіями швейцаръ и скороходъ, что каждый разъ стоило три дуката ⁴³⁾. Такой же налогъ существовалъ и на по-

графа Улефельда. Она скончалась въ 1806 г. Уже въ старости, князь Разумовскій вторично женился на графинѣ Констанціи Тургеймъ, умершей въ 1869 г.

⁴³⁾ Другая особенность Вѣнскихъ обѣдовъ въ тѣ времена состояла въ томъ, что гостямъ прислуживали ихъ же собственные, съ ними пріѣхавшіе, лакеи. Аграфена Александровна Рибопьеръ жила въ Петербургѣ открытымъ домомъ и радушно принимала дипломатовъ. Ежедневными ея собесѣдниками были графъ Сегюръ (1753—1830), бывшій съ 1784 по 1789 годъ министромъ въ Петербургѣ, и графъ Людовикъ Кобенцль († 1808), 20 лѣтъ почти жившій при Русскомъ дворѣ (1779—1797) въ качествѣ Австрійскаго посла. Онъ былъ въ большой милости у Императрицы, писалъ комедіи для Эрмитажа и нерѣдко самъ ихъ разыгрывалъ. Кобенцль былъ замѣчательно дурень собою; но живой его разговоръ и ничѣмъ невозмутимое веселье, говоритъ Сегюръ, заставляли забывать о его невзрачности. По свидѣтельству современниковъ, угодивъ Екатерину онъ превосходилъ записныхъ Петербургскихъ придворныхъ. Въ 1801 Кобенцль снова вернулся въ Россію, а въ 1803 былъ уже въ Вѣнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. При Кобенцлѣ въ Петербургѣ долгое время жила сестра его, столь же умная, но едва ли уступавшая ему въ невзрачности. За мужемъ она была за Французскимъ эмигрантомъ графомъ Ромбекомъ (de

вый годъ, когда являлись носильщики (тогда въ большомъ употребленіи были портантины—chaises à porteur) и скороходы изъ всѣхъ тѣхъ домовъ, куда въ теченіи года бывали приглашенія на обѣдъ. Право занимать мѣсто на диванѣ по правую руку хозяйки дома было преимуществомъ самой высоко-титудованной дамы въ собраніи, и за преимуществомъ этимъ строго наблюдалось. Такъ, жена графа или посланника уступала это мѣсто первой являвшейся княгинѣ, послѣдняя вставала передъ княгинею старѣйшею по времени пожалованія титула. Книгини уступали мѣсто оберъ-гофмейстеринѣ и женамъ пословъ, которыя уже между собою не считались, и та, которая пріѣзжала ранѣе, мѣста своего не уступала, при чемъ, однако, какъ оберъ-гофмейстерины, такъ и посольши, не садились уже вовсе и терпѣливо выстаивали иногда цѣлый вечеръ. Изъ всего этого выходили иногда исторіи, особенно когда одинъ дворъ былъ во враждѣ съ другимъ. Ко двору почти не ѣзжали. Тамъ пріемовъ не было. Ѣзжали съ поклонами только на 'новый годъ. Добрый императоръ Францъ жилъ за-просто въ семейномъ кругу. Вторая его жена, Неаполитанская принцесса ⁴⁶⁾, окружила его камарильею, которая и составляла его общество. Никто объ этомъ впрочемъ не беспокоился: не смотря на искреннюю преданность къ престолу, Вѣнская аристократія была самая независимая изъ всѣхъ аристократій. Въ высшемъ обществѣ встрѣчались иногда связи незаконныя. На нихъ смотрѣли снисходительно и ихъ негласно признавали. Никому не было тайной, что такая-то въ связи съ такимъ-то: ихъ одновременно приглашали всюду, и это никого не смущало. Было такъ принято.

Фельдмаршалъ Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну нѣсколько дней послѣ меня ⁴⁷⁾. Онъ остановился у посла. Всѣ зеркала въ посольскомъ домѣ

Rombesq), недалекимъ старичкомъ, слѣдовавшимъ всюду за женою и вѣчно дремавшимъ на вечерахъ въ какомъ нибудь уголкѣ. Живая, эксцентричная и бойкая, г-ня Ромбекъ смотрѣла на мужа, какъ на своего рода привилегированнаго слугу, и постоянно будила его на собраніяхъ звучно раздававшейся фразою: «Rombesq, puisque vous êtes debout». Графиня была очень дружна съ А. А. Рибопьеръ и изъ Вѣны вела съ нею дѣятельную переписку. Александра Ивановича знала она съ дѣтства и въ письмахъ къ матери безпрестанно о немъ упоминала. «*Ne balayez eio*», писала она, «*et surtout aplatissez son petit j. p.*» Въ Россіи графиня выучилась многимъ крупнымъ и непечатнымъ выраженіямъ. Она въ Вѣнѣ дружески приняла молодого Рибопьера, который часто у нея бывалъ. Александръ Ивановичъ жилъ въ то время въ домѣ графа Разумовскаго, вмѣстѣ съ роднымъ племянникомъ посла, А. В. Васильчиковымъ. Имъ обоимъ прислуживалъ огромный крѣпостной гайдукъ Васильчиковъ. Какъ-то разъ, за однимъ изъ описанныхъ выше обѣдовъ, случилось Рибопьеру и Васильчикову сидѣть противъ графини Ромбекъ. Во время стола графиня стала пересказывать всѣ знакомыя ей и крайне цензурныя Русскія выраженія. Тѣмъ временемъ начали мѣнять куверты, а у молодыхъ дипломатовъ остались прежнія тарелки; они оборачиваются,—гайдукъ скрылся. За нимъ посылаютъ. «Куда ты ушелъ?» спрашиваютъ его. «Помилюйте, старая халда ругается: совѣстно стало», отвѣчаетъ гайдукъ. Рибопьеръ послѣшилъ передать слова эти графинѣ; она была отъ нихъ въ восторгѣ, подождала къ себѣ гайдука и наградила деньгами (Слышано отъ графа Рибопьера).

⁴⁶⁾ Первая супруга имп. Франца была Виртембергская принцесса, сестра императрицы Маріи Ѳеодоровны.

⁴⁷⁾ 15 Марта 1799.

были завѣшаны: такова была его прихоть. Онъ представился ко двору и тутъ же получилъ Австрійскій фельдмаршальскій жезлъ. Выходя отъ императора, Суворовъ пожелалъ проѣхать прямо въ соборъ Св. Стефана. Народъ толпился на улицахъ и, при видѣ посольской кареты, кричалъ: «*Виватъ Суворовъ*!». Фельдмаршалъ высовывалъ голову въ окошко и отвѣчалъ: «*виватъ Іосифъ*!». Напрасно ѣхавшій съ нимъ посолъ останавливалъ его, замѣчая, что царствуетъ *Францъ*, а не *Іосифъ*; Суворовъ продолжалъ свое, приговаривая: «*Помилуй Богъ, не помню*». Каждый вечеръ бывалъ у посла раутъ; всѣ сбѣгались въ надеждѣ увидѣть Суворова. Дворъ, домъ посольства, лѣстница, улицы съ утра до вечера были полны народомъ во все время пребыванія Суворова. Онъ раза два выходилъ въ посольскую гостиную, гдѣ его ожидала вся Вѣна, по свѣдѣнью былъ любезенъ съ тѣснившимися вокругъ него дамами и перепрыгивалъ, какъ коза, съ одного мѣста на другое. Увидавъ принца Де-Линя, котораго знавалъ со временъ Турецкихъ войнъ, онъ ему поклонился, приговаривая: «Здравствуйте, г. фельдмаршалъ съ острова Цитеры». Узнавъ меня въ гостиной, онъ подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Дѣдушка твой учитель мой, а ты дѣдушкинъ внукъ»; онъ служилъ нѣкогда подъ командою дѣдушки А. И. Бибикова. Суворовъ произвелъ смотръ Русскимъ войскамъ, проходившимъ черезъ Шенбрунъ. Это было славное и трогательное зрѣлище. Вся Вѣна туда хлынула. Энтузіазму и крикамъ не было конца. Въ Суворовъ и его солдатахъ Австрійцы привѣтствовали своихъ избавителей.

Кн. Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, который потомъ женился на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, былъ странный человѣкъ. Онъ тайно обручился съ княжною и, будучи военнымъ, отправился на войну въ Италію, съ корпусомъ Розенберга. Императоръ Павелъ почти ежедневно приносилъ княжнѣ получаемые имъ изъ арміи рапорты, радуясь тому, что можетъ сообщить ей извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія. Къ рапортамъ аккуратно прилагались списки убитымъ и раненымъ. Между послѣдними оказался однажды князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ. Княжна до того была поражена, услышавъ это имя, что измѣнилась въ лицѣ. Государь замѣтилъ это и спросилъ у нея о причинѣ такого смущенія. Она ему откровенно призналась, что семья ея была очень дружна съ семействомъ Гагариныхъ, что она провела съ княземъ Павломъ все дѣтство, что родственники желали ихъ брака, что хотя она не питала къ нему особенной любви, однако всегда имѣла въ мысляхъ выдти за него замужъ. Великодушный по природѣ, Павелъ повторилъ обыкновенную свою фразу: *я не хочу стѣснять ваши наклонности* и немедленно далъ фельдмаршалу Суворову приказаніе прислать князя Гагарина съ первымъ хорошимъ извѣстіемъ. Другихъ впрочемъ въ то время не было, и князь Гагаринъ, вскорѣ оправившійся отъ легкой раны, пріѣхалъ въ Вѣну (по дорогѣ въ Петербургъ). Едва успѣлъ онъ передать свои депеши послу, какъ пожелалъ меня видѣть. «Что вы родственники или, быть можетъ, друзья?» спросилъ его посолъ. — «Я его никогда не видалъ». — «Откуда же такое нетерпѣніе видѣть его?» — «Я къ нему чувствую влеченіе», отвѣчалъ князь. За мною пошли въ посольскую канцелярію, гдѣ я всегда по утрамъ занимался, и едва успѣлъ я войти въ кабинетъ графа Разумовскаго, какъ Гагаринъ бросился въ мои объятія, называя меня своимъ другомъ. Подробности моего изгнанія изъ Петербурга были ему извѣстны, и онъ воображалъ, что я его соперникъ. Онъ отъ меня не отходилъ во весь день, проведенный имъ въ Вѣнѣ. На немъ было

множество цѣпей и браслетовъ съ шифромъ книжны Анны. Онъ мнѣ разсказалъ про свою любовь, про свои тайныя отношенія къ ней, про переписку съ нею, которую велъ черезъ какого-то барона Розена, и все это повѣрилъ онъ мнѣ, котораго видѣлъ первый разъ въ жизни и котораго считалъ соперникомъ! Онъ мнѣ даже сообщилъ о своемъ смущеніи при мысли, что его женятъ на княжнѣ Лопухиной, такъ какъ женщины онъ не зналъ еще вовсе и считалъ себя мало способнымъ къ супружеской жизни. Наконецъ, онъ уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Гатчину, онъ упалъ въ ноги къ Государю, повергая въ тоже время къ стопамъ его Французскія знамена и ключи Турина, только что взятаго Суворовымъ. Павелъ принялъ Гагарина какъ сына и объявилъ ему близкую его сватъбу съ книжною Анною, которую онъ ему *передаетъ*, говорилъ онъ, *такую же, какъ и получилъ ее*. «Одинъ молодой повѣса», прибавилъ онъ, «объявилъ было себя ея поклонникомъ, но мы отъ него скоро *отдѣлались*; ты могъ его видѣть въ Вѣнѣ». Вскорѣ отпраздновали сватъбу. Все ограничилось церковнымъ торжествомъ....

По смерти Павла Петровича, Гагаринъ съ женою отправился за границу, очень дурно съ нею обходился, заставилъ ее передать себѣ все ея состояніе и вскорѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, овдовѣлъ. Незадолго передъ смертію, книгиня разсказала мнѣ все, что произошло между нею и Императоромъ Павломъ относительно меня. Князь Гагаринъ долгое время преслѣдовалъ всѣхъ Петербургскихъ невѣстъ, но всегда безъ успѣха. Имѣвъ несчастіе обратить на себя немилость Александра Павловича, который былъ слишкомъ къ нему строгъ, онъ вышелъ въ отставку, удалился отъ свѣта и женился на актрисѣ....

Недовольство Павла противъ Австріи, по взятіи Турина и пораженіи Корсакова, пало на графа Разумовскаго. Онъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, присланный въ Вѣну для переписки съ Суворовымъ и арміею нашею. Вскорѣ самъ Колычевъ получилъ приказаніе ѣхать въ Карлсбадъ на воды, и я, влюбленный въ первый разъ въ жизни, принужденъ былъ занять слѣдовать. Въ Богеміи я оставался однако недолго и вскорѣ воротился въ Россію, куда меня призывала бабушка. Чувствуя приближеніе своей кончины, она просила у Государя о дозволеніи мнѣ вернуться въ Россію. Не смотря на быстроту, съ которою я ѣхалъ, я уже не засталъ ея въ живыхъ. Графъ Ростопчинъ, управлявшій въ то время Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, велѣлъ меня допустить въ архивъ, чтобы я могъ познакомиться съ прежними договорами и изучить исторію иностранныхъ сношеній нашего двора. Я ежедневно посѣщалъ архивъ и дѣлалъ экстракты изъ всѣхъ бумагъ, которыя читалъ. Экстракты эти составили нѣсколько толстыхъ тетрадей. Я ихъ съ собою увезъ въ Вѣну, когда вторично туда поѣхалъ и оставилъ тамъ, вмѣстѣ съ гитарою, флейтою, клавирами и богатымъ гардеробомъ. Все это отдалъ я на попеченіе Анстета, и все попало въ руки Французовъ во время занятія Вѣны Бонапартомъ. Я помню, меня изъ архивныхъ бумагъ особенно занимали сношенія наши съ Венеціанскою республикою и переписка графа Орлова-Чесменскаго съ Екатериною о Таракановой.

Государь немедленно исполнилъ просьбу бабушки, которой всегда выказывалъ чувство уваженія. Онъ не забывалъ дядю моего Павла Александровича Бибикова, старшаго сына бабушки, товарища его дѣт-

ства, который погибъ вслѣдствіе своей къ нему преданности. Когда Государь отправился за границу, подъ именемъ графа Сѣвернаго, онъ поручилъ дядѣ, состоявшему флигель-адъютантомъ при Екатеринѣ (ихъ было всего три или четыре) сообщать ему извѣстія о дворѣ и вообще о томъ, чтѣ дѣлается въ Россіи. Тайная переписка эта не могла не компроментировать дяди. Хотя онъ былъ на хорошемъ счету у Государыни, однако ненависть къ всемогущему въ ту пору князю Потемкину побудила его представлять событія въ темномъ свѣтѣ и не скупиться на сильныя выраженія. Имѣя однажды сообщить что-то особенно важное великому князю, онъ поручилъ это дѣло своему адъютанту д'Огерти, d'Oguerty (состоя въ генеральскомъ чинѣ, онъ имѣлъ адъютанта) и отправилъ его за границу. Не знаю, какимъ образомъ объ этомъ узнали, и графъ Броунъ, Рижскій генераль-губернаторъ, получилъ приказаніе захватить бумаги, которыми Огерти везъ съ собою. Броунъ его пригласилъ учтивымъ образомъ къ себѣ отобѣдать и въ то время какъ Огерти спокойно ѣлъ, посланные графа перерыли всѣ его вещи и подъ подошвою сапога нашли письмо Бибикова. Письмо это было немедленно доставлено въ Петербургъ; вскорѣ дядю потребовали къ тогдашнему генераль-прокурору князю Вяземскому и тайно заключили въ крѣпость. Вина дяди была велика; но Государыня, всегда милосердая и не забывавшая великихъ заслугъ дѣдушки, не захотѣла судить собственного своего адъютанта по всей строгости законовъ. Его назначили командиромъ полка (гарнизона?) въ Колѣ, самомъ сѣверномъ городѣ Архангельской губерніи, въ странѣ холодной и пустынной, гдѣ сосланный вскорѣ сдѣлался жертвою убійственнаго климата, глубокаго отчаянія и преданности къ великому князю, котораго былъ товарищемъ и другомъ.

Во время царствованія Павла Петровича, Петербургъ былъ вовсе невеселымъ городомъ. Всякій чувствовалъ, что за нимъ наблюдали, всякій опасался товарища и собранія, которыя, кромѣ кое-какихъ баловъ, были рѣдки. На балахъ этихъ однако молодые люди встрѣчались съ молодыми дѣвицами, и любовь не теряла правъ своихъ. Я, подобно другимъ, заплатилъ ей дань, и N. N., къ которой пылалъ любовію, казалась ко мнѣ благосклонною. Я сталъ находить, что въ Петербургѣ очень хорошо живетъ, когда ревнивый соперникъ¹⁸⁾, влюбленный въ ту же особу, сталъ искать случая завести со мною ссору. Мы нигдѣ не встрѣчались; никогда не случалось намъ, въ то время, быть вмѣстѣ въ одной и той же гостиной. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ коемъ значилось, будто я позволилъ себѣ говорить дурно объ особѣ, которую онъ обязанъ защищать и что онъ съумѣетъ заставить меня дать ему удовлетвореніе. Я поспѣшилъ къ нему, чтобы уз-

¹⁸⁾ Князь Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій, умершій въ Москвѣ 1863 г. оберъ-штабмейстеромъ, тогда молодой гвардейскій офицеръ. Лѣтъ 50 послѣ описываемаго гр. Рибопьеромъ событія, оба соперника, никогда другъ друга не видавшіе, печально встрѣтились въ одномъ изъ Московскихъ магазиновъ. Графъ Рибопьеръ сейчасъ же узналъ князя; но, видя, что послѣдній его не признаетъ, показалъ ему шрамъ на рукѣ. Старые соперники дружески пожали другъ друга руки.

нать, въ чемъ дѣло; но онъ никого не назвалъ и продолжалъ считать себя обиженнымъ. Мы дрались съ нимъ на шпагахъ, и въ то время какъ я ему нанесъ ударъ выше локтя, онъ меня ранилъ въ ладонь такъ сильно, что перервалъ артерію. Я принужденъ былъ вынести мучительную операцію, и едва успѣли сдѣлать мнѣ первую перевязку, какъ ко мнѣ прѣѣхали оберъ-полицмейстеръ и генераль-губернаторъ графъ Паленъ съ повелѣніемъ отъ Императора сдѣлать мнѣ допросъ. Говорятъ, будто кто-то донесъ Государю, что соперникъ мой, взявъ подъ свою защиту княгиню Анну Петровну Гагарину, о которой я будто говорилъ дурно, порыцарски вызвалъ меня на поединокъ. Государь, самъ рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова и все еще на меня разгнѣванный за прежнее, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выказать на мнѣ всю свою строгость. Я никогда ничего не говорилъ противъ княгини Анны Петровны, и болѣе трехъ лѣтъ не приходилось мнѣ слова перемолвить съ моимъ соперникомъ. Отъ природы скромный и осторожный, я жилъ въ то время довольно уединенно въ кругу близкихъ мнѣ людей. Государь исключилъ меня изъ службы; у меня отняли Мальтійскій крестъ и камергерскій ключъ и засадили въ крѣпость въ секретномъ казематѣ. По мѣрѣ того какъ Павелъ наказывалъ, гнѣвъ его все болѣе и болѣе разгорался: онъ отправилъ мать мою и сестеръ въ ссылку, конфисковалъ домъ нашъ и все имущество въ Петербургѣ и окрестностяхъ, отдалъ матушку подъ надзоръ полиціи, запретилъ принимать на почтѣ какъ наши письма, такъ и тѣ, которыя были намъ адресованы; наконецъ, онъ подвергъ 24 часовому домашнему аресту великаго князя Александра Павловича за то, что, какъ первый Петербургскій генераль-губернаторъ, онъ не представилъ рапорта о моей дуэли. Графъ Паленъ былъ за тоже на время удаленъ отъ двора, также какъ и дядя мой Кутузовъ ⁴⁹⁾, котораго Государь обвинилъ въ томъ, что онъ имѣлъ видъ огорченнаго родственника, тогда какъ вышеупомянутый мой дядя никогда ни въ комъ не принималъ участія...

Петръ Хрисанѣовичъ Оболяниновъ, тогдашній генераль-губернаторъ, былъ со мною ласковъ и любезенъ. Онъ считался Гатчинцемъ—презрительное прозвище, которымъ награждали всѣхъ находившихся при Павлѣ Петровичѣ въ Гатчинѣ, до вступленія его на престолъ. Это были почти все люди темные, безъ образованія и воспитанія. Многихъ Павелъ помѣстилъ въ гвардію, другихъ назначилъ къ разнымъ должностямъ. Мы ихъ презирали, и они передъ нами унижались. Что касается до Оболянинова, то онъ былъ хорошаго дворянскаго рода и съ благодарностью вспоминалъ о благосклонности къ нему дѣдушки Александра Ильича, подъ начальствомъ котораго началъ онъ свою службу. Онъ былъ добрый и кроткій человекъ, не безъ познаній. Смотритель моего каземата, нѣкто *Илимъ*, также помнилъ дѣдушку, подъ командою котораго ходилъ противъ Пугачева. Онъ былъ ко мнѣ очень предупредителенъ. Солдату, стоявшему на часахъ у дверей

⁴⁹⁾ У Александра Ильича Бибикова были двѣ родныя сестры: Аграфена Ильинишна за ген. пор. Иваномъ Матвѣевичемъ Толстымъ и Евдокія Ильинишна за адмираломъ 1-го класса Иваномъ Логиновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, и одна единокровная, Екатерина Ильинишна, за фельдм. княземъ Михаиломъ Илларионовичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Смоленскимъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ адмиралѣ Кутузовѣ. Онъ былъ одно время любимцемъ Павла Петровича.

моей темницы, фамилія моя была извѣстна, такъ какъ онъ долгое время стоялъ въ полку въ одномъ изъ нашихъ имѣній. Солдатъ этотъ вполне поступилъ ко мнѣ въ услуженіе. Мнѣ пріятно вспоминать обо всѣхъ этихъ достойныхъ людяхъ, столь добрыхъ ко мнѣ во время моего заключенія; но изъ всѣхъ тѣхъ, кто выказалъ мнѣ привязанность, никто не имѣетъ столько правъ на мою вѣчную благодарность, сколько *Иванъ Новицкій*. Онъ былъ крѣпостнымъ парикмахеромъ моей матери, и притомъ весьма искуснымъ, такъ что имѣлъ большую практику, копилъ деньги и жилъ въ довольствѣ. Когда матушку сослали, Иванъ бросился къ Оболянинову. Послѣдній, хотя и временщикъ, принялъ его благосклонно. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ. «Барыня моя сослана», отвѣчалъ Новицкій, «молодой баринъ въ тюрьмѣ. Я могу ему быть полезенъ: прикажите меня запереть съ нимъ вмѣстѣ». Оболяниновъ, тронутый такою преданностію, обнялъ его и приказалъ свести его ко мнѣ въ тюрьму. Пришедши въ мое помѣщеніе, онъ заплакалъ отъ радости и сталъ цѣловать мою лѣвую руку (правая была ранена и въ перевязкахъ). Не упоминная о ссылкѣ матушки (о чемъ я узналъ только по моемъ освобожденіи), онъ что-то сунулъ мнѣ подъ подушку и сказалъ: «Возьмите, это я приберегъ; мнѣ оно не нужно, а вамъ можетъ понадобится. Мнѣ дозволили съ вами свидѣться, и я васъ уже болѣе не оставлю». Всю жизнь мою я горевалъ о томъ, что не пришлось мнѣ доказать Новицкому мою благодарность. Вскорѣ я вернулся въ Вѣну, а когда я снова пріѣхалъ въ Петербургъ, его уже не было въ живыхъ.

Здѣсь кстати расскажу черту самой трогательной заботливости, какую могло только придумать материнское сердце. Было рѣшено, чтобы не усилить моего горя, не сообщать мнѣ о ссылкѣ моихъ домашнихъ. П. Х. Оболяниновъ дозволилъ Ивану Васильевичу Туттолмину, старому другу нашего дома, присылать мнѣ кое-какія блюда, тонкія кушанья, а также и фрукты, дозволенные докторами. Матушка возимѣла счастливую мысль оставить много адресовъ, писанныхъ ея рукою, которые мнѣ и высылались на блюдахъ. Видя раза по два въ день дорогую мнѣ руку матери, я не беспокоился на ея счетъ.

Александръ Павловичъ, въ самый день восшествія своего на престолъ, приказалъ выпустить меня на волю и возвратилъ мнѣ прежнее мое званіе. Въ тотже день курьеръ поскакалъ за матушкою, которая не успѣла еще доѣхать до имѣнія, назначеннаго ей мѣстомъ изгнанія. На улицахъ цѣловались и поздравляли другъ друга. Россія привѣтствовала царствованіе Александра какъ эру освобожденія, какъ зарю прекраснаго дня. На двери моей темницы приклеена была надпись: «*свободна отъ постоя*». Государь повелѣлъ освободить всѣхъ лицъ, арестованныхъ покойнымъ родителемъ его, между прочими и одного Поляка, переведеннаго въ другой казематъ, чтобы очистить для меня мѣсто. Когда его повели обратно, послѣ моего освобожденія, онъ вообразилъ, что его ведутъ на казнь. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, очутившись въ старомъ помѣщеніи; но каковъ былъ его восторгъ, когда черезъ нѣсколько дней его выпустили на волю!

Послѣ праздниковъ коронаціи, которые были веселы, великолѣпны и блестящи, я возвратился въ Вѣну. Государь желалъ, чтобы, по примѣру Воронцова, Нарышкина ⁵⁰⁾ и другихъ товарищей, я снова

⁵⁰⁾ Графъ, впоследствии свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ Михаилъ Семёновичъ Воронцовъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ.

поступилъ въ гвардію, жертвуя чиномъ д. с. совѣтника и камергерствомъ. Но не эти преимущества меня заботили: я пристрастился къ дипломатической службѣ и далъ слово графу Разумовскому вернуться въ Вѣну. Вслѣдствіе этого я сдѣлалъ видъ, будто не понимаю, что со мною хотятъ сдѣлать, за что Государь долго на меня гнѣвался.

*

Къ началу царствованія Александра относятся нижеслѣдующія два письма графа Рибопьера, писанныя въ Вѣну къ его бывшему начальнику и найденныя въ архивѣ князя Разумовскаго. Приводимъ ихъ въ переводѣ.

I.

Послѣднее письмо мое, переданное вамъ курьеромъ, я предполагалъ отправить по почтѣ; вотъ почему я надписалъ его лично вамъ. Князь (Чарторыжскій) подшутилъ надо мною, какъ надъ ребенкомъ. Я все еще числюсь въ его канцеляріи, но вмѣсто того чтобы работать, едва нахожу себя мѣстечко среди 34 лицъ, состоящихъ при его сіятельствѣ. Эта тѣма писцовъ только мараеъ бумагу (*ne fait que du noir sur du blanc*).—Пахучій Татищевъ ⁵¹⁾ одинъ только работаетъ въ кабинетѣ у князя. Говорятъ о войнѣ. Байковъ, вернувшійся тому дней десять изъ Парижа, снова туда отправляется курьеромъ. И такъ мы также будемъ воевать. Военные или вѣрнѣе маленькіе господа, туго затянутые въ лосины, съ восторгомъ предаются надеждѣ вскорѣ пожать лавры. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Колычевъ, какъ собака на стойкѣ: онъ выжидаетъ отъѣзда графа Семена Романовича ⁵²⁾. Онъ мнѣ самъ *откровенно* признался, что ему обѣщали Лондонскій постъ. Вудбергъ, который здѣсь уже два мѣсяца, беспокоитъ своимъ присутствіемъ Колычова, хотя въ городѣ назначаютъ перваго къ консулу. Графъ Кочубей въ дурныхъ отношеніяхъ съ дворомъ; онъ ѣдетъ въ деревню, но отъ этого дѣла пойдутъ лучше. Благодаря Бога, у него помощникомъ графъ Строгановъ, превѣтренный геній, талантливая опытность котораго подаетъ намъ лучшія надежды. Онъ и Новосильцовъ служатъ пѣшками нашему князю ⁵³⁾. Онъ ихъ ставитъ впередъ, заставляетъ говорить и дѣйствовать, и хотя самъ не показывается, однако всемъ будетъ управлять одинъ. Я не говорю о себѣ: жизнь моя пуста и глупа. Я завѣсилъ будущность свою чернымъ флеромъ. Это грустно въ 20 лѣтъ, но когда не имѣешь независимаго положенія и не питаешь страсти къ походамъ, нельзя ни на что рассчитывать. Сохраните мнѣ ваше благорасположеніе; преданность моя къ вамъ составляетъ главную черту моего бытія. У насъ нѣтъ отъ васъ извѣстій. Смѣю надѣяться, что вы не забудете обо мнѣ, когда будете писать въ Петербургъ.

2/14 Апрѣля 1802.

⁵¹⁾ Дмитрій Павловичъ Татищевъ, впоследствии посолъ въ Вѣнѣ, а потомъ оберъ-камергеръ (1767+1845).

⁵²⁾ Т. е. отъѣзда графа Воронцова изъ Англіи; его тогда ждали въ Петербургъ.

⁵³⁾ Т. е. князю Адаму Чарторыжскому, въ то время товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

II.

Я не отправлялъ до сегодняшняго дня письма, которое теперь честь имѣю представить. Господамъ служащимъ въ канцеляріи (изъ которыхъ одни Греки, а другіе Жиды), признаюсь, не вполнѣ довѣряю. Я предпочелъ дожидаться отъѣзда Васильчикова ⁵⁴⁾ и передать ему письмо, а равно и объясненіе, которое имѣлъ на дняхъ съ княземъ. Онъ меня къ себѣ вызвалъ и поручилъ писать Анстету съ предложеніемъ пріѣхать въ Петербургъ и занять мѣсто начальника одной изъ экспедицій. Онъ меня завѣрилъ, что насъ объ этомъ предупредилъ; поэтому я ничего не возразилъ и написалъ Анстету. Мы были съ нимъ съ глазу на глазъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заговорить о моей будущности. Я его спросилъ, не знаетъ-ли онъ, почему крестный мой отецъ совершенно ко мнѣ измѣнился. Онъ расхохотался. Наконецъ, послѣ долгихъ съ моей стороны настояній, онъ сказалъ, что Государю передали какіе-то мои разговоры, но что онъ не знаетъ ни того, кто это передалъ, ни содержанія того, что мнѣ приписывали. Онъ прибавилъ: «мнѣ тоже передали, что вы кое-что рассказываете про меня и мою канцелярію». Можете себѣ представить, каково было мое удивленіе! Я его завѣрилъ, что все это клевета п, быть можетъ, слишкомъ разгорячившись, сталъ просить объ отставкѣ. Въ утѣшеніе, онъ сказалъ мнѣ, что былъ отмѣннаго обо мнѣ мнѣнія, но что мои 20 лѣтъ и то, что было ему передано, поколебали то хорошее впечатлѣніе, которое я на него произвелъ. Онъ довольно слабо со мною поспорилъ касательно моего намѣренія выйти въ отставку. На этомъ мы разстались. Съ тѣхъ поръ я здорово все обдумалъ. Я совѣтовался съ матушкою, и рѣшилъ чисто-сердечно объявить князю, что если онъ не можетъ меня примирить съ Государемъ и, по обѣщанію, дать занятіе: то я съ своей стороны не вижу причины оставаться на службѣ, отъ которой не могу ожидать ни пользы, ни повышенія и что я прошусь, *по волюности дворянства*, въ отставку ⁵⁵⁾. Черезъ два или три дня судьба моя будетъ рѣшена. Мнѣ сегодня минулъ 21 годъ. Будущность моя самая плачевная. Заслуживъ неблаговоленіе Государя, находясь на дурномъ счету у того, кто пользуется всемогущимъ на него вліяніемъ, и долженъ служить изъ-за жалованія, котораго не буду достоинъ. Вы меня слишкомъ хорошо знаете, чтобы сомнѣваться въ томъ, что я, не смотря на мою бѣдность, отъ жалованья этаго откажусь. Смѣю надѣяться, что вы одобрите мое рѣшеніе. Вы не станете вѣрить клеветѣ, сочиненной низкими людьми. Мысль, что вы мнѣ отдадите справедливость, будетъ для меня великимъ утѣшеніемъ среди всѣхъ неприятностей, которыхъ я ожидаю. Извините за всѣ эти скучныя подробности: я не могу не передать вамъ все, что до меня касается. Я вамъ преданъ на вѣки.

Далѣе слѣдуетъ продолженіе Записокъ.

Я вернулся въ Вѣну, какъ въ родную семью; выраженіемъ дружбы и любезностямъ не было конца. Я снова принялся за работу

⁵⁴⁾ Алексѣя Васильевича.

⁵⁵⁾ Въ подлинникѣ слова эти написаны порусски.

подъ дружескимъ наблюденіемъ Анстета, и время протекало незамѣтно⁵⁶⁾.

Во время случая Зубова, шевалье Де-Саксъ (chevalier de Saxe), незаконный сынъ герцога Максимилиана Саксонскаго, пріѣхалъ попытать счастья въ Россіи. Императрица приняла его отменно милостиво, обращалась съ нимъ почти какъ съ принцемъ, допустила его въ число приближенныхъ и даже назначила ему ежегодную пенсію въ 2000 рублей, которая по закону Петра Великаго выдавалась принцамъ Римской имперіи, поступавшимъ на нашу службу. Князь Зубовъ выказывалъ тоже сочувствіе къ этому шевалье. Одинъ молодой князь Щербатовъ⁵⁷⁾, бывший еще въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ и весьма дурно воспитанный, встрѣтивъ Де-Сакса, съ которымъ почти не былъ знакомъ, на Екатериненгофскомъ гуляньи, фамиліарно къ нему подошелъ и спросилъ его: «comment vous portez vous»⁵⁸⁾. Шевалье, ѣхавшій верхомъ и не желавшій знакомства съ Щербатовымъ, рѣзко отвѣчалъ: «Sur mon cheval». Отвѣтъ этотъ былъ переданъ Щербатовымъ его товарищамъ по полку. Объ этомъ много говорили по городу со всякими комментаріями, осудили шевалье и наконецъ рѣшили, что столь важное обстоятельство требовало серіознаго объясненія. Объясненіе это только раздражило противниковъ, и однажды при выходѣ изъ Французскаго театра, Щербатовъ, остановивъ шевалье, потребовалъ сатисфакціи. Настойчивость мальчика разсердила вспыльчиваго шевалье, и онъ забылся до того, что далъ противнику пощечину. Щербатовъ изъ всѣхъ силъ ударилъ его палкою по головѣ. Общество имѣло дурной вкусъ прозвать палки, похожія на ту, которую носилъ въ этотъ вечеръ Щербатовъ, Щербатовскими (à la Scherbatoff). Такъ какъ драка произошла въ публичномъ мѣстѣ, то полиція вмѣшалась въ дѣло, и шевалье, не смотря на его Русскій полковничій мундиръ, отведенъ въ заточеніе. Вскорѣ однако его выпустили, и онъ написалъ письмо къ Зубову, требуя правосудія. Но вмѣсто отвѣта шевалье, по высочайшему повелѣнію, выслали за границу.

Можно себѣ представить негодованіе Де-Сакса, живаго, вспыльчиваго, но вполне благороднаго и къ тому же извѣстнаго храбреца! Едва переступилъ онъ за Русскую границу, какъ сталъ посылать вызовы къ князю Зубову, котораго подозрѣвалъ въ ревности и въ подсылкѣ Щербатова, а также къ сему послѣднему за оскорбленіе, оставившее неизгладимые слѣды на лбу его. Не получая отвѣтовъ ни отъ того, ни отъ другаго, шевалье Де-Саксъ напечаталъ въ газетахъ посланные имъ оскорбительные вызовы; но князь Зубовъ съ высоты своего могущества не соблаговолилъ обратить на нихъ вниманія; а Щербатовъ, въ то время мальчишка, отправленъ былъ къ родителямъ въ Москву или въ деревню. Наступило царствованіе Павла I; ни тому ни другому невозможно было ѣхать въ Германію,

⁵⁶⁾ 20 Апрѣля 1801 г. графъ Рибопьеръ переименованъ былъ въ д. с. со-
вѣтники.

⁵⁷⁾ Князь Николай Григорьевичъ Щербатовъ, р. 1778, ум. 1845, былъ впоследствии генералъ-маіоромъ; въ описываемое время ему было лѣтъ 15 или 16.

⁵⁸⁾ Шевалье отвѣчалъ игрою словъ, которую невозможно передать: Comment vous portez vous слово въ слово: какъ вы себя носите; шевалье Де-Саксъ, принимая буквальное значеніе фразы, отвѣчалъ: sur mon cheval, т. е. на моей лошади.

гдѣ ихъ ждалъ противникъ ⁵⁹⁾. Я ежедневно видѣлся въ Вѣнѣ съ ше-валѣе Де-Саксомъ, въ первое мое тамъ пребываніе; его тамъ люби-ли, и онъ имѣлъ обширное знакомство. Сначала, какъ Русскій, я ему былъ не по сердцу; но мы скорѣ сошлись, и онъ мнѣ откро-венно признался, что, не смотря на мои 16 лѣтъ, онъ рѣшился было со мною поссориться и вызвать меня на поединокъ; скромность и открытое поведеніе мое его обезоружили. Мы снова встрѣтились те-перь въ Вѣнѣ, и скорѣ послѣ меня туда пріѣхали князь Zubovъ и князь Щербатовъ. Послѣдній говорилъ, что онъ спѣшилъ съ тѣмъ, чтобы помѣшати поединку князя Zubova съ шевалѣе Де-Саксомъ; но Zubovъ пріѣхалъ ранѣе, и по этому условія дуэли были установлены, и рѣшено было драться въ Петерсвальдѣ, на границахъ Саксоніи и Богеміи. Въ то время какъ шли переговоры касательно этого по-единка, Zubovъ не разъ приходилъ ко мнѣ, въ комнату, занимаемую мною въ посольствѣ. Тогда убѣдился я, какъ мало было твердости духа въ этомъ баловнѣ счастья. Правда, онъ шелъ на поединокъ, но онъ не могъ иначе поступить, послѣ полученныхъ имъ отъ шевалѣе публичныхъ оскорбленій, и на поединокъ этотъ онъ шелъ какъ сла-бая женщина, приговоренная къ мучительной операціи. Смиренно и тихо входилъ онъ теперь, почти каждый день, въ мою комнату. Онъ меня зналъ ребенкомъ. Невольно, глядя на него, вспоминалъ я вре-мена его могущества, когда онъ держалъ себя какъ неприступный сатрапъ: разсѣвшись передъ зеркаломъ, въ то время какъ парикма-херъ убиралъ и пудрилъ ему волосы, онъ не соизволялъ обернуться ни для какого пола, ни для какого вельможи, являвшихся къ нему съ поклонами, и только слегка кивалъ головою, глядя на нихъ въ зеркало. Голова эта кружилась отъ упоенія Фортуною. Вообще говоря, онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ не лишенъ былъ ума и имѣлъ познанія; но не по немъ была та высота, на которую онъ попалъ случайно, и съ которой также случайно упалъ послѣ внезапной кон-чины своей покровительницы. Приходя ко мнѣ въ Вѣнѣ, Zubovъ по-стоянно говорилъ про Императрицу, которая меня такъ любила и память которой была дорогъ намъ обоимъ... Zubovъ дрался крайне смѣшно: прежде чѣмъ взяться за шпагу, онъ сталъ на колѣна, долго молился; потомъ, наступая на шевалѣе, онъ наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получилъ царапину, объявилъ, что до-лѣе не можетъ драться. Шевалѣе, нанеся ему ударъ, воскликнулъ: вы мнѣ надоѣли! Нѣсколько дней послѣ этой дуэли, Щербатовъ на-гналъ шевалѣе Де-Сакса въ Теплицѣ. Они дрались на пистолетахъ въ Петерсвальдѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Zubovъ. Шевалѣе былъ убитъ на повалѣ съ перваго выстрѣла. Щербатовъ долгое время упражнялся въ стрѣльбѣ и хорошо сдѣлалъ, ибо иначе онъ бы неминуемо палъ подъ могучею и ловкою рукою шевалѣе Де-Сакса, такъ какъ по условіямъ поединка, въ случаѣ, если бы оба промахнулись, соперники должны были взяться за шпаги. Отправ-

⁵⁹⁾ Бантышъ-Каменскій и анонимный авторъ біографіи Zubova (Русская Ста-рина 1876) говорятъ, что Zubovъ получилъ отъ Павла дозволеніе путеше-ствовать за границу. О пребываніи его въ Германіи при Павлѣ упоминаетъ и Масонъ въ своихъ мемурахъ. О путешествіи же Zubova при Александрѣ никто не говоритъ, но оно подтверждается не только Мемуарами графа А. И. Рибоп-сра, но и депешами посла графа Разумовскаго,

ляясь въ Теплицъ, Щербатовъ увидѣлъ зайца, перебѣгавшаго черезъ дорогу; онъ схватился за пистолетъ и убилъ его на повалъ.

*

Въ 1803 году старшая сестра моя, Елисавета Ивановна, вышла за мужъ за Александра Александровича Полянскаго, сына столь извѣстной графини Елисаветы Романовны Воронцовой. Матушка хотѣла, чтобы я былъ на свадьбѣ. Я поскакалъ курьеромъ. При выѣздѣ изъ Кракова, въ 26 градусный морозъ съ страшною метелью, меня вывалили изъ саней. Я расшибся, заболѣлъ и принужденъ былъ семь недѣль жить въ Краковѣ, на попеченіи семейства Чарторыжскихъ, которые ходили за мною какъ родные. Я всѣхъ ихъ уже зналъ кромѣ княгини-матери ⁶⁰⁾. Я вовсе не думалъ окончательно поселиться въ Петербургѣ и, пріѣхавъ, только и помышлялъ о томъ, какъ бы скорѣе вырваться. Я жилъ безъ дѣла, въ постоянномъ ожиданіи, ни къ чему особенно не привязываясь. Такъ незамѣтно протекли два года. У меня завелись кое-какія любовныя интриги, и мнѣ не разъ предлагали выгодныя партіи, но я о женитьбѣ еще не думалъ ⁶¹⁾.

Во время праздниковъ коронаціи началось значеніе Н—ой; кокетливая и, быть можетъ, даже нѣсколько болѣе чѣмъ кокетливая, она скоро соскучилась своимъ положеніемъ и не отвергала ѳиміама простыхъ смертныхъ. Ко мнѣ она была крайне любезна, но изъ преувеличеннаго, быть можетъ, чувства благоговѣнія къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, я не обратилъ вниманія на ея милости и вскорѣ замѣтилъ, что подвергся гнѣву красавицы изъ красавицъ. Гнѣвъ этотъ вмѣстѣ съ опалою, въ которой я находился, раза два помѣшалъ мнѣ занять должности, которыя я имѣлъ въ виду. Въ то время, чтобы быть на виду, необходимо было пользоваться благорасположеніемъ Н., которая впрочемъ, надо ей отдать справедливость, держала себя очень скромно и никому не вредила.

Императрица Елисавета Алексѣевна очень отличала князя Адама Чарторыжскаго. При Павлѣ Петровичѣ онъ внезапно былъ назначенъ посломъ къ Сардинскому королю, который въ то время жилъ въ Калъяри. Будучи въ Римѣ, князь Чарторыжскій заказалъ двѣ статуи или вѣрнѣе двѣ группы, изображавшія, одна: Амура кормящаго Химеру, а другая Химеру кормящую Амура.... Елисавета Алексѣевна была въ перепискѣ съ принцессою Маріею Виртембергскою ⁶²⁾ и подписывалась подъ письмами къ ней именемъ «Селаниры»..... ⁶³⁾.

⁶⁰⁾ Извѣстная княгиня Изабелла Чарторыжская, родомъ графиня Флемингъ, называемая «маткою ойчизны», ярая Польшка, что не мѣшало ей быть въ открытой связи съ кн. Н. В. Репнинымъ. отъ котораго она имѣла сына, извѣстнаго князя Адама Чарторыжскаго; онъ унаслѣдовалъ Репнинскую смуглость.

⁶¹⁾ 1 Декабря 1804 графъ Рибоньеръ возвращенъ въ Россію и оставленъ при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

⁶²⁾ Принцесса Марія, родомъ княжна Чарторыжская (р. въ 1765, ум. 1854), была замужемъ за принцемъ Лудовикомъ-Фредерикомъ Александромъ Виртембергскимъ, съ которымъ развелась въ 1792 вслѣдствіе Польскаго своего энтузіазма: принцъ сражался противъ Поляковъ. Онъ женился вторично на принцессѣ Нассауской и былъ дѣдомъ, по матери, тепершняго короля Виртембергскаго. У принцессы Маріи былъ единственный сынъ принцъ Адамъ, генералъ нашей службы, съ которымъ она также поссорилась изъ-за политики.

⁶³⁾ Селанира—героиня романа, сочиненнаго принцессою Виртембергскою.

Я былъ въ то время одинъ изъ старшихъ камергеровъ; старше меня былъ только нѣкто господинъ Жеребцовъ, племянникъ князя Зубова, никому не показывавшійся и не ѣздившій ни ко двору, ни въ общество. Такимъ образомъ, въ отсутствіе оберъ-камергера, я занималъ его мѣсто и представлялъ Государю и императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ лицъ ими принимаемыхъ. Государь прозвалъ меня своимъ *подставнымъ* (postiche) оберъ-камергеромъ. Прозваніе это, не весьма лестное, до того мнѣ не понравилось, что въ одно Воскресенье я сказался больнымъ, чтобы болѣе его не слышать. Въ тѣ времена, въ отсутствіе оберъ-камергера, мѣсто его занималъ старѣйшій изъ камергеровъ. Преимущество это строго наблюдалось самою Екатериною. Однажды оберъ-штальмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, за болѣзнію оберъ-камергера И. И. Шувалова, вздумалъ было подать руку Государынѣ; но она ему замѣтила, что преимущество это по праву принадлежитъ сыну ея Александру Львовичу, который одинъ только, какъ старшій камергеръ, можетъ занять мѣсто отсутствующаго оберъ-камергера. Государю и Государынѣ представлялись каждое Воскресенье то въ городѣ, то на Каменномъ острову; такимъ образомъ представленія не накапливались, и рѣдко когда болѣе четырехъ или пяти человекъ являлись одновременно. Однажды я представлялъ А. И. Италинскаго ⁶⁴⁾, возвращавшагося изъ Константинопольскаго посольства и Леонтія Магницкаго отца, пріѣхавшаго изъ Москвы, гдѣ онъ служилъ прокуроромъ Синодальной Канторы. Одинъ не видалъ Петербурга 40, а другой 42 года. Крайне интересно было слушать ихъ рассказы: судя по словамъ ихъ, городъ въ этотъ промежутокъ времени баснословно измѣнился.

Скучая бездѣйствіемъ, я желалъ принять участіе въ кампаніи, столь несчастно для насъ кончившейся Аустерлицкимъ пораженіемъ; но дядя мой Кутузовъ ⁶⁵⁾ сказалъ матушкѣ, что отецъ мой уже палъ въ его глазахъ на штурмъ Измаила, и что поэтому онъ опасается взять меня съ собою на войну.

Общественное мнѣніе вызвало на слѣдующій годъ въ предводители нашихъ войскъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго. Онъ какъ-то доводился дядею моей матери, и по ея просьбѣ получилъ отъ Государя разрѣшеніе взять меня съ собою, къ неудовольствію барона

⁶⁴⁾ Андрей Ивановичъ Италинскій, гувернеръ князя Виктора Павловича Кочубея, нотомъ повѣренный въ дѣлахъ въ Неаполѣ и посланникъ сперва въ Константинополь, а впослѣдствіи въ Римѣ, гдѣ онъ и умеръ, завѣщавъ богатую свою бібліотеку нашему тамъ посольству, съ тѣмъ чтобы ею пользовались пріѣзжающіе въ Римъ Русскіе артисты и ученые. Къ сожалѣнію, почти вся бібліотека была растаскана питомцами Музъ. Италинскій былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дипломатовъ. Вездѣ, гдѣ онъ находился представителемъ Россіи, нравственное вліяніе его было громадное. Рассказываютъ, что одинъ монахъ Зурла (Zurlo) поднесъ черезъ нашу миссію въ Римѣ императору Александру подробную карту Россіи на Итальянскомъ языкѣ. Черезъ министерство дано приказаніе Италинскому выхлопотать у папскаго правительства монаху Зурлѣ какое нибудь повышеніе. Италинскій исполнилъ высочайшую волю, и одного его слова было довольно, чтобы простаго монаха облечь въ Римскую багряницу: таково было въ тѣ времена наше вліяніе. Кардиналъ Зурла сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ учеными своими трудами.

⁶⁵⁾ Т. е. дѣдъ-дядя.

Будберга, человека мелкаго и тщеславнаго, занявшаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ мѣсто князя Чарторыжскаго ⁶⁶⁾.

Армія раздѣлена была на два корпуса. Однимъ командовалъ графъ Фѣдоръ Фѣдоровичъ Буксгевденъ, а другимъ Леонтій Леоптѣевичъ Бенингсенъ. Оба генерала враждовали между собою и встрѣтили Каменскаго съ жалобами. Корпуса были далеко не такъ сильны, какъ то думалъ Государь: при нихъ не было ни запасныхъ магазиновъ, ни госпиталей; въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ дороги были окончательно испорчены и не допускали передвиженія войска. Бонапартъ стоялъ въ виду во главѣ сильной арміи. При малѣйшемъ успѣхѣ онъ могъ войти въ Россію. Чтобы предупредить такую бѣду, фельдмаршалъ рѣшился соединить войска и прикрыть ими нашу границу, для чего предписалъ общее отступление, а самъ поѣхалъ въ Вильну, куда сталъ стигивать всѣ разбросанныя силы, находившіяся подъ его командою. Между тѣмъ генералъ Бенингсенъ разбилъ непріятеля при Пултускѣ и Голыминѣ и остановилъ на время наступательное его движеніе. Если бы графъ Буксгевденъ во время явился на подмогу, пораженіе Бонапарта было бы совершенное; но Буксгевденъ не двинулся, хотя стоялъ въ двухъ переходахъ отъ поля сраженія и слышалъ каждый пушечный ударъ. Назначеніе Каменскаго было со стороны Государя только уступкою общественному мнѣнію. Вообще онъ къ фельдмаршалу не благоволилъ, и распоряженія новаго начальника, совершенно противныя высочайшимъ инструкціямъ, окончательно раздражили Александра Павловича. Дѣйствуя, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво, онъ приказалъ Каменскому сдать команду, назначилъ ему Гродну мѣстомъ ареста и, вызвавъ Буксгевдена въ Петербургъ, передалъ команду генералу Бенингсену.

Оставшись одинъ при графѣ Каменскомъ, съ того дня какъ онъ въ Остроленкѣ покинулъ армію, я сдѣлался за разъ начальникомъ его штаба, дежурнымъ его генераломъ, директоромъ его канцеляріи, его секретаремъ, его писцомъ и его компаніономъ. Тяжкія минуты провелъ я съ этимъ желчнымъ старикомъ; но за то успѣлъ изучить нравъ его. У него было много природнаго ума; онъ имѣлъ обширныя познанія, отлично говорилъ пофранцузски и понѣмецки, воспитавшись во Франціи и тамъ проходивъ даже военную службу. Онъ съ отличіемъ служилъ при Екатеринѣ, извѣстенъ былъ храбростію и былъ замѣчательный тактикъ. Вообще графъ Каменскій пользовался блестящею военною репутаціею. Но при этомъ онъ былъ горячъ и вспыльчивъ, характеръ имѣлъ несносный, сердился за всякую бездѣлицу и былъ требователенъ до мелочности. Совѣсть запрещала мнѣ покинуть его въ невзгодѣ, но мнѣ нечего было дѣлать при смѣщенномъ полководцѣ, и я понапрасну терялъ время. Къ счастью, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, отправляясь въ армію, проѣхалъ черезъ Гродну и, явившись къ фельдмаршалу, не безъ труда добился того, чтобы себялюбивый старикъ согласился отпустить меня.

Я отправился къ генералу Бенингсену и вмѣстѣ съ графомъ К. В. Нессельроде сдѣлалъ всю кампанію въ качествѣ дипломатическаго комисара. Послѣ битвы при Прейсишъ-Эйлау, Нессельроде отправленъ былъ къ графу Разумовскому, съ тѣмъ чтобы посолье этотъ

⁶⁶⁾ Въ 1806 и 1807 годахъ графъ Рибопьеръ состоялъ при главнокомандующемъ арміями въ званіи дипломатическаго комисара.

всѣми силами старался уговорить Вѣнскій дворъ стать на нашу сторону. Въ это время раздоръ поселился среди нашего лагеря. Генералы баронъ Ф. В. Остенъ-Сакенъ вмѣстѣ съ графомъ П. А. Толстымъ и графомъ А. И. Остерманомъ (всѣ трое были начальниками дивизій), открыто не повиновались Беннингсену. Если бы Сакенъ выступилъ во время, какъ ему было приказано, Гутштадское дѣло было бы блестящею побѣдою. Беннингсенъ хотя и храбрый воинъ, былъ однако слабъ характеромъ и не умѣлъ держать въ рукахъ подчиненныхъ. Онъ сообщилъ о своихъ затрудненіяхъ князю Багратиону. Мы составили совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что князь Петръ Ивановичъ передать Государю о настоящемъ положеніи дѣлъ. Багратионъ поѣхалъ съ секретнымъ рапортомъ, который былъ мною составленъ и написанъ и который произвелъ такое впечатлѣніе на Государя, что онъ отправилъ въ армію Н. Н. Новосильцова, самаго приближеннаго къ себѣ человека, чтобы возстановить порядокъ и дисциплину. Такимъ образомъ имѣю полное право сказать, что я уничтожилъ затѣянный противъ главнокомандующаго заговоръ и убѣдилъ Беннингсена довести о немъ до свѣдѣнія Государя. Новосильцовъ привезъ Андреевскіе знаки Беннингсену и съ успѣхомъ исполнилъ порученіе. Баронъ Остенъ-Сакенъ послѣ кампаніи былъ отданъ подъ судъ. Дѣло затянулось и ничѣмъ не кончилось: неосужденный и неоправданный Сакенъ въ послѣдствіи снова получилъ корпусъ, во главѣ котораго одержалъ блестящія побѣды въ 1813 году и былъ комендантомъ Парижа во время перваго занятія. Между тѣмъ непріятель осаждалъ Данцигъ, и положено было обратиться за помощью къ Швеціи. Я отправленъ былъ къ Государю, выступавшему во главѣ гвардейскихъ полковъ и находившемуся на границѣ. Государь не только одобрилъ эту мысль, но пожелалъ, чтобы предложеніе это пошло отъ него и вручилъ мнѣ собственноручное письмо къ королю Шведскому.

Я засталъ короля въ Мalmö, и онъ принялъ меня крайне милостиво. Я былъ при немъ дней восемь. Въ это время я установилъ всѣ подробности той экспедиціи, которую король брался предпринять противъ Французовъ. Приписываю двумъ причинамъ хорошій пріемъ мнѣ сдѣланный, а равно и готовность, съ которою согласились на всѣ мои представленія. Мое неожиданное появленіе сперва всѣхъ крайне напугало. Король, всегда пылкій и своевольный, захватилъ, не смотря на представленія министровъ, ту часть субсидій платимыхъ Англіею, которая по праву принадлежала Россіи. Онъ вообразилъ, что я пріѣхалъ требовать этихъ денегъ. Секретарь короля по иностраннымъ дѣламъ г. фонъ-Ветерштедтъ служилъ нѣкогда при Штедингѣ, Шведскомъ послѣ въ Петербургѣ. Этотъ Ветерштедтъ былъ очень застѣнчивъ, мало выѣзжалъ въ свѣтъ и жилъ весьма уединенно. Я случайно съ нимъ познакомился и имѣлъ случай доказать ему дружбу. Возвратись на родину, Ветерштедтъ понравился королю, который приблизилъ его къ себѣ и въ отсутствіе министровъ съ нимъ однимъ занимался дѣлами. Ветерштедтъ принялъ меня въ Мальмё какъ стараго друга, давалъ мнѣ полезныя совѣты, много обо мнѣ говорилъ своему Государю и склонилъ его на мою сторону. Я каждое утро проводилъ у короля. По цѣлымъ часамъ мы ходили вдоль и поперекъ его кабинета. Онъ меня спрашивалъ обо всемъ, говорилъ про политику, про дѣла Шведскія, про Россію, очень много рассказывалъ про Павла I, къ которому высказывалъ большую сим-

патію, тѣмъ болѣе странную, что этотъ же самый Павелъ I, никогда не забывавшій разрыва его съ великою книжною Александрію Павловою, крайне рѣзко съ нимъ обошелся во время втораго его пріѣзда въ Петербургъ и даже приказалъ ему доложить, что лошади его готовы для обратнаго пути. Король зналъ все, что я претерпѣлъ отъ Павла Петровича, и ему, кажется, понравилась сдержанность, съ которою я говорилъ о покойномъ Императорѣ.

Онъ мнѣ передалъ свой отвѣтъ Государю, и въ отвѣтъ этомъ крайне лестно обо мнѣ отзывался. Впрочемъ экспедиція, которой я добился, лишь на нѣкоторое время отсрочила окончательное паденіе Данцига. Городъ сдался войску, предводимому маршаломъ Лефевромъ. Въ Мальмѣ я ежедневно видѣлъ Шведскую королеву, которую знавалъ отроковицею, когда она сопровождала сестру свою императрицу Елисавету Алексѣевну въ Петербургъ; мой гувернеръ, г. Дюпюже давалъ ей въ то время уроки Французскаго языка. Во время моего пребыванія въ Мальмѣ, я ежедневно обѣдалъ сидя между королею и королевой. Придворный этикетъ былъ строжайше соблюдаемъ. Гофмаршалъ графъ Пиперъ, въ Шведскомъ костюмѣ, подносилъ каждый разъ на золотомъ подносѣ чашку кофею, хотя король никогда кофею не пилъ. Музыка играла во время обѣда. Принцесса Марія Брауншвейгская, сестра королевы, нашла себѣ въ то время убѣжище отъ Наполеона при Шведскомъ дворѣ. Она была необыкновенной красоты. Я засталъ тоже въ Мальмѣ Стратона, Англійскаго посланника, котораго я близко знавалъ въ Вѣнѣ. Я привезъ къ нему письмо отъ Гутчинсона (Hutchinson), Англійскаго посланника въ Пруссіи, который мнѣ выдалъ паспортъ на проѣздъ въ Швецію. Этотъ проклятый Англичанинъ, котораго я засталъ въ Мемелѣ (гдѣ я сѣлъ на корабль), зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ хотѣлъ заставить меня высказаться, и потому за столомъ далъ мнѣ выпить рюмку какого-то питія, отъ котораго у меня внезапно зашумѣло въ головѣ, и языкъ сталъ до того тяжелъ, что я не могъ вымолвить ни единого слова. Этотъ первый опытъ Британской честиности произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе и, признаюсь, дальнѣйшее обхожденіе всѣхъ Англичанъ, съ которыми имѣлъ я дѣло, нисколько впечатлѣнія этого не ослабило.

По возвращеніи моемъ изъ Швеціи, я провелъ нѣсколько дней въ Кенигсбергѣ, гдѣ находилась тогда королева Прусская съ сестрою своею принцессою Сольмсъ, впоследствии королевою Ганноверскою. Я поѣхалъ туда вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, графомъ П. А. Строгановымъ и Н. Н. Новосильцовымъ, моими благопріятелями. Вильсонъ, о которомъ впоследствии такъ много говорили, пріѣхалъ тоже туда. Мы всѣ были въ восторгѣ отъ королевы, но восторгъ нашъ выказывали крайне умѣренно, на сколько то дозволяло приличіе; что же касается до Вильсона, то онъ предавался ему какъ безумный, и потому сталъ предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Въ то время я занимался музыкою и пѣвалъ недурно и охотно. По утрамъ я хаживалъ къ госпожѣ Труксесъ, одной изъ штатсъ-дамъ; туда же приходила и королева, чтобы вмѣстѣ заниматься музыкою. Мы ежедневно обѣдали у ея величества, а вечеромъ катались или на лодкахъ, или въ каретахъ. Королева брала съ собою гитару и пѣла во время плаванія. Веселые дни эти недолго продолжались; мы вернулись въ армію при возобновеніи военныхъ дѣйствій, приостановленныхъ безъ перемирія.

За выигранною нами Гейльсбергскою битвою вскорѣ послѣдовало пораженіе, которое повело къ Тильзитскому свиданію и миру. Я поѣхалъ за Государемъ въ Шавли и засталъ его тамъ. Онъ стоялъ на дворѣ дома, принадлежавшаго князю Zubov. Домъ наскоро очищали отъ невѣроятной грязи, его наполнившей. Увидавъ меня, Государь сказалъ: «Посмотри, въ какомъ видѣ домъ его свѣтлости; нѣтъ возможности войти въ него». (Онъ еще питалъ къ Zubov, ухаживавшему нѣкогда за М. А., чувство досады). Государь пробылъ въ Шавляхъ всего дня два; прискакавшій изъ арміи курьеръ объявилъ, что Бонапартъ желаетъ вступить въ переговоры. Его Величество немедленно уѣхалъ; я помчался вслѣдъ, получивъ повелѣніе ѣхать въ Тильзитъ, куда князья Куракинъ и Лобановъ только что прибыли въ качествѣ уполномоченныхъ. Дорогою со мною случилось несчастье: лошадь моя, испуганная выстрѣломъ передоваго Французскаго солдата, который цѣлился въ меня, кинулась въ лѣсъ, и такъ шибко, что я ударился о дерево и ударомъ этимъ расшибъ себѣ переносицу. Я упалъ безъ чувствъ, а ѣхавшій за мною казакъ, вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, поскакалъ въ главную квартиру объявить, что я убитъ. Извѣстіе это всѣхъ напугало, такъ какъ Государь поѣхалъ уже въ Тильзитъ, гдѣ онъ имѣлъ при себѣ всего одинъ батальонъ. Князь Багратионъ, возвращавшійся изъ Тильзита, поднялъ меня и перенесъ въ занимаемый имъ домъ, находившійся неподалеку. Луи де Талейранъ ⁶⁷⁾, съ которымъ я былъ очень друженъ и графъ де Флао ⁶⁸⁾, пользуясь только что заключеннымъ перемиріемъ, навѣстили меня и едва могли меня узнать: до того я былъ обезображенъ покрывшею мое лице опухолью. Черезъ нѣсколько дней я оправился и могъ доѣхать до Тильзита. Бонапарта и свиту его увидалъ я только разъ въ окошко. У князя Куракина встрѣтилъ я Талейрана и маршала Даву. Свиданіе Государя съ Бонапартомъ происходило на плоту, поставленномъ посреди Нѣмана, который отдѣлялъ одну армію отъ другой. По этому случаю сочинены были стихи:

Sur un radeau
J'ai vu deux maîtres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vu le plus rare tableau:
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre,
Et le sort de l'Europe entière.
Un tel radeau
Terminera plus d'une affaire;
Un tel radeau
Vaut mieux que le plus beau vaisseau.
Je parierais que l'Angleterre
Craindrait moins une flotte entière
Qu'un tel radeau.

(На плоту видѣлъ я двухъ властелиновъ земли, на плоту видѣлъ я самое рѣдкое зрѣлище: я видѣлъ миръ, я видѣлъ войну и судьбу цѣлой Европы)

⁶⁷⁾ Виконтъ Августъ-Людвигъ Талейранъ-Перигоръ былъ тогда Французскимъ генералъ-лейтенантомъ. Графъ Рибопьеръ знавалъ его въ Вѣнѣ.

⁶⁸⁾ Графъ Флао де ла Биллардери (Flahault de la Billarderie), блестящій офицеръ и адъютантъ Наполеона, впоследствии посолъ въ Англіи. Отъ королевы Гортензін онъ имѣлъ сына, герцога Морни. Рибопьеръ знавалъ Флао въ Вѣнѣ.

на плоту. Такой плотъ порѣшить много дѣлъ; такой плотъ стоитъ самаго прекраснаго корабля; я увѣренъ, что для Англіи менѣе страшенъ цѣлый флотъ, чѣмъ такой плотъ).

Государь не разъ обѣдалъ у Наполеона; но сей послѣдній, мнительный и недовѣрчивый и къ тому же судившій Александра по тому, на что самъ былъ способенъ, не принялъ отъ него ни одного угощенія. Онъ часто говорилъ Государю: *«Уюстите же меня вашимъ прекраснымъ Русскимъ чаемъ; назначались день и часъ посѣщенія, но каждый разъ, подъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ, свиданіе отмѣнялось»*.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого злосчастнаго Тильзитскаго договора, которому Пруссія обязана была грустнымъ своимъ существованіемъ, дарованнымъ ей ради императора Александра Павловича, король и королева Пруссіе прибыли въ Петербургъ, чтобы заявить свою благодарности. Они пріѣхали въ Декабрѣ, въ страшный холодъ. Генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, тогдашній придворный острякъ, говорилъ, что, желая достойно чествовать ихъ Пруссію величества, имъ показали 30 баталіоновъ гвардіи, 30 эскадроновъ и 30 градусовъ мороза; что подожгли домъ князя Гагарина, чтобы показать имъ какъ горятъ самые роскошные дворцы, наполненные мраморами, картинами и драгоценными мебелями, и что, наконецъ, уморили самаго знатнаго Русскаго вельможу (графа Шереметева), чтобы доставить ихъ величествамъ рѣдкое зрѣлище богатыхъ похоронъ. Много лѣтъ спустя, пришлось мнѣ передать эту плохую шутку королю, что его очень позабавило. На первомъ придворномъ балѣ, королева пожелала узнать, кто имѣлъ честь танцовать съ Государынею. Императрица Елизавета Алексѣевна первымъ назвала меня, и я, по зову королевы, танцовалъ съ нею. Государь былъ этимъ недоволенъ, такъ какъ онъ всегда ставилъ впередъ военныхъ, и просилъ королеву танцовать съ его генералъ-адъютантами. Въ честь короля и королевы даны были праздники въ зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ, съ иллюминаціями и фейерверками, а также въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ воспитанницы протанцовали балетъ. Балетъ этотъ далеко оставилъ за собою все, что ставилось на большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе, по родству своему съ знатными особами, и восхищали зрителей дѣвственною своею граціею.

*

Въ 1809 г. графъ Рибопьеръ женился на внучкѣ князя Таврическаго, Екатеринѣ Михайловнѣ Потемкиной. Мать ея Татіана Васильевна, вторично вышедшая замужъ за князя Н. Б. Юсупова, была очень дружна съ Рибопьерами. Молодые люди были знакомы съ ранняго дѣтства. Склонность ихъ была взаимна. Но княгиня Юсупова мечтала для дочери о богатомъ замужествѣ, и бракъ не улаживался. Екатерина Михайловна была красавицею, Александръ Ивановичъ былъ молодецъ собою; ихъ обоихъ очень любили, и романъ ихъ возбуждалъ всеобщее участіе. Двоюродные братья невѣсты, князья Голицыны и графъ Браницкій, были очень дружны съ Александромъ Ивановичемъ и горячо взялись за дѣло. Послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось имъ добиться согласія княгини Юсуповой.

Александръ Васильчиковъ.

Село Коралово. Ноябрь 1876.

(До слѣдующей книги).

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера *).

Въ 1810 году, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта по плану Сперанскаго (который, быть можетъ, слишкомъ многое заимствовалъ изъ кодекса Наполеона), министерства были совершенно преобразованы. Дмитрій Александровичъ Гурьевъ назначенъ былъ министромъ финансовъ. Не у многихъ государственныхъ людей было столько враговъ, какъ у Гурьева. Немало интригъ ведено противъ него. Императоръ Александръ однако вѣрилъ въ его честность и познанія и постоянно защищалъ его противъ враговъ: противъ Сперанскаго, противъ Мордвинова (который одинъ изъ первыхъ прочиталъ А. Смита, вслѣдствіе чего считалъ себя искуснымъ финансистомъ) и даже противъ самого Аракчеева. Только когда великій князь Константинъ Павловичъ, безъ оглядки защищавшій Польскіе интересы, сталъ заодно съ Аракчеевымъ, графу Гурьеву пришлось оставить министерство. Онъ былъ далеко не гений, но имѣлъ умъ склонный къ порядку. Съ непоколебимою честностью соединялъ онъ рѣдкія у насъ познанія. Министерство его стяжало ему вѣчную славу. Онъ ввелъ полезныя реформы и вынесъ всю тяготу 1811, 1812 и 1813 годовъ, не заключая новаго займа и не налагая новыхъ налоговъ. Графъ Гурьевъ положилъ начало общественному кредиту: до него въ Россіи не существовало книги государственныхъ долговъ. Когда онъ прибѣгнулъ къ заграничнымъ займамъ (которые всѣ имѣли успѣхъ), много умныхъ людей, а между прочими графъ Каподистрія и Англіійскій посланникъ Вальполь, открыто заявляли, что подобная операція невозможна *въ странѣ указовъ*. Тѣмъ не менѣ операція эта вполнѣ удалась, и по болѣе выгодному курсу, чѣмъ во Франціи. Кромѣ огромныхъ внутреннихъ богатствъ Россіи было другое обстоятельство, привлекавшее капиталы: во время отечественной войны, когда двадцать языковъ нахлынули на Россію, мы не прекратили платежей и съ самою строгою точностью высылали за границу переводы. Никто лучше меня этого не можетъ знать, такъ какъ въ то время я былъ директоромъ департамента виѣшнихъ сношеній.

Д. А. Гурьевъ желалъ окружить себя людьми извѣстными и хорошихъ фамилій: онъ завербовалъ къ себѣ графа Орлова, Обрѣзкова, графа Ламберта и другихъ, а въ томъ числѣ и меня. Я вовсе не сочувствовалъ политикѣ канцлера графа Румянцова и неоднократно отклонялъ предлагаемыя мнѣ мѣста по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Неотступныя просьбы графа Гурьева убѣдили меня, и я перешелъ въ Министерство Финансовъ ¹⁾. До царствованія Александра Павловича люди, принадлежавшіе къ высшему обществу, не служили въ коллегіяхъ или бывшихъ министерствахъ. Достигнувъ

*) См. Р. Архивъ сего года, книгу первую, стр. 460.

¹⁾ По высочайшему указу отъ 3 Мая 1810 графъ Рибопьеръ перемѣщенъ въ Министерство Финансовъ.

известнаго чина, они принимали иногда какую нибудь высшую должность, но всѣ мѣста подчиненныя заняты были людьми незнатнаго происхожденія.

Графъ Гурьевъ поручилъ мнѣ сперва два отдѣленія кредитнаго департамента. Всю кредитную часть надо было, такъ сказать, создать.

*

Одно событіе надѣлало въ это время много шума. То было изгнаніе Сперанскаго и Магницкаго—событіе безпримѣрное въ царствованіе Государя добраго, кроткаго, великодушнаго и снисходительнаго. Я знавалъ Магницкаго съ ранней молодости; въ Вѣнѣ мы видались ежедневно, въ Петербургѣ мы тоже встрѣчались, хотя не такъ часто, и такъ какъ онъ зналъ многихъ чиновниковъ, то я обратился къ нему съ просьбою рекомендовать мнѣ секретаря, знакомаго съ иностранными языками, въ которомъ нуждался для моего департамента. Черезъ Магницкаго я сблизился и съ Сперанскимъ, который, сдѣлавшись секретаремъ Государя и его *дѣльцомъ* по преимуществу, работая съ нимъ постоянно, былъ вообще мало доступенъ. Однажды утромъ я зашелъ къ Магницкому, чтобы напомнить ему обѣщаніе, имъ данное, касательно рекомендаціи чиновника. Я нашелъ дверь его кабинета запечатанною. Жена его сообщила мнѣ, что мужа схватили ночью и что таже участь постигла Сперанскаго. Я поспѣшилъ предложить г-жѣ Магницкой мои услуги; но она сообщила мнѣ, что Государь уже обо всемъ подумалъ. Внимательность Императора была такъ велика, что онъ приказалъ послать въ мѣсто ссылки Сперанскаго тотъ самый хересъ, который онъ обыкновенно пилъ. Весь Петербургъ долго только объ этомъ и говорилъ. Опала Сперанскаго и Магницкаго какъ для меня, такъ и для многихъ другихъ оставалась неразгаданною тайною до возвращенія обоихъ изъ ссылки. Они одинъ за другимъ получили губернаторскія мѣста. Много лѣтъ спустя, въ Берлинѣ, черезъ который проѣзжалъ Сперанскій, отправляясь на воды, узналъ я всѣ подробности этого дѣла. Сперанскій постоянно бывалъ у меня, и мы не разъ говорили съ нимъ объ его опалѣ. Я понялъ изъ словъ его, что партіи, во главѣ которой стала великая княгиня Екатерина Павловна, удалось повредить ему во мнѣніи Государя. Сперанскаго обвиняли въ намѣреніи ниспровергнуть существующій порядокъ и въ преступныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ правительствомъ, тогда какъ сношенія эти касались исключительно до учрежденія министерствъ, которое было, быть можетъ, слишкомъ рабочимъ снимкомъ съ Французскаго образца. Сперанскій готовилъ еще преобразование Сената. Это подало поводъ врагамъ обвинить его въ революціонныхъ замыслахъ ²⁾.

Имѣнія наши были разграблены врагомъ; народонаселеніе, вслѣдствіе смертности, уменьшилось на одну четверть. Мы были раззорены. Я принужденъ былъ прервать мои служебныя занятія и поѣхать на нѣкоторое время въ деревню, чтобы нѣсколько заняться дѣлами. Я жилъ тамъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ неожиданно прискакалъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ немедленно ѣхать въ Смоленскъ, чтобы предсѣдательствовать въ слѣдственной комиссіи. Ком-

²⁾ Магницкій, въ Вологдѣ, въ 1812 г., въ одиночной бесѣдѣ сказалъ: «Коль скоро левъ сдѣлался до того ручнымъ, что клалъ намъ (т. е. ему со Сперанскимъ) на колѣна свою голову, то не дураки же мы, чтобы не поспѣшить по крайней мѣрѣ обрѣзать ему когти». П. Б.

миссии этой поручено было доискаться 7-ми миллионѣвъ рублей, которые правительство, по представленію князя Кутузова, дало въ ссуду Смоленской губерніи и которые были расхищены самымъ наглымъ образомъ ³⁾. Изъ 12 уѣздовъ Смоленской губерніи два только не видали непріятеля; остальные всѣ болѣе или менѣе пострадали, особенно же селенія, находившіяся вблизи отъ большихъ дорогъ. Несмотря на всѣ усилія чиновниковъ, во главѣ которыхъ находился тогдашній губернаторъ баронъ Ашъ, помѣшать розыску, послѣ шести мѣсяцевъ усидчиваго труда, съ помощью одного Даргомыжскаго ⁴⁾, который, изъ преданности ко мнѣ, согласился быть моимъ сотрудникомъ, я отыскалъ всѣ розданныя суммы и обнаружилъ злоупотребленія. Къ несчастію, я принужденъ былъ отдать подъ судъ чиновниковъ 10-ти уѣздовъ, которые всѣ болѣе или менѣе были причастны къ дѣлу. Я установилъ порядокъ уплаты, охранявшій интересъ казны и въ тоже самое время не слишкомъ тягостный для должниковъ.

Труды мои были оцѣнены Комитетомъ Министровъ, особенно же предсѣдателемъ его княземъ Кочубеемъ, по предложенію котораго мнѣ дѣло это и поручили. Мнѣ было до того тягостно долгое мое пребываніе между преступниками, которыхъ я принужденъ былъ обвинять, что я съ радостью принялъ мѣсто директора Коммерческаго Банка, который, по представленію графа Гурьева, Государь поручалъ мнѣ учредить ⁵⁾. Смѣло могу сказать, что это мое созданіе принесло великую пользу торговлѣ, промышленности и кредиту. (Канкрину удалось впоследствии исказить его). Я учредилъ отдѣленія банка во всѣхъ главныхъ городахъ имперіи: въ Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, Астрахани и Нижнемъ во время ярмарки. Вскорѣ я былъ назначенъ предсѣдателемъ Земскаго Банка, учрежденнаго Екатериною. Такимъ образомъ я сталъ во главѣ всѣхъ правительственныхъ кредитныхъ учреждений, исключая Ломбардовъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Стараясь облегчить финансовые обороты частныхъ людей, я тѣмъ самымъ упрочилъ благосостояніе ввѣренныхъ мнѣ учреждений, возраставшее съ каждымъ годомъ ⁶⁾.

Графъ Гурьевъ имѣлъ ко мнѣ безграничное довѣріе и любилъ какъ сына. Мы съ нимъ расходились только по двумъ предметамъ: я открыто порицалъ систему откуповъ, и время вполне оправдало мои убѣжденія на этотъ счетъ; я также сильно возставаъ противъ строгости нашего тарифа, не уничтожавшаго контрабанды, но, по моему мнѣнію, стѣснявшаго торговлю и возвышавшаго безприбыльно цѣны на вещи. Въ то время какъ я былъ главнымъ директоромъ банковъ, вниманіе министра финансовъ обращено было на Одесскій портъ.

³⁾ 21 Мая 1816 года графъ Рибопьеръ, получившій въ 1811 Владиміра на шею, по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, назначенъ предсѣдателемъ Комиссии, учрежденной въ Смоленскѣ для повѣрки отчетовъ въ суммахъ и вѣдомостей о хлѣбѣ, употребленномъ въ пособіе раззореннымъ отъ войны обывателямъ.

⁴⁾ Отецъ извѣстнаго композитора.

⁵⁾ 16 Августа 1817 графъ Рибопьеръ назначенъ управляющимъ Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ.

⁶⁾ 21 Августа 1818 графъ Рибопьеръ пожалованъ въ тайные совѣтники, 25 Іюня 1819 получилъ Анненскую ленту, а 12 Августа 1821 Владиміра 2-й степени.

Герцогъ Эммануилъ Ришелье пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ Государя, и прекрасное управленіе его Новороссійскимъ краемъ вскорѣ поставило Одессу на степень одного изъ первыхъ городовъ Имперіи. Сдѣлавшись порто-франко, Одесса росла не по днямъ, а по часамъ и торговлею своею оживляла всю новую Россію. Успѣхи эти возбудили недовольство въ баронѣ фонѣ Кампенгаузенѣ, человѣкѣ несомѣнно талантливомъ, но желчномъ и завистливомъ, скучавшемъ въ безжизненномъ Таганрогѣ, который былъ порученъ его управленію. Петръ Великій во времена оны указалъ на Таганрогъ какъ на мѣсто сбыта для Русской торговли. Но тогда другихъ городовъ на Югѣ не было. Опираясь на это указаніе великаго Монарха, Кампенгаузенъ сталъ всячески поносить Одессу и, задѣвъ за чувствительную струну Гурьева, докладывалъ ему о контрабандѣ, которую будто бы развивалъ въ страшныхъ размѣрахъ Одесскій порто-франко. Изъ этого вышло крупное дѣло. Напрасно доказывалъ я, что Одесская торговля, привлекая на Югъ Россіи капиталы всѣхъ странъ, съ лихвою оплачивала тайный ввозъ какихъ нибудь товаровъ. Министръ рѣшилъ уничтожить порто-франко, не смотря на то, что срокъ окончанія дарованной городу льготы былъ еще весьма отдаленъ. Графъ Гурьевъ поколебалъ мудрыя и либеральныя правила Государя; гибель Одессы была почти рѣшена. Герцогъ Ришелье не могъ уже защитить любимый свой городъ. Всѣ Европейскія правительства приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ и старались отстоять интересы своихъ подданныхъ, сильно затронутые предположенною мѣрою. Представленія пословъ, акредитованныхъ при нашемъ дворѣ, только раздражали Государя, не допускавшаго вѣшняго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія. Но Александръ Павловичъ охотно выслушивалъ правду: онъ часто запросто видался съ Петербургскими негоціантами, которые высказали ему эту правду. Государь призадумался; въ немъ зародилось сомнѣніе. Окончательное рѣшеніе было отложено, и онъ положилъ отправить въ Одессу довѣреннаго человѣка, который могъ бы ближе познакомиться его съ важнымъ этимъ предметомъ. Графы Каподистрія и Нессельроде были моими друзьями; они знали и раздѣляли мой образъ мыслей касательно Одессы и указали на меня Государю. Императору указаніе это полюбилось, и онъ объявилъ министру финансовъ, что намѣренъ отправить меня въ Одессу съ тѣмъ, чтобы я донесъ ему о состояніи тамошней торговли и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, на которыя предъявлялись жалобы. Гурьевъ сильно возсталъ противъ моего назначенія, представляя, что я ему необходимъ и что онъ меня никакъ не можетъ отпустить на столь долгій срокъ. Однако Государь уже рѣшилъ свой выборъ и, увидавъ меня въ тотъ же вечеръ на придворномъ балѣ, данномъ по случаю пріѣзда великой княгини Маріи Павловны, отозвалъ меня въ сторону, сообщилъ мнѣ разговоръ свой съ графомъ Гурьевымъ и приказалъ готовиться къ отъѣзду.

Положеніе мое было затруднительное: я уже заранѣе рѣшилъ идти противъ мнѣнія моего начальника; но я рассчитывалъ на его разсудительность, на его всегдашнее ко мнѣ благорасположеніе; я надѣялся, что мнѣ удастся снова навести его на образъ дѣйствій болѣе согласный съ общественнымъ мнѣніемъ и съ обязательствами правительства въ отношеніи къ торговлѣ ⁷⁾.

⁷⁾ 4 Января 1822 г. графъ Рибопьеръ отправленъ былъ въ Одессу подъ предлогомъ устройства черты порто-франко.

Пріѣздъ мой въ Одессу возбудилъ всеобщую панику. Генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ, съ которымъ я былъ очень близокъ, добрый и любезный изъ людей, но вѣтренный, болтливый и вѣчно все обращающій въ шутку, тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ прозвалъ меня *Одесскимъ тираномъ*. Я принялся за дѣятельную переписку съ графомъ Гурьевымъ, представилъ ему самый вѣрный отчетъ о положеніи дѣлъ и доказалъ, что его ввели въ заблужденіе, преувеличивая размѣры контрабанды. Всѣ негоціанты увѣрены были, что я закрою порто-франко; когда же они узнали, что я намѣренъ защитить ихъ льготы, то благодарности не было конца. Мнѣ хотѣли дѣлать оваціи, намѣревались поднести мнѣ подарокъ по подпискѣ, но я отъ всего отказался, отзываясь, что только исполнилъ долгъ свой. Мнѣ удалось отстоять порто-франко, но я провѣрилъ линію таможни, слишкомъ растинутую вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій. Мною руководили лишь выгоды Отечества, но я не могъ не принять во вниманіе и положеніе негоціантовъ, привлеченныхъ въ Одессу торжественными обѣщаніями. Мнѣ посчастливилось всѣмъ угодить. Графъ Гурьевъ убѣдился въ вѣрности моихъ представленій; онъ вмѣстѣ съ княземъ Кочубеемъ поддержалъ въ Комитетѣ Министровъ предложенныя мною мѣры, и докладъ мой удостоился высочайшаго утвержденія.

Жена моя и дѣти пріѣхали въ Одессу; мы зажили открытымъ домомъ, имѣли свою ложу въ оперѣ и каждый вечеръ принимали гостей. Такъ провели мы самымъ пріятнымъ образомъ шесть мѣсяцевъ. Слава Богу, въ продолженіе этого втораго моего порученія, мнѣ не пришлось никому причинять горя. Князь Кочубей, выказывавшій мнѣ постоянно снисходительную благосклонность, очень одобрилъ мой Смоленскій докладъ; теперь же онъ остался такъ доволенъ Одесскими моими представленіями, что задумалъ поручить мнѣ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Самъ онъ, по нездоровью, уѣзжалъ въ заграничный отпускъ. Онъ представилъ объ этомъ Государю, который было согласился на его предложеніе; но Аракчеевъ желалъ видѣть на всѣхъ должностяхъ людей ему преданныхъ, и подъ предлогомъ моего отсутствія (я еще былъ въ Одессѣ) выдвинулъ впередъ Кампенгаузена, который и былъ назначенъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Подъ конецъ пребыванія моего въ Одессѣ я съѣздили въ Бессарабію, въ Измаилъ, поклониться могилѣ отца моего. Онъ похороненъ въ тамошнемъ Греческомъ монастырѣ возлѣ самой стѣны, такъ что дерево, разросшееся надъ его могилою, цвѣтетъ уже совсѣмъ внѣ ограды⁸⁾. Изъ Одессы я вывезъ лучшую для меня награду—искреннюю благодарность жителей.

Однимъ изъ первыхъ условій благоденствія для городского жителя, по моему мнѣнію, есть хорошее помѣщеніе. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, а быть можетъ и врожденному вкусу, мнѣ съ ранняго дѣтства приходилось всегда жить удобно и щеголевато. Я не понимаю равнодушія иныхъ людей относительно помѣщенія. Всегда занятый по утрамъ, люблю теплый, но хорошо провѣтранный и покойно обмѣлированный кабинетъ, гдѣ могу имѣть все нужное, чтобы читать, писать и заниматься съ комфортомъ. Для пріема гостей мнѣ

⁸⁾ Послѣ Парижскаго мира (1856) графъ Александръ Ивановичъ перенесъ останки отца своего изъ Измаила въ Одессу, гдѣ они и были преданы землѣ на кладбищѣ.

нужна щеголеватая и хорошо освѣщенная гостинная, которая какъ-то сама по вечерамъ располагаетъ къ оживленному разговору. Часто люди въ иной гостинной весело проводятъ вечера, наслаждаются взаимнымъ обществомъ и не примѣчаютъ, какъ летитъ время; а помѣсти тѣхъ же людей въ скучную комнату, они станутъ зѣвать и думать только, какъ бы разойтись. Часто праздникъ удается, благодаря помѣщенію. Удобство почти всегда замѣняетъ роскошь и великолѣпіе. Мы жили въ это время на Гороховой, въ домѣ купца Соколова. Мы много принимали. Однажды вечеромъ, кто-то заговорилъ у насъ о домашнемъ спектаклѣ. Слово за слово, и рѣшено было играть у насъ. Я согласился, хотя, за служебными занятіями по Министерству Финансовъ, мало имѣлъ свободнаго времени. Стали выбирать пьесы и остановились на двухъ: *Fanchon la Vielleuse* и *Risochets*. Разобрали роли. Играли: жена моя, Датскій посланникъ графъ Бломъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, графъ Шуазель, Марія Павловна Сумарокова, я и другіе. Начались репетиціи. Домъ нашъ наполнился любителями, ихъ родственниками и друзьями. Каждый день пошли обѣды и вечера. Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ наступилъ великій день: дворъ и городъ къ намъ съѣхались. Государь, великій князь Михаилъ Павловичъ и великій герцогъ Мекленбургскій изъявили желаніе быть на представленіи. Позваны были и послы. Спектакль блистательно удался; всѣ роли сошли прекрасно. Друзь, первая флейта въ Европѣ, игралъ во время антрактовъ. У меня всего была одна большая зала, занятая сценою, которую мнѣ доставилъ князь Тюфякинъ, тогдашній директоръ театровъ. Она была велика, такъ какъ играющихъ было много. Танцевать можно было и въ гостинныхъ; но требовалось мѣсто для ужина. Искусный машинистъ взялся очистить залу въ полчаса, и въ самомъ дѣлѣ, точно по мановенію волшебнаго жезла, едва успѣлъ спектакль кончиться, какъ снова отворились двери, и удивленнымъ взорамъ представала зала пустая, освѣженная, со скамьями вокругъ, съ яркимъ освѣщеніемъ, съ натертымъ паркетомъ и оркестромъ, подававшимъ сигналъ къ танцамъ. Послѣ танцевъ все общество снова перешло въ гостинныя, гдѣ ужинъ былъ поданъ съ такою же быстротою. Всѣ были въ восторгѣ, и Англійскій посолъ сиръ С. Паджетъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. Праздникъ исполнѣ удался, и хотя ужинъ готовилъ извѣстный Фуассенъ, главный поваръ графа Литты, и приготовилъ его на славу, однако я отдѣлался двумя или тремя тысячами рублей.

Къ многочисленнымъ врагамъ графа Гурьева присоединился великій князь Константинъ Павловичъ, въ то время уже преданный Полякамъ. Злоупотребляя вліяніемъ своимъ на Государя, великій князь добился новаго выгоднаго для Польши тарифа, который положительно раззорялъ нашихъ фабрикантовъ. Министръ финансовъ горько жаловался; но Государь, убѣжденный словами брата, считалъ жалобы Гурьева преувеличенными. Представлялся легкій и уже испробованный способъ узнать правду; слѣдовало послать вѣрнаго чловека, чтобы на мѣстѣ изучить состояніе суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ. Графъ Гурьевъ предложилъ Государю отправить меня, и я поѣхалъ въ Москву и село Иваново. Возвратившись, я доложилъ Государю о томъ что видѣлъ, и невыгодный для Русскихъ тарифъ, тормозившій нашу торговлю съ Востокомъ, а особенно съ Китаемъ, былъ отмѣненъ. *Inde irae*. Константинъ Павловичъ никогда не простилъ Гурь-

еву столь открытаго противодѣйствія. Преданный Государю до фанатизма, Гурьевъ замѣтилъ съ глубокою скорбію, что онъ теряетъ высочайшее довѣріе и рѣшился отказаться отъ Министерства Финансовъ, оставаясь по прежнему во главѣ Кабинета и Удѣловъ. Мѣсто его занялъ Канкринъ, бывшій провіантмейстеромъ во время послѣднихъ войнъ, а потомъ занимавшійся окончательными расчетами съ Австріей. Рекомендовалъ его Аракчеевъ, личный врагъ Гурьева. Удаленіе послѣдняго совпадало съ эпохою самаго сильнаго вліянія Аракчеева, которому удалось отстранить всѣхъ, кто только пользовался довѣріемъ Государя: князя Кочубея, князя А. Н. Голицына, графа Гурьева, князя П. М. Волконскаго и многихъ другихъ. Въ кругу своихъ клеветовъ Аракчеевъ открыто хвастался, что выжилъ ихъ.

Канкринъ былъ уменъ, таланты его были несомнѣнны, теоретическія познанія велики; но на мои глаза у него былъ недостатокъ, ничѣмъ не вознаградимый: онъ не любилъ Россіи и всѣхъ Русскихъ презиралъ. Что касается до того, какъ онъ управлялъ финансами, сужу только по результатамъ, которые опредѣляются слѣдующими цифрами. Когда онъ былъ назначенъ министромъ, въ 1822 году, государство платило ежегодно 30 милліоновъ процентовъ за долги, считая погашеніе; онъ же оставилъ послѣ себя 102 милліона ежегоднаго платежа процентовъ и отмѣнилъ погашеніе. При поступленіи на новую должность, онъ хвастался тѣмъ, что вмѣстѣ съ женою имѣлъ 6,000 рублей дохода, а по смерти его оставалось 300,000 дохода. Графъ Гурьевъ никогда бы не согласился ни произвести, ни объявить банкротство; Канкринъ же сдѣлалъ и то и другое, объявивъ, что серебрянный рубль стоитъ 350 копѣекъ, тогда какъ рубль стоялъ альпари. Графъ Гурьевъ оставилъ на 600 милліоновъ бумажныхъ рублей въ оборотѣ; бумаги эти отчасти выкупались 70 милліонами серебромъ, лежавшими въ казначействѣ и представлявшими по тогдашнему курсу 245 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ ассигнаціями оставалось 355 милліоновъ. Гурьевъ, вполне Русскій человекъ и страстно преданный Императору Александру Павловичу, боролся и благородно палъ въ неравной борьбѣ этой. Канкринъ, родомъ изъ Ганау, не любившій ни Россіи, ни Русскихъ, которымъ онъ оказывалъ самое явное презрѣніе, чтобы устоять на мѣстѣ, выказывалъ притворное сопротивленіе Императору Николаю Павловичу, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что онъ уступалъ. Отсюда огромность оставленнаго имъ долга, отсюда непрестанное обираніе Банковъ, Ломбардовъ и Приказовъ, такъ что вся масса положенныхъ въ нихъ капиталовъ оставалась непокрытою. Одинъ Чигиринскій откупъ приносилъ Канкрину, въ продолженіе 12 лѣтъ, 300,000 дохода. Откупъ этотъ снова поступилъ въ казну. Канкринъ жилъ крайне экономно и могъ накопить большія богатства безупречно, я и не желаю винить его въ этомъ отношеніи. Онъ былъ весьма незнатнаго рода; говорятъ, что онъ былъ по происхожденію Еврей. Съ подчиненными онъ былъ крайне грубъ, критиковалъ и осуждалъ все сдѣланное его предѣстникомъ, придираясь и къ людямъ, и къ учрежденіямъ.

Я не могъ служить съ Канкринымъ и просилъ объ отставкѣ. Государь былъ такъ добръ, что поручилъ князьямъ П. М. Волконскому и А. Н. Голицыну переговорить со мною и отъ его имени сказать, чтобы я не покидалъ министерства; но я остался при своемъ намѣреніи и былъ переведенъ въ Герольдію, что хотя и нельзя было на-

звать немилостью, однакоже доказывало мало благоволенія со стороны Государя ⁹⁾. Это переходное положеніе продолжалось однако недолго. При первом моемъ свиданіи съ Государемъ онъ сталъ со мною говорить съ обычною своею благосклонностію и объявилъ мнѣ, что вскорѣ намѣренъ дать мнѣ новое назначеніе. Послѣднія слова его были: «*Между нами теперь на жизнь и на смерть*». Такія слова и къ тому же произнесенныя такимъ Государемъ, какимъ былъ Александръ Павловичъ, болѣе чѣмъ когда либо привязали меня къ нему. Черезъ нѣсколько дней Императоръ поѣхалъ въ Черновицъ для свиданія съ императоромъ Австрійскимъ. Вѣнскій дворянъ настаивалъ на возобновленіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портою, прерванныхъ послѣ умерщвленія патріарха Григорія и Грековъ, которые пали вслѣдствіе Гетерійскихъ возстаній. Чтобы угодить союзнику, Государь, не смотря на справедливое свое неудовольствіе противъ Турокъ, согласился возобновить сношенія съ Константинополемъ и назначилъ меня туда посланникомъ. Возвратясь въ Петербургъ, Императоръ повелѣлъ графамъ Каподистріи и Нессельроде узнать мое мнѣніе относительно готовившагося мнѣ назначенія. Я имъ отвѣчалъ, что недавно еще далъ обѣщаніе слѣпо исполнить волю Государя и что съ готовностію подчиняюсь его приказаніямъ. Но Александръ Павловичъ не удовольствовался этимъ милостивымъ порученіемъ. Встрѣтивъ жену мою, онъ спросилъ у нея, не чувствуетъ ли она отвращенія ѣхать со мною въ *эту страну чумы* и везти туда дѣтей. Онъ добавилъ, что лѣта ихъ еще не требуютъ серіозныхъ занятій, что они могутъ безпрепятственно провести тамъ нѣсколько времени, а что послѣ онъ позаботится о пріисканіи для меня другаго мѣста, болѣе удобнаго. Любезныя слова эти, преисполненныя отеческою заботливостію и произнесенныя тѣмъ обаятельнымъ тономъ, которымъ отличалась рѣчь Государя, рѣшили судьбу нашу. Я былъ назначенъ министромъ въ Константинополь ¹⁰⁾. Турки не исполняли условія, подъ которымъ Государь соглашался на мой отъѣздъ, а именно не очищали княжествъ отъ войскъ своихъ; поэтому меня задержали въ Петербургѣ. Значительное содержаніе соединено было съ новымъ моимъ званіемъ. Но такъ какъ и не вступалъ еще въ должность, то мнѣ стыдно было имъ пользоваться, и я написалъ о томъ графу Нессельроде, объявляя ему, что я отъ содержанія своего отказываюсь. Государь соблаговолилъ оцѣнить это и поручилъ вице-канцлеру сказать мнѣ, что онъ въ немъ усматриваетъ новое съ моей стороны право на его ко мнѣ благосклонность.

1824—1825 годъ прошелъ въ постоянномъ ожиданіи отъѣзда. Греческое возстаніе занимало всю Европу. Мнѣ переданы были всѣ бумаги относительно моей миссіи, и Д. В. Д., совѣтнику посольства, при предшественникѣ моемъ баронѣ Г. А. Строгановѣ, поручено было дать мнѣ всѣ должныя объясненія. Д. былъ талантливый чело-

⁹⁾ 9-го Мая 1823 года графъ Рибопьеръ получилъ бриліантовые знаки св. Анны 1-й степени, а 10-го Августа 1823 года уволенъ отъ должности управляющаго Банкомъ. О назначеніи его въ Герольдію въ его формулярномъ спискѣ не упоминается.

¹⁰⁾ 13-го Мая 1824 г. графа Рибопьера повелѣно считать въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 15-го Августа того же года онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь.

вѣкъ, но нрава несноснаго. Онъ поссорился съ своимъ начальникомъ, такъ что къ нему болѣе не являлся. Графъ Нессельроде, предупредивъ меня о пріѣздѣ Д., просилъ меня хорошо принять его. Я тѣмъ охотнѣе готовъ былъ эго сдѣлать, что кромѣ репутаціи крайне способнаго человѣка, которою онъ пользовался, я самъ лично составилъ себѣ лестное о немъ мнѣніе, читая его записку о нашихъ консульствахъ на Востокѣ. Нашъ разговоръ былъ самый интересный. Онъ вполне изучилъ вопросъ и говорилъ какъ умный и опытный человѣкъ. Я просилъ его продолжать службу со мною и продолжать меня *просвѣщать*. Я съ намѣреніемъ употребилъ это выраженіе, не назначая впрочемъ ни дня, ни часа. Д. былъ очень доволенъ моимъ пріемомъ и сказалъ вице-канцлеру: *вотъ начальникъ, съ которымъ охотно можно служить*. Торжество мое было однако кратковременно. Черезъ нѣсколько дней Д. снова пріѣхалъ ко мнѣ въ ту минуту, когда я заперся съ зубнымъ врачомъ. Человѣкъ, къ которому Д. обратился съ требованіемъ, чтобы о немъ доложили, объявилъ, что теперь нельзя, но что зубной врачъ скоро уйдетъ. *Я нидѣ и никого не жду*, въ гнѣвѣ отвѣчалъ Д. и, надѣвъ шляпу въ моемъ кабинетѣ, вышелъ и болѣе не возвращался. На другой день, гуляя по Невскому, я его встрѣтилъ; но онъ прошелъ мимо, дѣлая видъ, что меня не видитъ. Когда я вернулся изъ Турціи, онъ уже былъ министромъ юстиціи. Его необыкновенно быстро выдвинули впередъ. Мы не разъ встрѣчались, но до смерти, вскорѣ его постигшей, постоянно оставались незнакомыми другъ другу.

Смерть Императора Александра Павловича была общимъ горемъ. Мы узнали о ней въ Невскомъ монастырѣ, куда собрались, чтобы молиться о выздоровленіи любимаго Государя. Я туда поѣхалъ съ графомъ Нессельроде. Церковь была полна народомъ. Среди молебствія вошелъ генералъ Войновъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ. Онъ не вымолвилъ ни слова, и никто не обратился къ нему съ вопросомъ: мрачный и сокрушенный видъ его слишкомъ ясно говорилъ о постигшемъ всѣхъ несчастіи. Пѣніе было прервано, уныніе наступило всеобщее. «Что дѣлать?» спрашивали другъ у друга. «Поѣдьте во дворецъ». Мы туда отправились съ Нессельроде. Входя въ большую дворцовую церковь, я увидалъ великаго князя Николая Павловича, у котораго попросту часто бывалъ и который, равно какъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна, удостоивали меня особенною милостію. Видя, что члены Государственнаго Совѣта подходятъ другъ за другомъ къ присягѣ, я подошелъ къ Великому Князю и спросилъ, кому присягать. «Императору Константину», отвѣчалъ онъ и, замѣтивъ мое недоумѣніе, повторилъ: «Императору Константину», и, подвигая меня впередъ къ налою, добавилъ: «И ты, кого мы считаемъ лучшимъ нашимъ другомъ, долженъ идти первымъ». Такимъ образомъ я присягнулъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и именно тому Государю, который никогда не царствовалъ. Мнѣ 72 года ¹¹⁾, и я уже на службѣ 57 лѣтъ; несмотря на это, по странному стеченію обстоятельствъ, я только этотъ разъ присягалъ. Я былъ пожалованъ въ офицеры при Екатеринѣ II, четырехъ лѣтъ отъ роду; когда поступилъ я на дѣйствительную службу, то уже лѣтъ 10 или 11 считался на службѣ; присягаютъ же только при полученіи чина. Назначенный флигель-адъютантомъ Павла Петровича, я три

¹¹⁾ Слѣдовательно, это писано въ 1853 году.

дня сряду дежурилъ, такъ какъ некому было меня смѣнить, а вскорѣ за этимъ, только что назначенный камергеромъ, отправленъ былъ въ Вѣну. Годъ спустя, когда Павелъ I преобразовалъ дворъ свой и оставилъ при себѣ только четырехъ камергеровъ, я былъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники ¹²⁾. Но вслѣдъ за этимъ я уѣхалъ съ посольствомъ въ Карлсбадъ и снова не могъ присягнуть. При восшествіи на престолъ Александра Павловича, я сидѣлъ въ тюрьмѣ. На волю я былъ выпущенъ еще больной, такъ что и тутъ нельзя было присягнуть. Мнѣ бы слѣдовало это сдѣлать въ 1818, когда я былъ произведенъ въ тайные совѣтники; но въ это время, по случаю возложенной на меня комиссіи, я былъ въ отлучкѣ, а когда я вернулся, было уже слишкомъ поздно. Болѣзнь дѣтей и отправка въ Вѣну не дозволили мнѣ присягнуть Николаю Павловичу. Въ дѣйствительные тайные совѣтники я произведенъ былъ въ Константинополь; въ то время при мнѣ не было священника, и некому было привести меня къ присягѣ. Назначенный оберъ-шенкомъ, а потомъ оберъ-камергеромъ, я нашелъ, что не стоитъ присягать изъ-за пустыхъ придворныхъ званій. Я объ этомъ докладывалъ Государю, и онъ одобрилъ мои отказы на неоднократные призывы со стороны министра юстиціи. Наконецъ, во время кончины возлюбленнаго Императора Николая Павловича, я находился въ деревнѣ, больной; когда же пріѣхалъ въ Петербургъ, всѣ уже давно присягнули Императору Александру II-му.

Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу, дѣти мои заболѣли scarlatinoю; я принужденъ былъ запереться и, во всё продолженіе междуцарствія, ни къ кому не ѣздилъ, и никто ко мнѣ не пріѣзжалъ, за исключеніемъ графа Лаферонне ¹³⁾ и генерала (впослѣдствіи князя) Васильчикова, который однако, опасаясь за своихъ дѣтей, назначалъ мнѣ свиданія по вечерамъ среди Литейной, на которой мы оба въ то время жили. Черезъ него узнавалъ я обо всемъ, что дѣлалось, объ отъѣздѣ великаго князя Михаила Павловича въ Варшаву, объ отправкѣ Ѳедора Петровича Опочинина къ великому князю Константину Павловичу, однимъ словомъ о борьбѣ между братьями, борьбѣ великодушной, но пагубной, послѣдствія которой не должны бы были ускользнуть отъ прозорливости Николая Павловича. Онъ всегда говорилъ, и императрица Александра Ѳеодоровна не разъ подтверждала, что онъ вовсе не думалъ царствовать. И въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто восшествіе на престолъ было для него совершенною нечаянностію. Объ актахъ данныхъ на сохраненіе въ Совѣтъ, Сенатъ и Успенскій соборъ, Великій Князь узналъ одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Павловича. Государственное благо должно бы было взять верхъ надъ влеченіемъ сердца. Влеченіе это было несомнѣнно великодушно, но опасно для имперіи, остававшейся безъ признаннаго всѣми Государя.

Этою, единственною въ лѣтописяхъ исторіи, борьбою между братьями изъ за того, кому не царствовать, плохо понято войсками и жителями Петербурга, воспользовались идеологи того времени, безумно мечтавшіе о невозможной конституціи. Борьба эта подала поводъ

¹²⁾ По формулярному списку, графъ Рибопьеръ былъ переименованъ въ д. с. с. уже при Александрѣ.

¹³⁾ Французскаго посла въ Петербургѣ.

къ злосчастному возмущенію, которое ясно показало съ одной стороны всю несостоятельность пяти или шести безумцевъ, считавшихъ себя призванными преобразовать Россію, а съ другой стороны все безстрашіе и глубокую мудрость Николая Павловича, въ то время еще мало знакомаго Россіи. Если въ самомъ дѣлѣ, онъ не считалъ себя наслѣдникомъ престола, то тѣмъ болѣе стяжалъ славы и похвалъ безстрашнымъ поведеніемъ своимъ въ тѣ тяжкія минуты, когда жизнь его постоянно была въ опасности. Онъ заслужилъ прозваніе *образованнаго Петра Великаго*, которое далъ ему въ первый день его царствованія графъ Лаферонне. Вскорѣ онъ снова заслужилъ прозваніе это только инымъ образомъ. Назначенъ былъ пріемъ дипломатическому корпусу. Молодому Императору впервые приходилось публично держать рѣчь къ представителямъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Онъ, не приготавливаясь, произнесъ эту рѣчь, въ которой сильно и ясно изобразилъ свой взглядъ и ту политику, которой намѣренъ былъ слѣдовать. Выраженія Императора возбудили восторгъ и благоговѣніе во всѣхъ слушателяхъ. Лаферонне пріѣхалъ прямо ко мнѣ съ этой аудіенціи. «Ну», воскликнулъ онъ, «у васъ *есть властелинъ*. Какая рѣчь, какое благородство, какое величіе, и гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это»? Графъ Лаферонне съ этихъ поръ сдѣлался преданнымъ Государю человѣкомъ, и Государь съ своей стороны очень къ нему благоволилъ. Въ разговорахъ со мною Николай Павловичъ не иначе называлъ его какъ *нашъ другъ*. Когда графъ Лаферонне, самый благородный, самый честный изъ людей, покинулъ службу, у него не было почти средствъ къ жизни. Николай Павловичъ тайно помогалъ ему. По смерти графа, благодѣяніями Государя пользовалась вдова его; я имѣлъ счастье быть постоянно тайнымъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Хотя я отчасти пользовался благосклонностью великаго князя Константина Павловича и иногда даже бывалъ въ числѣ приближенныхъ къ нему людей, тѣмъ не менѣе съ грустью думалъ я о вошествіи его на престолъ и чтобы не присутствовать при первыхъ дняхъ правленія, отъ котораго не ожидалъ ничего добраго, я намекнулъ графу Нессельроду о желаніи моемъ ѣхать въ Вѣну съ извѣстіемъ о новомъ царствованіи. Нессельроде, зная близкія мои отношенія къ великому князю Николаю Павловичу, радъ былъ удалить меня на время отъ двора и поспѣшилъ передать новому Государю слова сказанныя мною въ то время, когда ѣхалъ о вошествіи на престолъ цесаревича Константина. Доклады о томъ, графъ Нессельроде указалъ на своевременность отправки въ Вѣну, именно меня, только что назначеннаго министромъ въ Константинополь, дабы я могъ-бы (какъ говорилъ Нессельроде) переговорить съ Вѣнскимъ кабинетомъ о нашей политикѣ относительно Порты, въ особенности же относительно Грековъ, которыхъ мы должны были защищать. Вслѣдствіе этого рѣшено было, что я поѣду въ Вѣну.

Меня все еще задерживала дома скарлатина, переходившая отъ одного изъ моихъ четверыхъ дѣтей къ другому. Съ Нессельродомъ свидѣлся я только разъ въ канцеляріи его, и то къ крайнему страху жены его ¹⁴⁾; Государь однакоже призвалъ меня къ себѣ. «Что скажешь?» воскликнулъ онъ, когда я вошелъ къ нему. «Ты меня оставилъ бригаднымъ генераломъ, а видишь теперь Императоромъ». Онъ объ-

¹⁴⁾ Рожденной графинѣ Гурьевой.

явилъ мнѣ о миссіи моей въ Вѣну, передалъ мнѣ инструкціи и добавилъ: *«Не смѣшно-ли, что я тебя отдаю приказанія!»* До воцаренія его мы оба занимали почти равныя въ служебной іерархіи должности; къ тому же, съ согласія графа Гурьева, я ему подробно объяснялъ предпринимаемыя финансовыя операціи и такимъ образомъ первый посвятилъ его въ тайны этой важной отрасли государственнаго управленія. Въ то время мы часто видались, и безъ насъ съ женою не бывало праздника или бала въ Аничковомъ дворцѣ. Мы часто втроемъ, Государь, Государыня и я, пивали чай и вели долгія бесѣды; и такимъ образомъ Ихъ Величества ко мнѣ привязались силою привычки. Привычка для царей много значить. Я это испыталъ на себѣ. Сколько разъ приходилось, вслѣдствіе зависти, сплетней и всякихъ мелкихъ придворныхъ интригъ, видѣть, какъ ко мнѣ охладѣвали, какъ даже отъ меня отворачивались; но привычка брала свое, туча проходила, и я снова находилъ прежній благосклонный пріемъ, прежнюю дружескую ласку.

Я поѣхалъ въ Вѣну извѣщать императора Франца о восшествіи на престолъ Николая Павловича ¹⁵⁾. Главною же цѣлью моего посольства были Греческія дѣла. Кромѣ того Государь поручилъ мнѣ разузнать подъ рукою, какъ себя держитъ въ Вѣнѣ посолъ нашъ Татищевъ, на счетъ котораго дошли до Государя неблагоприятныя слухи. Жена посла, Юлія Александровна Татищева, родомъ Конопка, а по первому браку Безобразова, съ которою я былъ близко знакомъ, прехитрая и претонкая штука, была въ то время въ Петербургѣ. Она опасалась, какъ бы я не занялъ мѣста ея мужа, или же какъ бы не представилъ о немъ чего либо неблагоприятнаго. Татищева явилась ко мнѣ и всячески убѣждала отказаться отъ предлагаемаго посольства, на которое, говорила она, меня назначили только съ цѣлью удалить отъ Государя. Разумѣется, всѣ свои опасенія она сообщила мужу, что я сейчасъ же замѣтилъ, пріѣхавъ въ Вѣну. У городской заставы мнѣ подана была записка отъ посла, въ которой онъ почтительно просилъ меня у него остановиться. Я однако почелъ нужнымъ ѣхать прямо въ гостинницу; но едва успѣлъ я занять номеръ, какъ вошелъ ко мнѣ Татищевъ, всегда впрочемъ оказывавшій мнѣ радушіе, и почти насильно перевезъ къ себѣ, объявивъ, что, если я не приму его гостепріимства, вся Вѣна подумаетъ, что мы на ножжахъ. Я принужденъ былъ къ нему переѣхать, и цѣлый этажъ занимаемаго имъ дома ¹⁶⁾ отданъ былъ въ мое распоряженіе. Я нашелъ въ Вѣнѣ много добрыхъ знакомыхъ, много старыхъ друзей. Меня приняли самымъ радушнымъ образомъ. Большею частію я находилъ уже дѣтей тѣхъ, кого близко знавалъ во время перваго моего пребыванія; но Вѣна отличается тѣмъ, что если разъ попадешь въ тамошнее общество, то на вѣки можно рассчитывать на добрую память и ласковый пріемъ.

Императоръ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Онъ оплакивалъ Александра Павловича, какъ лучшаго изъ друзей и сказалъ мнѣ, что вліяніе на него покойнаго Государя было огромно и что онъ ему ни въ чемъ не могъ отказать. Съ восхищеніемъ онъ говорилъ мнѣ о восшествіи на престолъ новаго моего Государя. «Онъ себя прославилъ самоотверженіемъ и твердостью», сказалъ мнѣ им-

¹⁵⁾ 19 Декабря 1825 года.

¹⁶⁾ Дворецъ князя Лихтенштейна на Герренгассѣ.

ператоръ; «первые шаги его — настоящій триумфъ; они вполне оправдали представленіе мое о новомъ вашемъ Государѣ». Переходя къ нашимъ сношеніямъ съ Портою, которыя (какъ ему было извѣстно) мнѣ поручено было возстановить, онъ припомнилъ, какъ онъ упрашивалъ Александра Павловича помириться съ Турками. «Они добрые люди», добавилъ онъ, «и ничего такъ не желаютъ какъ жить съ вами въ ладу. Признайтесь, что желаніе подавить мятежъ собственныхъ подданныхъ довольно понятно. Вамъ надо тамъ поддерживать религіозные интересы, я это знаю; но не слѣдуетъ требовать невозможнаго отъ невѣждъ и фанатиковъ. Точно также какъ и вы, я имъ сосѣдъ; у насъ были и ссоры, и войны; но съ тѣхъ поръ какъ я царствую, мы живемъ съ ними въ мирѣ и согласіи, а когда случается какой безпорядокъ на границѣ, то всегда *мои люди* виноваты». Нѣсколько разъ говорилъ онъ мнѣ про новаго моего Государя, прибавляя каждый разъ, что онъ надѣется найти въ наслѣдникѣ Александра наслѣдника *его правилъ* и его къ нему дружбы; потомъ, снова возвращаясь къ вліянію, которое имѣлъ на него Александръ Павловичъ, императоръ Францъ сказалъ: «Я не хотѣлъ отдавать Ионическія острова Англичанамъ; я предвидѣлъ послѣдствія, *но онъ это желалъ, онъ этою желалъ* и заставилъ меня согласиться. Я никогда не прошу себѣ, что пропустилъ случай возстановить Мальтійскій орденъ дарованіемъ ему этихъ острововъ, которые кажутся созданными для защиты вѣры. Это было бы самымъ приличнымъ вознагражденіемъ ордену, въ которомъ принимала участіе вся Европа; но я былъ слабъ и всегда буду это себѣ ставить въ упрекъ». Я замѣтилъ, что жители Ионическихъ острововъ исповѣдуютъ православную вѣру и что гротескнейшему Латинскаго вѣроисповѣданія было бы трудно тамъ удержаться. «Но развѣ Англичане лучше?» отвѣчалъ императоръ. Мнѣ очень хотѣлось сказать, что эта сдѣлка была промахомъ графа Каподистріи, который, по ненависти къ Франціи и ея правителю Бонапарту, со многими другими ослѣпленъ относительно Англіи и лорда Кестельре; но мы находились въ то время въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Англіею, и мнѣ не было прилично выражать къ ней недовѣріе и обнаруживать ошибки графа Каподистріи, Русскаго министра и моего друга. Государь приказалъ мнѣ еще оправдать Лебцельтерна ¹⁷⁾, у котораго во время мятежа спрятался зять его князь Сергѣй Трубецкой, главный заговорщикъ. Я всячески просилъ императора не отзываться Лебцельтерна, но не могъ выпросить ему прощенія. Наконецъ, я сказалъ: «ему на голову упала черепаца» (*c'est une tuile qui lui est tombée sur la tête*). «Согласенъ», возразилъ императоръ Францъ, «но я не люблю ушибленныхъ». Этимъ разговоръ нашъ кончился.

По выходѣ отъ императора, меня ввели къ императорскому принцу. Фельдмаршалъ Бельгардъ, котораго я часто видалъ въ томъ кружкѣ, среди котораго вращался въ Вѣнѣ, былъ его дядькою. Онъ очень любезно принялъ меня и подвелъ къ эрцгерцогу, который стоялъ подъ балдахиномъ. Я ему передалъ письмо отъ Государя. Со временъ Петра Великаго вошло въ обычай, что каждый министръ, аккредитованный при императорѣ или присланный съ чрезвычайной миссіею, привозитъ всегда письмо и къ императорскому принцу.

¹⁷⁾ Графъ Лебцельтернъ, Австрійскій посолъ въ Петербургѣ, женатъ былъ на графинѣ Лаваль, сестрѣ княгини Трубецкой.

Разговоръ съ эрцгерцогомъ былъ довольно куріозенъ. *Эрцгерцогъ*: Какъ здоровье Императора? *Я*: Слава Богу. Государь поручилъ мнѣ увѣрить в. в. въ его къ вамъ дружбѣ. *Эрцгерцогъ*: Я знаю, что всѣ здѣсь вамъ очень рады, что вы долго здѣсь жили. *Я*: Я глубоко тронутъ сдѣланнымъ мнѣ приѣмомъ. *Эрцгерцогъ*: И вамъ пріятно было встрѣтить старыхъ знакомыхъ? *Я*: Я считаю это однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.—Послѣ довольно долгой паузы, эрцгерцогъ опять спросилъ: какъ здоровье Императора? Слава Богу. Тѣже вопросы и тѣже отвѣты. Опять длиннѣйшая пауза, и эрцгерцогъ снова запѣлъ: какъ здоровье Государя?; я знаю, что всѣ здѣсь вамъ рады и проч. и проч. Фельдмаршалъ Бельгардъ, видя, что принцъ изъ заученныхъ вопросовъ выйти не можетъ, потянулъ его за фалду мундира. Это былъ условленный знакъ. Эрцгерцогъ поклонился съ улыбкою, которая безпрестанно вытягивала ротъ его, и я удалился, невольно удивляясь такому наслѣднику императорскаго престола.

Чтобы не возвращаться къ тому же предмету, расскажу здѣсь же о другой аудіенціи у того-же эрцгерцога, бывшаго уже королемъ Венгерскимъ и женатымъ на принцессѣ Сардинской, которую я только мелькомъ видѣлъ въ Генуѣ, но которая много про меня слыхала отъ хорошаго моего знакомаго маркиза Гропалло, моего Сардинскаго товарища въ Константинополѣ. Насъ къ королю и королевѣ Венгерскимъ представлялось трое: князь Тюфякинъ, князь Щербатовъ и я. Какъ министръ и дѣйств. т. совѣтникъ, я былъ старшій. Поэтому я былъ впереди и, по Вѣнскому этикету, сперва былъ представленъ королевѣ, которая осыпала меня любезностями и довольно долго со мною разговаривала. Тѣмъ временемъ король, когда къ нему подошелъ князь Тюфякинъ, выражалъ ему удовольствіе снова его видѣть. «Ваше величество, я здѣсь въ первый разъ», отвѣчалъ князь. «Хотя я васъ не видалъ», продолжалъ, не слушая, король, «съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, однако часто о васъ думалъ. Газеты были полны вами, и я съ крайнимъ интересомъ слѣдилъ за вами въ Турціи и Греціи, гдѣ вы такъ много сдѣлали хорошаго». Ошеломленный такими комплиментами, князь Тюфякинъ только кланялся и бормоталъ, что онъ пріѣхалъ не съ Востока, а изъ Парижа. Примѣтивъ, наконецъ, свою ошибку, король отпустилъ князя Тюфякина и, обратившись къ подходящему въ это время князю Щербатову, слово въ слово повторилъ ему всѣ заученныя для меня изреченія. Крайне застѣнчивый отъ природы, князь Щербатовъ смутился еще болѣе князя Тюфякина и поспѣшилъ уступить мнѣ мѣсто. Я подошелъ къ королю, который, не теряя терпѣнія, снова затянулъ сочиненныя для него графомъ Бельгардомъ фразы. Послѣдній, однако, поспѣшилъ подать знакъ къ отпуску и тѣмъ заключилъ комическую эту сцену. Мы вышли въ сосѣднюю залу, гдѣ не могли удержаться отъ смѣха, рассказывая другъ другу подробности этой забавной аудіенціи. И этотъ несчастный принцъ призванъ былъ управлять 20 разными народами! Можно ли удивляться революціи, заключившей его царствованіе?

Вѣна, которую я увидалъ еще позднѣе и которую всегда посѣщаю съ особымъ удовольствіемъ, уже далеко была не та, какою я знавалъ ее въ моей молодости. Состоянія уменьшились, частью вслѣдствіе долговъ и безумныхъ расходовъ, частью вслѣдствіе долгихъ и изнурительныхъ войнъ. Говорили, что нравы стали строже, и одинъ изъ старыхъ моихъ друзей, увидавъ меня, воскликнулъ: «Все измѣни-

лось, мой добрый Рибопьеръ; нѣтъ болѣе любви, и отъ этого нѣтъ уже болѣе веселья». Самымъ симпатичнымъ явленіемъ въ обновленномъ Вѣнскомъ обществѣ была баронесса Генріета фонъ Лейкумъ, которая вскорѣ вышла за князя Метерниха, къ великому отчаянію графини Меланіи Зичи, за которую онъ ухаживалъ и на которой все же женился, въ 3-й разъ, послѣ смерти Генріетты. Мать сей послѣдней была родомъ Венеціанка и, говорятъ, готовилась къ сценѣ. Ее принимали вездѣ ради прелестной ея дочери. Татищевъ говорилъ, что молодая Лейкумъ казалась ему принцессою, которую украла Цыганка, но которую узнаютъ по высокимъ врожденнымъ качествамъ.

Метернихъ, коего зналъ я въ юности, при началѣ дипломатической его карьеры, каждое утро бесѣдовалъ со мною о Турецко-Греческомъ дѣлѣ. Онъ заставлялъ меня читать кипу бумагъ, писанныхъ и имъ самимъ, и интернунціемъ, стараясь убѣдить меня въ томъ, что онъ поддерживалъ политику нашего двора. «Наши архивы вамъ открыты», повторялъ онъ мнѣ постоянно: «требуйте, чего хотите». Дѣло въ томъ, что онъ страхъ боялся, какъ бы мы не начали воевать и совѣтовалъ Портѣ исполнить всѣ наши требованія. Онъ въ самомъ дѣлѣ много способствовалъ рѣшенію Турціи начать Аккерманскія конференціи, которыя я велъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. (12 Февраля 1826 графъ Рибопьеръ получилъ Австрійскій орденъ Леопольда 1-й степени).

Возвратясь въ Петербургъ, я засталъ тамъ герцога Веллингтона, котораго Англійское министерство поспѣшило отправить къ Государю, чтобы какъ нибудь пристать къ нашей политикѣ на Востокѣ, опасаясь какъ бы мы не стали дѣйствовать одни. Былъ заключенъ трактатъ съ Англіею, и вскорѣ къ трактату этому присоединилась Франція. Порта рѣшилась послать уполномоченныхъ въ Аккерманъ. Я съ своей стороны туда отправился вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ графомъ Воронцовымъ. Послѣдствія нашихъ конференцій принадлежатъ исторіи; она ихъ записала, и я о нихъ распространяться не буду. Скажу только, что Турки уступили всѣмъ нашимъ требованіямъ, и мнѣ предписано было ѣхать въ Константинополь, останавливаясь въ Яссахъ и Бухарестѣ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ княжествъ, которыя Турки, наконецъ, очистили. Занятіе Турками княжествъ было одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія двора нашего.

Во время перваго нашего пребыванія въ Одессѣ генераль Лехнеръ и жена его, съ которыми мы познакомились въ Петербургѣ, бывали у насъ ежедневно, особенно г-жа Лехнеръ, которая часто приходила утромъ съ работой и оставалась до вечера. По отѣздѣ нашемъ, супружеское счастье этой парочки стало помрачаться. Баронъ Бруновъ началъ ухаживать за генеральшей, а когда я возвратился въ Одессу, раздраженный мужъ вызвалъ счастливаго своего соперника на поединокъ. Однако поединокъ былъ отложенъ, и рѣчь пошла о разводѣ. Въ то время Австрійскимъ консуломъ въ Одессѣ былъ нѣкто г. фонъ Томъ, очень умный и любезный человѣкъ, самаго лучшаго тона, принадлежавшій отчасти къ школѣ принца Де-Линя. У г-жи Лехнеръ былъ дурной Шведскій выговоръ; она не могла произнести фамилію будущаго своего втораго супруга и звала его не Brunow, а rüneau (черносливъ). Томъ увѣрилъ, что будущая баронесса читала библію и знаетъ, что яблоко было плодомъ запрещеннымъ; но она, какъ видно, не догадалась, что черносливъ (rüneau) тоже недо-

зволненный плодъ. Я не имѣлъ никакихъ причинъ прекратить знакомство съ генераломъ Лехнеромъ, но въ тоже время не могъ не принять и Брунова, который былъ при мнѣ секретаремъ. Я боялся скандала; но, замѣтивъ, что противники вовсе драться не хотятъ, поговорилъ сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ, и мнѣ удалось примирить ихъ.

Мнѣ предписано было ѣхать въ Константинополь безъ замедленія. Меня до того торопили, что съ фельдегерями выслали посуду и ливреи. Я оставилъ семейство въ Одессѣ и за два дня до Рождества отправился въ Кишиневъ. Отслушавъ обѣдню въ Кишиневѣ, въ самый день праздника я отправился далѣе. Молдавскій михмандаръ встрѣтилъ меня на границѣ княжества.

Во время войны 1806 года, Польская грязь поразила Французовъ. Наполеонъ сказалъ даже, что онъ познакомился въ Польшѣ съ пятою стихіей. Но что бы сказали Французы, еслибы побывали въ Молдавіи и Валахіи! Верховые, ѣхавшіе по сторонамъ моей кареты, на каждомъ шагу должны были обчищать колѣса, которыя отъ липкой грязи превращались въ какую-то плотную массу, такъ что уже не могли вертѣться, не смотря на усилія 17 лошадей, заложенныхъ, по мѣстному обычаю, въ мою карету.

Я принятъ былъ господами со всѣми церемоніями и всею пышностью древняго Византійскаго двора. Князья эти, подданные султана, были окружены разными сановниками, составлявшими нѣкогда штатъ Византійскихъ императоровъ. Я разыгрывалъ тутъ роль проконсула, пользовался всѣми его правами, и все передо мною склонялось. Я старался положить конецъ кое-какимъ злоупотребленіямъ, но никого не преслѣдовалъ, хотя имѣлъ подъ рукою всѣ средства остановить незаконныя дѣйствія какъ самой Порты, такъ и господарей. Безвкусная, чисто-восточная роскошь царствовала и въ Яссахъ, и въ Бухарестѣ. За обѣдомъ подавали безчисленное множество блюдъ и сластей; постели были великолѣпно украшены, а на подушкахъ столько шитья, что я не могъ ихъ употреблять и всегда ложился на походную мою кровать. Въ Яссахъ я остановился у консула нашего. Я посѣтилъ господаря. Каждое утро у меня было нѣчто въ родѣ придворнаго выхода; меня всячески честили и угощали, какъ въ Турціи всегда бываетъ съ человѣкомъ, котораго боятся. Тоже самое повторялось и въ Бухарестѣ, только еще съ болѣшимъ этикетомъ. Здѣсь я обратилъ особенное вниманіе на злоупотребленія относительно Сокотельниковъ (?) и Цыганъ, которыхъ притѣсняли господа, по своему произволу, замѣнявшему законъ.

Михмандаръ Высокой Порты выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу въ Бухарестъ и былъ моимъ проводникомъ до Константинополя. Я съ большимъ трудомъ переѣхалъ черезъ Балканы. Стояла зима и чтобы объѣхать тѣ мѣста, гдѣ еще свирѣпствовала чумная зараза, мнѣ пришлось слѣдовать по той дорогѣ, по которой ѣхалъ нѣкогда покойный дядя мой князь М. И. Кутузовъ. Огромные муканы перевозили мебель мою съ одного ночлега на другой, такъ что тамъ, гдѣ я останавливался, я находилъ покойное, чистое и теплое помѣщеніе. Михмандаръ бралъ контрибуцію со всѣхъ сосѣднихъ деревень, и я вездѣ находилъ провизію въ изобиліи. Чтобы оказать мнѣ болѣе чести, за каретою моею поставили Турка, который безпрестанно билъ въ маленькій барабанчикъ, величиною съ тарелку, издававшій глухой и заунывный звукъ. Вмѣстѣ съ нимъ флейщикъ раздиралъ

мнѣ уши. Я долѣ двухъ дней не могъ вынести этой муки и просилъ, чтобы меня отъ этого избавили. Болгары во множествѣ шли вокругъ кареты и при малѣйшемъ качаніи ее поддерживали. Свита моя была очень многочисленна. Было много верховыхъ лошадей и болѣе 300 въ упряжкѣ. Я смѣло могу сказать, что, переѣхавъ Балканы въ Январѣ мѣсяцѣ, гораздо болѣе заслужилъ титулъ Забалканскаго, нежели Дибичъ, перешедшій горы по мѣстамъ болѣе доступнымъ, въ самое благопріятное время года, съ піонерами и инженерами, не встрѣчая ни единого врага.

Я подѣхалъ прямо ко дворцу въ Буюкдере, видъ котораго очарователенъ. Дворъ окруженъ высокою стѣною, раздѣленъ на четвероугольники, покрытые самою роскошною зеленью и украшенные Бенгальскими розанами. Розаны эти, безпрестанно цвѣтушіе, возвышаются въ видѣ пирамидъ и достигаютъ до вершины самого дворца. Я никогда не прощу себѣ, что не велъ подробнаго дневника во время пребыванія моего въ Константинополь. Но мнѣ рѣшительно не доставало времени. День цѣлый проходилъ въ непрестанныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ. Сношенія съ Портою, частые переговоры съ рейсъ-ефендіемъ и другими Турецкими министрами, сношенія съ товарищами, особенно съ неуживчивымъ, нервнымъ и недовѣрчивымъ Канингомъ¹⁸⁾, который ссорился со всѣми кромѣ меня, переписка съ министерствомъ, донесенія двору, сношенія съ консулами въ княжествахъ, дѣла коммерческой моей канцеляріи, управление почтою, драгоманами, словомъ, у меня было подъ начальствомъ до 80 чиновниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не оставался празднымъ. Напротивъ, одинъ изъ нихъ, Бергъ, былъ уже слишкомъ дѣятеленъ: онъ безпрестанно хлопоталъ, былъ крайне нескроменъ, все выбалтывалъ, иногда прилыгалъ и часто меня компрометировалъ. Я принужденъ былъ просить, чтобы его отозвали, что вскорѣ и послѣдовало; но изъ-за этого вышла для меня непріятная исторія съ Дибичемъ, котораго онъ былъ агентомъ. Хотя Бергу строжайшимъ образомъ приказано было представлять мнѣ всѣ рапорты къ Дибичу, однако онъ ихъ безпрестанно отъ меня скрывалъ, опасаясь моихъ обвиненій, которыя могли разомъ ниспровергнуть все хитросплетеніе его лжи.

Какъ только я пріѣхалъ въ Константинополь, то потребовалъ аудіенціи у каймакама, исполнявшаго въ то время должность великаго визиря. Аудіенція моя у султана была назначена дня черезъ три, но одно происшествіе едва не отложило ее на неопредѣленное время. Греческій купеческій корабль пришелъ въ Цареградскую гавань, подъ Русскимъ флагомъ, что еще, до Греческаго возстанія, вошло въ обычай. Турецкія власти признали судно не только Греческимъ, но даже узнали въ немъ одинъ изъ тѣхъ пиратскихъ кораблей, которые въ то время свободно грабили по морямъ. Безъ дальнѣйшихъ церемоній, не доложивъ о томъ мнѣ, корабль схватили среди бѣлаго дня и, въ виду всего Царяграда, сорвали флагъ. Какъ скоро это дошло

¹⁸⁾ Сиръ Стратфордъ Канингъ, нынѣ лордъ Стратфордъ де Редклифъ. Состоялъ министромъ въ Константинополь въ 1825—1829 годахъ. Былъ чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Греціи въ 1830—1832 годахъ. Въ 1833 году назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, но императоръ Николай Павловичъ отклонилъ это предложеніе, чего Канингъ никогда не простилъ Государю. Въ 1842 году этотъ дипломатъ снова назначенъ былъ въ Константинополь, гдѣ оставался до 1858 года.

до моего свѣдѣнія, я приказалъ первому драгоману настойчиво протестовать противъ такого оскорбительнаго для нашего флага поступка и требовать немедленнаго удовлетворенія. Турецкіе министры, сильные своимъ правомъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ корабль этотъ былъ Греческій и на немъ никого кромѣ Грековъ не было, отказывались принять во вниманіе мои требованія и ограничивались отвѣтами. Я рѣшилъ съ самаго начала заявить Портѣ, что всякая обида нашему флагу и малѣйшее неуваженіе ко мнѣ будутъ строго наказаны. Я объявилъ, что почту себя удовлетвореннымъ только въ томъ случаѣ, если среди бѣлаго дня корабль приведутъ именно на то мѣсто, гдѣ его схватили, и если, въ присутствіи Турецкихъ властей, снова повѣсятъ флагъ, при чемъ должны быть отданы воинскія почести. Только послѣ всего этого я соглашался войти въ ближайшее разсмотрѣніе дѣла.

Между тѣмъ время шло впередъ, и наступилъ канунъ дня, въ который назначена была моя аудіенція у султана. Рейсъ-эффенди сдѣлалъ послѣднюю попытку, общая мнѣ строгой разборъ дѣла, послѣ представленія моего султану; но я объявилъ, что до тѣхъ поръ, пока честь нашего флага не возстановлена, я не явлюсь къ его величеству и что Турецкіе министры могутъ объяснить какъ имъ угодно своему повелителю отказъ мой отъ аудіенціи (для которой, между прочимъ, султанъ уже переѣхалъ изъ Чераганъ-кіоска въ Сераль). Тогда ко мнѣ подослали Прусскаго министра барона Мильтица, въ надеждѣ меня умиловить. Я принялъ совѣты этого дипломата такъ, что на вѣки отбилъ у него охоту къ подобному посредничеству. Наконецъ, рѣшились довести до султана о возникшемъ между Портою и мною пререканіи и о рѣшеніи моемъ явиться на аудіенцію не иначе какъ послѣ полной сатисфакціи. Султанъ не былъ еще тогда со мною знакомъ; быть можетъ, по чувству справедливости, а быть можетъ изъ страха надѣлать лишняго шума, онъ объявилъ министрамъ, что они напрасно отказали мнѣ въ сатисфакціи и что, до принятія какихъ либо мѣръ, имъ слѣдовало обратиться ко мнѣ, который одинъ имѣлъ право рѣшить дѣло. Корабль былъ немедленно возвращенъ на мѣсто, флагъ повѣсили въ присутствіи чиновника визаріата, воинскія почести отданы; однимъ словомъ, все произошло такъ, какъ я того требовалъ.

Я былъ представленъ султану, который принялъ меня довольно холодно; но я узналъ впослѣдствіи, что онъ остался очень доволенъ тѣмъ, что я къ нему явился съ шляпою въ рукахъ. Французы съ намѣреніемъ всегда являлись въ шляпахъ. Первый драгоманъ спросилъ меня, зачѣмъ я безъ шляпы. Я отвѣчалъ, что являюсь передъ султаномъ точно также, какъ передъ моимъ Государемъ, который именно приказалъ мнѣ оказывать Турецкому властителю такія же почести, какъ и ему самому. Это былъ первый шагъ мой къ милостямъ его величества. Вслѣдъ за этимъ началась исторія кавасовъ. Въ былое время, янычары составляли гвардію иностранныхъ дипломатовъ, а когда янычары были уничтожены, Порта предложила послать замѣнить ихъ кавасами. Послы не дали рѣшительнаго отвѣта; они условились между собою дожидаться моего пріѣзда и положиться на мое рѣшеніе. Драгоманъ Порты, предложивъ мнѣ въ тѣлохранители кавасовъ, сообщилъ въ то же время, что Французскій и Англійскій послы рѣшились сообразоваться въ этомъ дѣлѣ съ моимъ рѣшеніемъ. Я успѣшилъ заявить, что, не сомнѣваясь въ благосклонности султана

и въ желаніи его воздать должный почетъ представителю Государа Императора, приму не только кавасовъ, но и всякаго, кого ему будетъ благоугодно назначить мнѣ въ тѣлохранители. Отвѣтъ этотъ, разомъ уничтожавшій затрудненіе, которымъ Канингъ уже собрался было воспользоваться, крайне пріятенъ былъ султану. Мало по малу я вошелъ къ нему въ милость и легко достигалъ всего о чемъ просилъ: я спасъ многихъ Грековъ, освободилъ много узниковъ; однимъ словомъ, все шло прекрасно, кромѣ только Греческаго дѣла. Но здѣсь переговоры велъ я къ несчастію не одинъ, а вмѣстѣ съ Французскимъ и Англійскимъ товарищами моими, которые болѣе завидовали моимъ успѣхамъ, чѣмъ желали счастливаго окончанія общаго дѣла. Интернунцій и баронъ Мильтицъ мнѣ тоже вовсе не помогали. Впрочемъ это былъ такой вопросъ, который могъ быть рѣшенъ только войною, и война эта не замедлила вспыхнуть.

Въ то время какъ я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и работалъ, гостиная жены моей была почти постоянно полна посѣтителями. Тамъ собиралось самое пріятное общество. Французскій посолъ графъ Гильмино съ семействомъ бывалъ у насъ очень часто; двѣ дочери его были и красивы, и любезны. Министръ Нидерландскій Цюйленъ - Ванъ - Нивельдъ, жена его и шуринъ бывали почти каждый вечеръ. Баронъ Мильтицъ не выходилъ отъ насъ. Изъ секретарей мы особенно часто видали гг. Бенъо, Варена, Роже и кое-кого изъ Англичанъ, но начальникъ ихъ рѣдко показывался и не иначе какъ на конференціяхъ; Гильмино говорилъ о немъ, что онъ принадлежалъ къ самымъ необщительнымъ животнымъ изъ всего населенія Британскихъ острововъ. Русское посольство было самое многочисленное и по составу своему превосходило всѣ другія. Старикъ Фонтонъ, совѣтникъ посольства, былъ и ученый, и любезный человекъ. При немъ находились дочери и внучки; племянники его Антонъ Фонтонъ, баронъ Рикманъ, Бергъ, большой разскащикъ, графъ Александръ Толстой, графъ Иванъ Замойскій, Михаилъ Аполоновичъ Волковъ, Гурьевъ, Франкини съ женою и пр. и пр.

Наваринское дѣло раздражило султана до того, что онъ задумалъ было безъ объявленія войны насъ всѣхъ умертвить въ возмездіе за уничтоженіе Турецкаго флота. Онъ призвалъ къ себѣ Джейюма, произведеннаго въ полковники изъ простаго бимбаши, за то что первый выстрѣлилъ противъ возмущившихся на Атмейданѣ Янычаръ. Кара-Джейюмъ просилъ только дать ему время привести полкъ свой, да еще полкъ одного товарища, стоявшіе гарнизономъ въ Понтегранде и Понтепиколо, и онъ, несомѣнно, не дрогнувъ, насъ всѣхъ бы истребилъ, если бы испуганные Хозревъ-паша и великій визирь не остановили дѣла. Трудно себѣ представить, до какой степени было фанатизировано въ это время Турецкое населеніе: всѣ взялись за оружіе, и воинственные клики слышались повсюду. Между тѣмъ мы спокойно жили въ Буюкдере и обѣдали, какъ вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ г. Де ла Рю, адъютантъ генерала Гильмино, и что ему непременно нужно переговорить со мною. Я принялъ его, и онъ мнѣ объявилъ, что всѣ мои товарищи умоляютъ меня пріѣхать къ нимъ въ Перу и условиться о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять въ такое опасное время. Я велѣлъ ослѣдлатъ лошадей и поскакалъ въ Перу. Сперва я заѣхалъ къ Канингу и засталъ его дрожащимъ отъ страха. Онъ умолялъ меня помочь ему и говорилъ, что боится, что его убьютъ. Я его успокоилъ, сколько могъ, и сообщилъ объясненіе,

которое имѣлъ съ драгоманомъ Порты Эзралъ-эффенди, который, говоря о Наваринской битвѣ, осмѣлился мнѣ грозить семибашеннымъ замкомъ. «Скажите тѣмъ, кто васъ послалъ», отвѣчалъ я, «что времена подобныхъ нарушеній народнаго права прошли безвозвратно, что я никому не совѣтую переступить мой порогъ, что я вооружу всѣхъ своихъ и буду защищаться до послѣдней капли крови, и что если кто осмѣлится посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камнѣ не останется въ Константинополѣ: Государь и Россія съумѣютъ отомстить за это». Лице драгомана, послѣ этихъ словъ, отъ страха сдѣлалось смѣшно до крайности.—Мы рѣшили съ Ангійскимъ и Французскимъ посломъ, что пора уѣзжать. Порта противилась моему отъѣзду и отказала мнѣ въ паспортахъ. Я подъ рукою извѣстилъ рейсъ-эффендія, что пройду черезъ Дарданелы на двухъ транспортахъ, данныхъ мнѣ въ распоряженіе Государемъ Императоромъ. Появленіе этихъ судовъ, которые, входя въ Босфоръ, приняли видъ торговыхъ кораблей, произвело сильное впечатлѣніе въ Царѣградѣ. Я сѣлъ на корабль со всѣмъ семействомъ и частью свиты, и 5 Декабря (1827) мы подняли якорь.

Мы принуждены были провести ночь въ Родосто и только что оставились, какъ ко мнѣ прибылъ Греческій капитанъ изъ Таганрога, прося дозволенія слѣдовать за мною съ своимъ кораблемъ, носившимъ названіе: «Ваня Рибопьеръ». Корабль этотъ былъ нагруженъ пшеницею, и капитанъ хотѣлъ его спасти отъ задержанія, которое Порта уже начинала приводить въ исполненіе. Напрасно я выражалъ ему сожалѣніе о томъ, что онъ такъ поздно ко мнѣ обратился и представлялъ, что, объявивъ только о проходѣ двухъ кораблей, я не могъ явиться въ Дарданелы съ тремя суднами. Онъ настаивалъ на своемъ. Тогда я ему сказалъ, что такъ какъ Дарданелы незаперты, то пусть идетъ на собственный страхъ. Капитанъ вернулся въ Константинополь и до восхода солнца уже стоялъ возлѣ нашего корабля. Рано утромъ, 6-го Декабря, мы подняли якорь. Въ то время какъ мы подошли къ замкамъ, съ Азіатскихъ батарей стали стрѣлять. Я сейчасъ же понялъ, что это сигналъ и приказалъ лечь въ дрейфъ; но Турки стали между тѣмъ стрѣлять ядрами, и одно ядро упало около самаго корабля. Жена и дѣти мои стояли на палубѣ, офицеры схватили ихъ и свели въ каюты. Я велѣлъ спустить шлюбку и отправилъ Рикмана съ однимъ изъ моихъ драгомановъ Кирико потребовать объясненія. Турки выѣхали въ лодкѣ къ нимъ на встрѣчу и объявили, что они стрѣляли по третьему кораблю, такъ какъ имѣли предписаніе пропустить только два судна. «Несчастные!» воскликнулъ Кирико. «Что вы надѣлали? На третьемъ кораблѣ и сидитъ самъ министръ; вамъ дали знать о двухъ корабляхъ, которые его сопровождаютъ, его же корабль и безъ того всюду свободно проходить». «Мы не хорошо поняли», отвѣчали Турки, «проходите; только не жалуйтесь». Едва вышли мы изъ пролива, какъ всѣ стали стрѣлять, чтобы сразу отпраздновать именины Государя и наше освобожденіе. На другой день и на томъ же мѣстѣ, ядромъ съ той же батареей, убита была несчастная Гречанка, спасавшаяся на Греческомъ кораблѣ.

Въ Архипелагѣ насъ встрѣтилъ сильный противный вѣтеръ, и наше плаваніе до острова Сиры было утомительное. Тутъ мы случайно и счастливо попали на капитана Хрущева. Онъ на «Константинѣ» былъ отправленъ адмираломъ графомъ Гейденомъ отыскивать меня.

На этомъ фрегатѣ однакоже мы не были счастливыѣ, и противные вѣтры страшно качали насъ. Мы зашли въ Корфу, гдѣ лордъ-комисаръ генералъ Адамсъ обязательно предложилъ намъ гостепріимство. Мы проночевали ночи три въ залахъ замка и присутствовали на великолѣпномъ балѣ. Канингъ съ женою нѣсколькими днями опередилъ насъ въ Корфу; онъ очень обрадовался, увидавъ меня: вѣчно всѣхъ подозрѣвающій, онъ вообразилъ, что послѣ его отъѣзда и разрыва съ Портою, я остался въ Константинополѣ и снова завелъ съ Турками переговоры во вредъ Франціи и Англіи.

По утрамъ я осматривалъ Корфу; вездѣ народъ окружалъ меня, слѣдовалъ за мною и, на сколько смѣлъ, выказывалъ постоянное и сильное сочувствіе. Какъ легко было, еслибъ того захотѣли, поднять Іонійцевъ противъ деспотическаго и притѣснительнаго правленія Англичанъ! Послѣдніе такъ хорошо знали про ненависть къ нимъ мѣстныхъ жителей, что всѣ пушки ихъ направлены были противъ внутренности острова. Ни одинъ Корфіотъ, а они всѣ страстно любятъ охоту, не смѣлъ держать у себя ружье. Все оружіе хранилось въ арсеналѣ и выдавалось только на опредѣленное время, съ непремѣннымъ условіемъ сказать, куда идешь. Островъ Корфу нѣкогда славился торговлею масломъ и изюмомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ коринки.

Мы снова пустились въ путь, но сильный вѣтеръ останавливалъ наше плаваніе. Внезапно поднялась *бора*, страшнѣйшая буря, которая, въ продолженіе 36 часовъ, держала насъ въ опасности. Мы укрылись въ Катаро, гдѣ фрегатъ нашъ сталъ исправлять свои поврежденія. При видѣ Русскаго флага, Черногорцы вообразили, что мы пришли къ нимъ на подмогу. Они отправили ко мнѣ депутацію, которую я принялъ какъ можно лучше и приказалъ Хрущову выдать имъ пороху, въ которомъ они сильно нуждались. Наконецъ, послѣ долгаго плаванія, мы прибыли въ Триестъ. Я тамъ засталъ двухъ курьеровъ, которые давно уже меня ожидали и которые, вслѣдствіе распространившагося слуха, увѣрены были, что я погибъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы были въ большой опасности: мы плыли по волѣ вѣтра, и насъ чуть не бросило на Манфредонскія скалы. Позднѣе узналъ я изъ сочиненія Смита, что опасность наша была не такъ велика какъ воображали, вслѣдствіе феномена, порождаемаго борою. Имя это происходитъ отъ борея или же просто отъ Славянскаго слова *буря*. Бора нагоняетъ воду на Итальянскій берегъ, скалы отбрасываютъ напирющія волны, и отъ этого возвратнаго движенія образуется теченіе, которое расширяется по мѣрѣ продолжительности боры. Теченіе это увлекло нашъ фрегатъ и заставило его обогнуть Манфредонскій мысъ и скалы, далеко выдающіяся въ море. Подходя къ Триесту, я далъ себѣ слово никогда уже болѣе не садиться на корабль; но каково было мое отчаяніе, когда, раскрывъ депеши, я прочелъ предписаніе возвратиться въ Грецію, чтобы открыть конференціи съ моими двумя товарищами. Къ счастью, депеши послѣдняго курьера дозволили мнѣ конференціи эти вести въ Италіи.

Очистивъ карантинъ въ отдѣльномъ домѣ, приготовленномъ для насъ по приказанію князя Меттерниха, со всѣмъ возможнымъ комфортомъ, мы отправились черезъ Венецію во Флоренцію, а оттуда въ *Гаттиоло*, великолѣпную виллу маркизы Монтекатини, гдѣ я помѣстилъ семью свою, а свита моя заняла сосѣднюю виллу Бурломаки. Я отправилъ Гурьева и Жерве подкараулить Гильмино и Калинга, помчавшихся каждый въ свое отечество за приказаніями.

Находясь въ Триестѣ, я познакомился съ графинею Липона, нѣкогда Неаполитанскою королевою, составившею себѣ фамилію изъ анаграммы Неаполя. Я всегда ненавидѣлъ все семейство Бонапартовъ и вовсе не намѣренъ былъ знакомиться съ этимъ остаткомъ самозваннаго величія; но мнѣ нужны были кареты, чтобы спокойно продолжать путь. Мнѣ объявили, что эксъ-величество продаетъ два дорожныхъ экипажа. Я послалъ ихъ осмотрѣть и, узнавъ цѣну, рѣшился купить. Французскій дворянинъ, исполнявшій при графинѣ Липона должность гофмаршала или шталмейстера, привезъ кареты въ гостиницу и получилъ деньги. Онъ мнѣ сообщилъ по порученію эксъ-королевы, что она желаетъ меня видѣть и, узнавъ о скоромъ нашемъ отъѣздѣ, проситъ къ себѣ на другой же день. Я отправился и не скрою, что часть разговора совершенно уничтожилъ мой предубѣжденіе: графиня была вполнѣ прилична, привлекательна, остроумна, даже издали не затронула прошлаго, изъявила глубокое уваженіе къ Александру и Николаю Павловичамъ и во все время разговора произнесла только одно слово, хотя и незначущее, но обличавшее грустные воспоминанія. Она купила домъ, построенный графомъ Григоріемъ Кириловичемъ Разумовскимъ. Я похвалилъ его. Она отвѣчала: «Это былъ единственный домъ, который мнѣ понравился; когда кто долго жилъ въ Италіи, тотъ невольно привыкаетъ къ большимъ и высокимъ комнатамъ». Она приказала положить въ одну изъ каретъ великолѣпныя изданія, посвященные Наполеону, мужу ея Мюрату и ей самой, съ прекрасными гравюрами въ богатыхъ переплетахъ, при чемъ велѣла сказать, что это для моихъ дѣтей, которыя вѣрно скучаютъ въ Триестѣ. Она сама повторила мнѣ любезную эту фразу, добавивъ, что была бы счастлива содѣйствовать развлеченію дѣтей моихъ. Я ее отъ души поблагодарилъ, но уѣзжая возвратилъ, съ выраженіями полной благодарности, присланныя ею книги: мнѣ не подобало принимать такіе дорогіе подарки отъ вдовы Мюрата. Увѣряютъ, что она нѣкогда была въ связи съ княземъ Меттернихомъ во время его посольства въ Парижѣ, и это, быть можетъ, было причиною пребыванія ея въ Австрійскихъ владѣніяхъ, запертыхъ для всѣхъ другихъ Бонапартовъ. Королева Каролина Мюратъ всегда была прилична, даже въ любовныхъ связяхъ своихъ, тогда какъ сестра ея Полина отличалась, наоборотъ, наглостью, но красоты была замѣчательной. Мужъ ея, князь Боргезе, котораго я потомъ хорошо знавалъ во Флоренціи, показывалъ мнѣ ея портреты, но скрывалъ черезъ чуръ знаменитую статую, которую дѣлали по ея приказанію *въ хорошо отопленной комнатѣ* ¹⁹⁾. Первая жена Іеронима Бонапарта ²⁰⁾, рожденная Патерсонъ, была еще очень

¹⁹⁾ Знаменитая статуя Кановы Venus Victrix, находящаяся теперь въ казино виллы Боргезе въ Римѣ. Статуя эта, которую Канова лѣпилъ съ натуры, довольно обнажена. Кто-то изъ явилъ принцессѣ Полинѣ удивленіе, какъ она могла въ такомъ легкомъ костюмѣ сидѣть или, вѣрнѣе, лежать передъ Кановою. «Ничего», отвѣчала княгиня Боргезе, «комната была хорошо нагрѣта».

²⁰⁾ Бывшій король Вестфальскій, Іеронимъ Бонапартъ, младшій изъ братьевъ Наполеона, былъ двоеженецъ. Онъ женился въ 1803 г. въ Америкѣ, безъ дозволенія брата, на Елизѣ Патерсонъ, дочери Балтиморскаго негодіанта. Наполеонъ не дозволилъ женѣ брата высадиться въ Голландіи, расторгъ бракъ и женилъ Іеронима вторично въ 1807 г. на принцессѣ Екатеринѣ Виртем-

красива, когда я съ нею познакомился. Она рассказала мнѣ, чтобы дать понятіе о красотѣ ея невѣстки, слѣдующее. Полина давала обѣдъ и, такъ какъ въ тотъ же вечеръ былъ большой балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, пошла одѣваться. Одни только самые приближенные остались ея дожидаться въ гостинной, и каждый выхвалялъ кто лицо, кто талію, кто грацію хозяйки дома. Одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что совершенства на землѣ нѣтъ, и что поэтому у Полины долженъ быть какой нибудь недостатокъ. Общество хотеть отыскать этотъ недостатокъ. Является Полина во всемъ блескѣ бальнаго туалета. Всѣ на нее глядятъ, и когда она удалилась, самый строгій критикъ замѣтилъ, что, быть можетъ, ухо ея могло бы быть меньше. «И въ этомъ я не была убѣждена», добавила г-жа Бонапартъ. Надо замѣтить, что сія послѣдняя сама была необыкновенно красива и очень походила на Полину, въ чемъ по скромности никогда не хотѣла признаться.

Изъ семейства Наполеонова я также познакомился съ Іеронимомъ Бонапартомъ, женатымъ на принцессѣ Виртембергской и съ г-жею Гортензією, которая въ ту пору называлась герцогинею Де-Сень-Лѣ. Я посѣтилъ эксъ-короля Вестфальскаго не ради его, а ради его жены, которая была двоюродною сестрою Государя. Хотя она была кривобока, но очень напоминала лицомъ, голосомъ и царственнымъ видомъ достоинства и благосклонности императрицу Марію Теодоровну. Насъ приняли съ самою любезною предупредительностію, и даже въ нашу честь былъ данъ балъ. Тутъ я увидалъ г-жу Гортензію, которая насъ къ себѣ пригласила. Она еще танцевала какъ было въ модѣ при Наполеонѣ, безпрестанно и высоко припрыгивая и весьма некрасиво развѣвая свои юбки. Іеронимъ во все время бала носилъ шляпу подъ мышкою. Всѣ на этомъ балѣ были поражены сходствомъ жены моей съ императрицею Жозефиною, чего мы дотолѣ не подозрѣвали. Мы поѣхали съ визитомъ къ королевѣ Гортензіи, которая любезно спѣла намъ, совершенно Французскимъ голосомъ, сочиненные ею романсы. Ее польстило то, что мы ихъ почти всѣ знали наизусть, и она пѣла ихъ по мѣрѣ того, какъ я произносилъ первыя слова. Она показала намъ много вещей принадлежавшихъ Наполеону и матери ея; она хранила ихъ какъ святыню.

Все это относится впрочемъ до вторичнаго пребыванія моего въ Италіи; ибо послѣ перваго я покинулъ Гатаіолу и сѣлъ на корабль въ Анконѣ. Проѣзжая черезъ Марку, я полюбопытствовалъ заѣхать въ Лоретто и видѣлъ знаменитую хижину Богоматери, чудотворно перенесенную Ангелами. Паперть церкви изрыта усердными богомольцами. Самая хижина настоящая Русская изба. Знаменитая сокровищница, послѣ пребыванія Французовъ, крайне оскудѣла; самая замѣчательная вещь въ то время была жемчужная нить, пожертвованная принцессою Виртембергскою, сестрою князя Адама Чарторыжскаго.

бергской, дочери перваго короля Виртембергскаго и родной племянницѣ императрицы Маріи Теодоровны. Въ 1805 году родился въ Англіи сынъ отъ брака принца Іеронима. Сынъ этотъ, носящій названіе Іеронима Патерсонъ-Бонапарта (безъ титула), въ 1861 году (по смерти отца) началъ процессъ противъ принца Наполеона, сына принцессы Екатерины. Право Патерсона великолѣпно защищалъ знаменитый Берье; но дѣло было пріиграно во всѣхъ инстанціяхъ, и первый бракъ окончательно объявленъ недействительнымъ.

Пловучій конгрессъ нашъ въ Греціи продолжался болѣе шести мѣсяцевъ. Это было для меня время тяжкаго труда. Англія отказывалась отъ собственнаго творенія, а Канингъ всячески старался сѣздить границы бѣдной Греціи, дабы она не могла развить свои морскія силы. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ кридирался къ графу Каподистріи, всячески досаждалъ ему, возбуждалъ враговъ порядка и дѣлалъ президенту безпрестанныя затрудненія. Я вполне убѣжденъ, что рука убійцы, поразившаго Каподистрію, была вооружена агентами этой ненавистой Англіи ²¹⁾. Единственнымъ отдохновеніемъ, единственнымъ удовольствіемъ, среди этихъ грустныхъ пререкательствъ, были часы, проводимые мною съ президентомъ, который всякій вечеръ, какъ скоро оканчивались его занятія, приходилъ ко мнѣ, къ отчаянію Канинга, столь же завистливаго, какъ и подозрительнаго. Когда наши конференціи окончились, и участь Греціи рѣшалась на Лондонской конференціи, я отправился въ Неаполь. выдержавъ карантинъ на островѣ Мальтѣ. Такъ какъ у насъ шла война съ Турками, то Дарданелы были объявлены въ блокадѣ. Канингъ бѣсился и утверждалъ, что Англійское адмиралтейство признало блокаду невозможною, и что невозможность эта вполне была доказана адмираломъ Колингвудомъ. Тѣмъ не менѣе нашъ адмиралъ Рикордъ отлично повелъ дѣло и, строго наблюдая за блокадою, не поссорился ни съ Французами, ни съ Англичанами, которые, быть можетъ, только того и желали.

Въ то время какъ я былъ въ Греціи, мнѣ представили человѣка, который въ 1771 году поджегъ Турецкій флотъ при Чесмѣ. Я записалъ его имя и подробно описалъ его наружность въ записной книжкѣ, которую, къ сожалѣнію, затерялъ.

Все что относится до войны и до политики, или вошло уже въ область исторіи, или хранится еще подъ спудомъ въ нашихъ архивахъ. Не буду объ этомъ говорить. Къ чему теперь послужать рассказы о томъ, какъ я противился роковому снисхожденію двора нашего къ Англіи,—снисхожденію, которое охладило къ намъ прочіе кабинеты и только на время отдалило неминуемыя послѣдствія слѣпой ненависти Англіи къ Россіи?

Въ Неаполѣ я засталъ великую княгиню Елену Павловну. Красота, умъ и прелесть ея достигли въ это время полного развитія. Я поѣхалъ въ Римъ за женою и дѣтьми и, по отъѣздѣ великой княгини, мы поселились въ великолѣпномъ палаццѣ Патерно ²²⁾.

*

Второе пребываніе мое въ Константинополѣ было для меня рядомъ успѣховъ и торжествъ. Султанъ, вполне оцѣнившій примирительный нравъ мой, захотѣлъ принять меня частнымъ образомъ, какъ добраго знакомаго, что было неслыханнымъ дѣломъ. Онъ принялъ меня въ Давудъ-паланкъ, большой казармѣ, въ которой для него было устроено отдѣльное помѣщеніе. Условлено было, что я явлюсь съ однимъ только драгоманомъ Франкини для секретнаго совѣщанія, что также было чѣмъ-то совершенно новымъ. Султанъ, никогда не бы-

²¹⁾ См. въ Р. Архивѣ 1869 года рассказъ о гибели графа Каподистріи, принадлежащій его адъютанту, Русскому гвардейцу Райкѣ. Подозрѣнія на Англичанъ въ этомъ рассказѣ прямо не высказаны.

²²⁾ 8-го Ноября 1826 г. графу Рибопьеру пожалована табакерка съ портретомъ Государя, а 2-го Октября 1827 г. орденъ св. Александра Невскаго.

вавшій наединѣ съ двумя иностранцами, очень былъ смущенъ, когда я явился. Голосъ его дрожалъ, и онъ съ трудомъ находилъ слова. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что былъ увѣренъ въ дружбѣ къ нему Государя и что лучшимъ тому доказательствомъ было мое возвращеніе, что онъ не разъ сожалѣлъ о томъ, что не послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, и что еслибы онъ въ ту пору лучше зналъ меня, то многихъ несчастій не случилось бы. Я засталъ его одного, сидящаго на углу дивана, въ залахъ блистательной Порты тоже мѣсто, по праву, занималъ великій визирь. — Султанъ мало по малу пришелъ въ себя и обратился ко мнѣ съ распросами о моемъ здоровьѣ, о моемъ семействѣ, о моемъ путешествіи. Я ему рассказалъ, какъ я едва не погибъ, уѣзжая изъ Константинополя. «Богъ сохранялъ васъ», замѣтилъ онъ, «чтобы тѣснѣе укрѣпить дружбу, которая отнынѣ соединитъ оба наши государства». Сказавъ это, онъ вынулъ изъ-подъ подушки футляръ. «Я знаю», сказалъ онъ, «что вы Русскіе гордецы и подарковъ не принимаете; но то, что я вамъ предлагаю, вовсе не подарокъ: это только вещьца, которую я васъ прошу принять на память объ удовольствіи, мною ощущаемомъ отъ того, что вижу васъ снова при мнѣ». Въ футлярѣ была великолѣпная табакерка, осыпанная крупными брилліантами. Мнѣ не было ни малѣйшей причины, да и ни малѣйшаго желанія, отказаться отъ подарка, такъ любезно предложеннаго. Я его принялъ, выразилъ ему всю свою благодарность и рѣшился на вѣки сохранить табакерку, какъ дорогое для меня воспоминаніе.

Съ этого дня Порта постоянно выказывала мнѣ знаки почтительности, довѣрія и предупредительности. Безъ вѣдома товарищей я добился признанія Греціи, какъ независимаго государства въ границахъ, такъ скряжнически сжатыхъ Лондонскою конференціею, но я уговорился съ Турецкими министрами, что признаніе это будетъ официально даровано въ присутствіи другихъ пословъ, тщеславіе которыхъ я хотѣлъ пощадить: такимъ образомъ они могли думать, что приняли участіе въ успѣхѣ переговоровъ, которые между тѣмъ я велъ совершенно одинъ, пользуясь, это правда, дарованнымъ мнѣ позволеніемъ сбавить военную контрибуцію, которая была наложена Андрианопольскимъ трактатомъ. Такимъ образомъ мнѣ еще разъ удалось примѣнить къ дѣлу постоянное мое правило: *побѣждать не торжествуя*.

Такая же удача была мнѣ и въ Сербскихъ дѣлахъ: я добился возвращенія тѣхъ округовъ, которые захвачены были Турками во время войны и похода Чернаго Георгія, а также признанія административной независимости Сербіи, подъ управленіемъ князя Милоша, съ незначительной ежегодной данью. Сербская депутація, состоявшая при мнѣ во все время этихъ переговоровъ, добилась съ своей стороны отъ рейсъ-эффенди (правда, заплативъ ему, но все же главнымъ образомъ ради моего покровительства) права *чана*, т. е. дозволенія имѣть колокола въ Бѣлградѣ, что Туркамъ было особенно ненавистно и до тѣхъ поръ строго запрещалось. За труды мои, мнѣ отъ князя Милоша предложено было сто тысячъ дукатовъ. Разумѣется, я отъ нихъ отказался, но принялъ шаль, присланную княземъ женѣ, о чемъ впрочемъ доложилъ Государю. Года три или четыре по отъѣздѣ моемъ изъ Константинополя, когда я былъ уже въ Берлинѣ, я получилъ отъ нашего министерства присланный мнѣ княземъ Милошемъ,

въ знакъ благодарности всей Сербіи, золотой кубокъ, украшенный алмазами.

Русскій дворецъ въ Буюкдере будто нарочно устроенъ для праздниковъ. Въ немъ я устроилъ однажды пиръ горой, о которомъ въ свое время немало говорили.

Въ Царѣвградѣ существуетъ своеобразный способъ приглашенія: просить г. посла или г. посланника съ его *нацією*. Отъ этого каждый членъ дипломатическаго корпуса является во главѣ цѣлой толпы народа, въ числѣ которой находятся и первые негодіанты. Посольство наше было самое значительное, такъ какъ въ немъ насчитывалось отъ 70 до 80 чиновниковъ; Австрія, Англія, Франція, Пруссія, Сардинія, словомъ, всѣ другія государства, представили тоже свой сильный контингентъ. Султанъ Махмудъ, весьма ко мнѣ въ то время благоволившій, дозволилъ Туркамъ быть на праздникѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, съ Хозревъ-пашою во главѣ, явились на мой зовъ. Такимъ образомъ набралось болѣе 400 человекъ обою пола. Танцовали въ большой залѣ; въ другихъ пріемныхъ играли въ карты. Ужинъ въ 400 кувертовъ былъ сервированъ на терасѣ, подъ драпировкою, художественно набросанною на Итальянскія пинны, изъ которыхъ четыре макушками своими прикрывали огромное пространство, составлявшее середину пиршества. Пили сперва за здравіе Государя, потомъ султана и наконецъ всѣхъ государей, представители которыхъ были на лицѣ. Пили много, чтобы подать благой примѣръ Туркамъ, которые впрочемъ безъ малѣйшихъ просьбъ слѣдовали общему примѣру. Я велѣлъ освѣтить весь садъ, а на горѣ, у подошвы которой оканчивается терасса посольскаго дома, горѣли шифры Николая и Махмуда. Въ то время, какъ я поднялъ бокалъ за здравіе Государя, снопомъ безчисленныхъ ракетъ поднялся на воздухъ и ярко освѣтилъ всю окрестность. Въ Константинополь ничего подобнаго не видали, и даже Европейцы удивлялись.

Султану страхъ захотѣлось поглядѣть, какъ веселятся христіане; онъ инкогнито подѣхалъ въ маленькомъ кайкѣ и велѣлъ пристать къ лѣстницѣ моего дворца. Онъ отправилъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго, объявить мнѣ, что онъ наслаждается праздникомъ, но настоятельно требуетъ, чтобы я не подалъ виду о его присутствіи. Я черезъ посланнаго предложилъ угощеніе и просилъ о дозволеніи къ нему явиться; но онъ очень любезно отклонилъ то и другое, ссылаясь на народные предразсудки.

Такъ какъ праздникъ онъ видѣлъ только издали, то ему захотѣлось самому учредить что нибудь подобное, вслѣдствіе чего въ сералѣ произошла слѣдующая потѣшная сцена. «Я хочу дать праздникъ», сказалъ султанъ своимъ приближеннымъ, «и пригласить весь дипломатическій корпусъ. Сколько ихъ всѣхъ?»—«Человекъ сто», отвѣчалъ Хозревъ.—«Прекрасно; принять ихъ хорошо и хорошенько накормить». «Для этого», замѣтилъ Хозревъ, «намъ необходимо много вещей, которыхъ нѣтъ».—«Чего же именно?»—«Во первыхъ серебряной посуды».—«Сейчасъ показать. Вызвать ко мнѣ моего ювелира; я самъ съ нимъ поговорю». Опрометью побѣжали за ювелиромъ Армяниномъ Бохозомъ. Тотъ является и падаетъ ницъ передъ падишахомъ, который зазываетъ ему серебряную посуду. «На сколько персонъ?»—«На сто». «По какому образцу?»—«Рибопьеръ дастъ свое серебро на фасонъ».—«Когда должно быть все готово?»—«Черезъ 15 дней». Армянинъ дрожа отвѣчалъ, что это рѣшительно невозможно. Султанъ относительно всего

былъ грубѣйшій невѣжда, но онъ не лишенъ былъ разсудка, и ему растолковали, что серебряную посуду на сто человѣкъ невозможно сдѣлать въ такое короткое время. Онъ отказался на время отъ этого намѣренія, но праздникъ не выходилъ изъ его головы. Распросивъ подробно, что для этого было необходимо, онъ отправилъ ко мнѣ своего адъютанта Ахметъ-бея, чтобы просить у меня взаймы все что нужно было для исполненія его замысла. Я былъ очень радъ угодить ему и отправилъ на мѣсто, гдѣ предполагалось дать праздникъ, моего дворецкаго, главнаго моего повара, главнаго буфетчика, шестерыхъ официантовъ, 12 лакеевъ въ полной ливреѣ, всякаго рода прислужниковъ, столы, посуду, хрусталь, фарфоръ, однимъ словомъ все, точь въ точь будто я самъ былъ амфитріономъ. Праздникъ былъ данъ на Азіатскомъ берегу, въ виду Принцевыхъ острововъ, и удался великолѣпно. Подъ тѣнью столѣтнихъ платановъ устроена была танцевальная зала. Огромныя вѣтви деревьевъ образовали сводъ; къ нимъ прикрѣпили великолѣпную драпировку, покрывавшую большое пространство, на которомъ настлали паркетъ и которое обмѣблировали поевропейски. Диваны, фонтаны, стулья, игорные столы наполняли эту импровизованную залу, куда собрались приглашенные. Обѣдъ былъ поданъ въ великолѣпной палаткѣ, испещренной золотомъ и разноцвѣтными шитьемъ. Я нашелъ въ ней весь мой домъ и все мое хозяйство. За столъ сѣли по старшинству предъявленія своихъ кредитивовъ, и около меня сидѣла супруга адмирала Рикорда, которая приглашена была по моему настоянію. Она была первая дама, которая когда-либо получала приглашеніе отъ султана. Рейс-эффенди замѣтилъ мнѣ за столомъ, что всякій разъ, какъ султану подаютъ тарелку, онъ думаетъ, что получаетъ отъ меня записку, такъ какъ на тарелкахъ виденъ гербъ мой: Турки, не умѣя читать ни на какомъ иностранномъ языкѣ, не принимаютъ что-либо писанное безъ печати писавшаго. Обѣдъ былъ отличный. Главнѣйшій мой поваръ служилъ прежде у князя Талейрана; дворецкаго я привезъ изъ Неаполя. Къ серединѣ обѣда явился внезапно самъ султанъ. Онъ одѣтъ былъ въ казакскій кафтанъ, фіолетоваго цвѣта, а на головѣ его была феска, украшенная брилліантовымъ перомъ. Никогда султану не случалось видѣть столько христіанъ вмѣстѣ, и сначала онъ видимо оробѣлъ. Вошедъ съ той стороны, гдѣ сидѣли Французскій и Англійскій послы, онъ что-то пробормоталъ, и сейчасъ-же, увидавъ меня, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что очень радъ видѣть у себя всѣхъ друзей своихъ, *достомусъ*; потомъ, сядя между мною и г-жею Рикордъ, онъ сказалъ ей: *шефъ кельдинъ, софа кельдинъ*, т. е. добро пожаловать (несмотря на то, что адмиралъ, супругъ ея, около года держалъ Дарданелы въ блокадѣ). Потомъ, увидавъ на запасныхъ столахъ приготовленные десертные куверты, съ разложеннымъ на нихъ хлѣбомъ, онъ пожелалъ узнать, съ какою цѣлью они были приготовлены. Находя обѣдъ нашъ уже и такъ крайне долгимъ, онъ удивлялся, что собираются снова начинать его. Турки вообще мало ѣдятъ и хотя имъ подаютъ много блюдъ, но они отъ cadaго берутъ только по щепоткѣ, такъ что весь обѣдъ продолжается самое короткое время. Къ тому же они собираются для ѣды только на дачѣ и то во время Байрама; обыкновенно же Турокъ обѣдаетъ одинъ; жены и дѣти никогда не садятся за столъ. Султанъ скоро уѣхалъ. Послѣ обѣда общество вышло на морской берегъ. Здѣсь, на большой площади, танцовали медвѣди, и акробаты выдѣ-

ывали разные фокусы. Это единственное театральное зрѣлище мусульманъ. Замѣчательно, что на другой же день всѣ вещи мои были мнѣ возвращены и что все было въ полной цѣлости: не сломали ни одной тарелки, не разбили ни единого стакана. Султанъ великолѣпно вознаградилъ мою прислугу; кромѣ большихъ денежныхъ суммъ, щедро розданныхъ, дворецкій, главный поваръ и главный буфетчикъ получили прекрасныя кашемировыя шали. Султанъ, дозволивъ своимъ приближеннымъ навѣщать меня и у меня обѣдать, увидѣвъ своими глазами это множество блюдъ, самый видъ которыхъ былъ для него совершенною новостью, а главное съ трудомъ отводя глаза отъ бутылокъ и графиновъ со всякаго рода винами, полюбостествовалъ всего этого попробовать. Ахметъ-бей, любимый его адъютантъ, вышедшій въ послѣдствіи въ чины и предавшій Турецкій флотъ Махмету-Али, по просту у меня бывалъ и, сказать мимоходомъ, очень мнѣ былъ полезенъ, служа посредникомъ въ сношеніяхъ моихъ съ Махмудомъ и его довѣреннымъ секретаремъ. Однажды онъ ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ на ухо, что султанъ очень хочетъ позавтракать поевропейски и что съ этою цѣлю онъ отправится на Принцевы острова, куда иногда ѣздитъ, чтобы ухаживать за Греческими дамами. Ахметъ попросилъ у меня нѣсколько приготовленныхъ блюдъ и краснаго вина, которое самъ у меня пилъ.

И воспѣшивъ исполнить эту просьбу и заказавъ повару моему Блуди 3 или 4 блюда и къ этому присоединилъ полдюжины лучшаго моего вина; все это было старательно уложено и снесено въ каикъ Ахмета. Султанъ былъ въ восторгѣ отъ моего угощенія и такъ часто сталъ обращаться ко мнѣ съ подобными же требованіями, что вскорѣ весь мой запасъ краснаго вина вышелъ. Султанъ Махмудъ, котораго въ Европѣ считаютъ злымъ и кровожаднымъ тираномъ, былъ въ сущности добрейшій человекъ. Я знаю много подробностей о частной его жизни отъ Грека, слуги его довѣреннаго секретаря. Секретарь этотъ, Сиркіатиль-эффенди, воспитанный въ сералѣ, вмѣстѣ съ своимъ властелиномъ, былъ къ нему очень близокъ и имѣлъ на него большое вліяніе. Слуга его часто прислуживалъ Махмуду и видалъ его ежедневно. Онъ увѣрялъ меня, что султанъ былъ терпѣливъ, кротокъ и ровнаго нрава. Махмудъ желалъ добра, но не зналъ какъ приняться за дѣло. Заключение въ сералѣ до восшествія на престолъ, онъ собственно выучился только писать и немало хвасталъ въ послѣдствіи своею каллиграфіею. Впрочемъ султанъ Селимъ III, сверженный съ престола возмущившимися янычарами и влчившій, въ то время какъ двоюродный братъ его Мустафа IV царствовалъ, грустную жизнь въ сералѣ, занялся нѣсколько молодымъ Махмудомъ. Байактаръ, паша Рушукскій, преданный Селиму, задумалъ во главѣ арміи освободить его и снова возвести на престолъ. Но Селимъ и Мустафа были умерщвлены, а самъ Байактаръ, чтобы не погибнуть отъ рукъ янычаръ, заперся въ башню и взорвалъ себя на воздухъ. Такимъ образомъ престолъ опустѣлъ, и, по Турецкому закону, его долженъ былъ занять второй сынъ Абдулъ-Гамида, Махмудъ II, какъ старѣйшій изъ Османлійскихъ принцевъ. Когда за нимъ пришли, чтобы облечь его въ знаки верховной власти, его не могли найти и долго искали по сералю; наконецъ кто-то отрылъ его въ грудѣ ковровъ, куда онъ спрятался, думая, что его хотятъ убить. Безпрестанные мятежи, убійства, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, а главное совѣты султана Селима, его товарища въ тюрьмѣ и несчастіи, заставили новаго султана глубоко призаду-

маться и убѣдили его въ томъ, что дикій разгулъ янычаръ несовмѣстимъ съ его собственною властью и независимостью. Онъ рѣшился отдѣлаться отъ этого безпокойнаго войска; но, не чувствуя себя еще твердымъ на престолѣ, скрылъ свое намѣреніе и отложилъ исполненіе его до болѣе удобнаго времени. Онъ взялся за старый проэктъ султана Селима и началъ образовывать регулярныя войска *низама*. Это подало знакъ къ новому возстанію янычаръ. Махмудъ обратился къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Мусульмане толпами стекались подъ знамя Магомета, и такъ какъ уничтоженіе янычаръ было необходимымъ условіемъ не только сохраненія власти, но даже жизни, то онъ рѣшился разомъ покончить съ ними. Янычары бѣжали въ свою казарму. Казарму атаковали и ихъ тамъ уничтожили; очень многихъ убили, нѣкоторые разбѣжались по разнымъ областямъ имперіи, гдѣ запрещено было даже называть ихъ по имени. Султану предстоялъ выборъ между собственною погибелю и уничтоженіемъ неукротимаго войска. Онъ не задумался и хорошо сдѣлалъ. Это былъ первый шагъ по той стезѣ реформъ и образованій, по коей мечталъ идти Махмудъ, слѣдуя примѣру Петра Великаго, котораго осмѣлился взять себѣ въ образецъ. Это-то строгое, но необходимое рѣшеніе распространило по Европѣ славу свирѣпости, которой Махмудъ собственно вовсе не заслуживалъ.

Махмудъ очень ко мнѣ привязался и при всякомъ случаѣ выказывалъ мнѣ свое расположеніе. Однажды онъ велѣлъ мнѣ сказать, что верхомъ проѣдетъ мимо дома моего въ Буюкдере и что надѣется меня тамъ встрѣтить. Разумѣется, я ждалъ его, и въ то время какъ я стоялъ на набережной, обыкновенномъ гуляньи всѣхъ жителей Буюкдере, онъ подѣхалъ ко мнѣ и громко сказалъ: «*Рибопьеръ достумъ*», т. е. нашъ другъ, и благосклонно мнѣ поклонился. *Достому*, нашъ другъ, это выраженіе, употребляемое во всякомъ официальномъ разговорѣ, между Турецкими и иностранными министрами, но *достумъ*, мой другъ, вышедшее изъ августѣйшихъ устъ султана, раздалось по всему Цареграду и было объясняемо какъ знакъ отъменной милости. Какъ часто, получивъ ноту отъ кого нибудь изъ словъ, султанъ тайно давалъ мнѣ ее прочитывать, спрашивая моего совѣта какъ отвѣчать. Когда получено было извѣстіе о Французской революціи 1830 года, султанъ не захотѣлъ признать новое правительство и велѣлъ мнѣ сказать, что онъ не прежде на это рѣшится, какъ если я ему присовѣтую; и въ самомъ дѣлѣ, султанъ это сдѣлалъ только тогда, когда получилъ извѣстіе о рѣшеніи на этотъ счетъ Государя Императора. Султанъ имѣлъ ко мнѣ самое большое довѣріе. Разъ онъ дозволилъ секретарю Сардинскаго посольства снять съ себя портретъ; художникъ былъ весьма плохъ, но приближенные султана хвалили работу. «Вы ничего не смыслите», сказалъ Махмудъ: «снесите портретъ къ Рибопьеру, и пускай онъ скажетъ свое мнѣніе». Впрочемъ, трудно было портрету удасться: султанъ требовалъ то, чтобы глаза были побольше, то, носъ былъ бы покорооче, то, чтобы лицо было румянѣе и т. д. Султанъ сперва былъ замѣчательно блѣденъ; но со временемъ, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія вина, лицо его покрылось сильнымъ румянцемъ ²³⁾.

²³⁾ О султанѣ Махмудѣ и всей его обстановкѣ читатели могутъ найти подробности въ изданномъ нами сочиненіи Н. Н. Муравьева-Карскаго: «Русскіе на Босфорѣ». II. Б.

Сфинксы, украшающіе пристань передъ Академіею Художествъ, мои дѣти. Я ими горжусь и расскажу ихъ исторію. Я только что вернулся къ своему посту, послѣ Адрианопольскаго мира, когда ко мнѣ явился молодой офицеръ, по фамиліи Муравьевъ. Онъ счастливо совершилъ послѣднюю кампанію и желалъ посѣтить святѣя мѣста, во исполненіе обѣта, даннаго имъ, какъ видно, въ минуту опасности. Я его снабдилъ паспортомъ, *тескерс* и рекомендательными письмами къ нашимъ консульскимъ агентамъ въ Египтъ. Онъ ссейчасъ же уѣхалъ и въ Александріи встрѣтилъ одного господина, еще до войны добивавшагося вице-консульскаго мѣста. Желая заслужить мое благорасположеніе, господинъ этотъ сообщилъ Муравьеву о сфинксѣ, привезенномъ изъ Оивъ въ Александрію и отъ Французскаго консула Дарлетти перешедшемъ въ руки къ Англійскому консулу. Оказалось однако, что ни тотъ, ни другой еще окончательно не покупали его; вѣроятно консулы ожидали привоза другаго сфинкса, оставшагося въ Оивахъ. Будущій вице-консулъ прислалъ мнѣ рисунокъ и предлагалъ купить сфинксовъ. Мнѣ пріятно было предложить Государю Императору такую рѣдкую вещь, и съ слѣдующимъ же курьеромъ я написалъ о сфинксахъ. Никогда предложеніе не было скорѣе принято. Государь былъ просвѣщеннымъ цѣнителемъ искусствъ и немедленно приказалъ мнѣ купить сфинксовъ, а деньги за нихъ взять изъ положенной на Турковъ контрибуціи. Я поспѣшилъ окончить дѣло и получилъ сфинксы за 60,000 франковъ. Ихъ нагрузили на два купеческихъ корабли, которые, за позднимъ временемъ года, принуждены были пристать въ Голландіи, гдѣ дождались весны. Государь велѣлъ поставить ихъ на Васильевскомъ острову, у пристани, противъ Академіи Художествъ. А. Н. Оленинъ, бывшій въ ту пору директоромъ Академіи, приказалъ вырѣзать подъ каждымъ изъ сфинксовъ несчастныя надписи: *Ces énormes sphinxes* и пр. Всѣ надъ этимъ смѣялись, но изъ деликатности Государь оставилъ надписи, покуда живъ былъ Оленинъ; только послѣ его смерти они были стерты.

*

Здѣсь собственно прерывается автобіографія графа А. И. Рибопьера. Дальнѣйшія отрывочныя замѣтки, какъ мы уже упомянули выше, представляютъ мало интереса и относятся почти исключительно до послѣднихъ годовъ его жизни.

22-го Сентября 1829 г. графъ Рибопьеръ получилъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, а 30-го Апрѣля 1830 года, «во вниманіе къ неусыпнымъ трудамъ и къ отличному благоразумію, съ каковымъ содѣйствовалъ онъ счастливому окончанію переговоровъ съ министерствомъ Турецкимъ о независимости Греціи», произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. 23-го Октября 1830 г. онъ отозванъ былъ изъ Константинополя, а въ слѣдующемъ году назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Прусскомъ и Мекленбургскомъ дворахъ. Въ Берлинѣ графъ Рибопьеръ, какъ и вездѣ, держалъ себя съ большимъ тактомъ, ревниво ограждая достоинство Россіи. Онъ жилъ открытымъ домомъ. Въ записной его книжкѣ встрѣчаемъ слѣдующее описаніе одного изъ его пировъ:

Въ Берлинѣ я однажды далъ праздникъ, очень удавшійся. Государь пріѣхалъ къ королю со всѣмъ семействомъ. Вообразили, что путешествіе это связано съ намѣреніемъ избрать невѣсту для Государя Наслѣдника. Это привлекло въ Берлинъ всѣ Германскіе дворы. Пріѣхали: король Виртембергскій съ двумя дочерьми, наслѣдникъ

принцъ Баварскій, о которомъ поговаривали для великой княжны Ольги Николаевны (увѣряють будто тетка его, теперешняя королева Прусская, не желала того; впрочемъ, Государь вовсе не желалъ этой свадьбы, не влюбивъ принца), король Саксонскій, король и королева ГанOVERскіе, великій герцогъ Ольденбургскій, великій герцогъ и герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе, в. герцогъ и в. герцогиня Мекленбургъ-Стрѣлицкіе, герцогъ Брауншвейгскій, в. герцогъ Веймарскій, два принца Сольмсъ, сыновья королевы ГанOVERской, принцъ Августъ Виртембергскій, состоявшій на Прусской службѣ, Прусскій королевскій домъ, нашъ императорскій домъ, принцъ и принцесса Нидерландскіе и пр. и пр. Обыкновенно, когда Государь или кто изъ императорской фамиліи пріѣзжалъ въ Берлинъ, я давалъ въ честь ихъ праздникъ. Хотя на этотъ разъ Государь мнѣ ничего не говорилъ; но я узналъ, что онъ на это расчитываетъ и потому просилъ назначить день. На дворѣ посольства я велѣлъ выстроить огромную залу. Я занималъ лучший домъ въ Берлинѣ, но мнѣ нужно было мѣсто, такъ какъ я долженъ былъ пригласить болѣе 400 персонъ, а у меня въ то время жили графъ А. Ѳ. Орловъ, графъ Нессельроде со свитою, графъ Бенкендорфъ со свитою же, князь Трубецкой, да еще моя кузина графиня Потемкина. Зала, выстроенная и убранная обоями Гилтелемъ, возбудила удивленіе всего общества. Въ ней были накрыты 3 стола, одинъ въ 50 кувертовъ для королевъ, королевы и царственныхъ особъ; другой въ 60 для дипломатическаго корпуса, и 3-й для придворныхъ всѣхъ этихъ величествъ и высочествъ; 250 кувертовъ были сервированы въ нижнемъ этажѣ, въ разныхъ комнатахъ для остальнаго общества. Послѣ обѣда начался балъ и продолжался до поздней ночи. Младшая дочь моя одна помогала мнѣ принимать гостей и отлично исполнила свое дѣло. Государыня, чтобы изъяснить благодарность, прислала ей изъ Петербурга браслетъ съ шифромъ. Государь, котораго я проводилъ до улицы, гдѣ собралась толпа народа, меня 3 или 4 раза поцѣловалъ, и тѣмъ выразилъ свое удовольствіе. Праздникъ этотъ стоилъ мнѣ 12,000 дукатовъ. Распространился слухъ, будто Государь подарилъ мнѣ 50,000 рублей ассигн. въ видѣ возмѣщенія издержекъ. Это сущая ложь. Впервыхъ, я денегъ этихъ никогда бы не принялъ; а во вторыхъ не имѣлъ даже случая отъ нихъ отказаться, такъ какъ никто не думалъ мнѣ ихъ предложить. Наоборотъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ принято, что Государь даритъ своему министру табакерку съ портретомъ; я же получилъ только благодарность и похвалу. Праздникъ этотъ чуть было не отложили. Утромъ получено было извѣстіе, что «*Николай*», пароходъ, ходившій между Петербургомъ и Любекомъ, сгорѣлъ и что пассажиры едва спаслись. Князь П. А. Вяземскій привезъ это извѣстіе. Государь сейчасъ же отправилъ своего флигель-адъютанта князя Васильчикова съ большою суммою денегъ, чтобы помочь Русскимъ, находившимся на пароходѣ.

6-го Декабря 1838 года графъ Рибопьеръ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ впредъ до высочайшаго повелѣнія при занимаемой имъ должности. 25-го Марта 1839 г. онъ былъ отозванъ изъ Берлина, при чемъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 1-й степени. 16-го Августа 1841 года онъ назначенъ былъ оберъ-шенкомъ, 6-го Декабря 1844 г. повелѣно ему быть оберъ-камергеромъ, а 3-го Апрѣля 1849 года, въ Москвѣ, во время освященія новаго Кремлевскаго дворца, пожалованы ему знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. «Я служилъ покойному Государю»,

говорить графъ Рибопьеръ въ другой замѣткѣ, «вѣрою и правдою и откровенно могу добавить, что служилъ не безъ успѣха. Тѣмъ не менѣе меня отъ Государя отдалили. Императоръ Николай Павловичъ какъ будто не желалъ меня видѣть при дворѣ, а только терпѣливо сносилъ мое присутствіе. Правда, рѣчь моя, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, была ему не противна, и онъ всегда, благодаря неизмѣнной ко мнѣ милости Императрицы Александры Ѳеодоровны, принималъ меня не только благосклонно, но даже съ отличіемъ: тѣмъ не менѣе со времени возвращенія моего изъ Берлина, Государь уже ни разу не далъ мнѣ случая быть полезнымъ, я же съ своей стороны былъ слишкомъ гордъ, чтобы чего либо просить». Съ первыхъ дней возвращенія въ Петербургъ, графъ Александръ Ивановичъ сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ при дворѣ. Онъ почти ежедневно бывалъ у Государыни Александры Ѳеодоровны и по вечерамъ вслухъ читалъ ей. На это онъ былъ мастерь. Вращаясь безпрестанно въ придворномъ кругу, графъ Рибопьеръ оставался вполнѣ чуждъ всякимъ интригамъ, сплетнямъ и наушничеству; когда представлялся случай, онъ готовъ былъ замолвить доброе слово за всякаго, кто въ немъ нуждался. Въ день коронаціи нынѣ царствующаго Государя Императора, 26-го Августа 1856 года, графъ Рибопьеръ возведенъ былъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, одновременно съ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Бергомъ, Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ и Василиемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ. 17-го Апрѣля 1862 года пожалованы были ему алмазные знаки ордена св. Апостола Андрея. Это была послѣдняя монаршая милость, имъ полученная.

Въ Маѣ 1865 года, среди грустныхъ приготовленій къ погребенію въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича, графъ Александръ Ивановичъ внезапно заболѣлъ возвратною горячкою. Болѣзнь продолжалась съ небольшимъ сутки, и 24-го Мая 1865 года графа Рибопьера не стало. Онъ погребенъ на Ново-Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Екатериною Михайловною Потемкиною († 1872) у графа Александра Ивановича родилось два сына: Михаилъ, умершій въ малолѣтствѣ, и графъ Иванъ Александровичъ, и четыре дочери: Аглая Александровна († 1842 году) за барономъ Зенденомъ, Гессенскимъ уроженцемъ; Софья Александровна за генералъ-адъютантомъ графомъ Васильемъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ († 1873); Марія Александровна за г. Брасье-де-Сенъ-Симонъ, Прусскимъ посланникомъ въ Константинополь и Татьяна Александровна за гофмейстеромъ княземъ Н. Б. Юсуповымъ. Графъ Иванъ Александровичъ († 1871 г.) служилъ гофмейстеромъ, женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ Трубецкой. У нихъ сынъ графъ Юрій Ивановичъ и четыре дочери: графиня Софья Ивановна за барономъ Будбергомъ, графиня Александра Ивановна, графиня Ольга Ивановна и графиня NN. Ивановна.

Александръ Васильчиковъ.

Село Коралово. Ноябрь 1876.

